Тарас Шевченко

КОБЗАРЬ

Классики и современники

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

Тарас Шевченко

КОБЗАРЬ

Стихотворения
и поэмы

Перевод
с украинского

Москва
«Художественная литература»
1984

С(Укр.)1
Ш37

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Издание подготовлено совместно
с Институтом литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР

Примечания
В. БОРОДИНА

Оформление
Е. СОКОЛОВА

На обложке портрет Т. Г. Шевченко
работы Н. КАЛИТЫ

Шевченко Т. Г.

Ш37 Кобзарь: Стихотворения и поэмы: Пер. с укр. /Примеч. В. Бородина.— М.: Худож. лит., 1984.— 230 с., ил. (Классики и современники. Поэтич. б-ка).

В книгу выдающегося украинского поэта Т. Г. Шевченко (1814—1861) вошли избранные стихотворения и поэмы.

**ББК 84Ук1
С(Укр)1**

**Ш 4702590100-133
028(01)-84 117-84**

© Состав, примечания, оформление.
Издательство «Художественная литература», 1984 г.

ПОРЧЕНАЯ

Широкий Днепр ревет и стонет,
Сердитый ветер листья рвет,
К земле все ниже вербы клонит
И волны грозные несет.
А бледный месяц той порою
За темной тучею блуждал.
Как челн, настигнутый волною,
То выплывал, то пропадал.
Еще в селе не просыпались,
Петух зари еще не пел,
Сычи в лесу перекликались,
Да ясень гнулся и скрипел.

В этот час у темной чащи —
Внизу под горою —
Что-то белое мелькает,
Бродит над водою,
То ль русалка мать родную
Ищет среди ночи,
То ли хлопца поджидает,—
Встретит — защекочет.
Не русалка, нет — дивчина

Порченая бродит
И сама про то не знает,
Что с ней происходит.
Вот что сделала колдунья,
Чтоб не тосковала,
Чтобы сонная бродила,
Ночью поджидала
Казака, что вдаль уехал,
Что ее покинул.
Обещал он возвратиться,
Да, как видно, сгинул!
Не китайкой ему очи
Люди принакрыли,
И лицо его не слезы
Девичьи омыли:
Черный ворон вынул очи
В том ли чистом поле,
Тело волки разорвали,—
Вот казачья доля.
Видно, зря дивчина бродит,
Бродит, ожидает...
Чернобровый не вернется
И не приласкает,
Косу ей не расплетет он,
Платок не повяжет;
Не в постель, а в домовину
Сиротина ляжет!

Такой ее жребий... О боже мой милый,
За что на беднягу наслал ты беду?
За то, что всем сердцем она полюбила
Казацкие очи?.. Прости сироту!
Кого же любить ей? Она одинока,
Одна, словно пташка в далеком краю.
Пошли ты ей счастье, пошли черноокой,
Не то ее люди совсем засмеют.

Виновна ль голубка, что голубя любит?
Виновен ли голубь, что мертвым упал?
Летает подружка — воркует, тоскует,
Зовет и не знает, где он запропал.
И все же ей легче: она ведь летает,—
Помчится и к богу — о милом узнать.
А та — сирота — у кого распытает,
И кто ей расскажет, и кто о том знает,
Где милый: поит ли коня на Дунае?
Собрался ли в темном лесу ночевать?
А может, с другой он, другую ласкает,
Ее ж, чернобровую, стал забывать?
Когда бы ей птицею стать быстрокрылой,
Весь мир облетела б, а друга б нашла;
Коль жив он — любила б, а ту задушила б,
Коль умер — в могилу б с ним рядом легла.
Не так любит сердце, чтоб с кем-то делиться,
Не так оно хочет, как богом дано:
Дано ему в жизни страдать и томиться,
Но жить и томиться не хочет оно.
Такая твоя уж, о господи, воля,
Такое уж счастье у бедной и доля!

Все бродит — молча, как немая.
Угомонился Днепр ночной;
У моря ветер отдыхает,
Развеяв тучи над землей.
Сверкает месяц в небе чистом;
И все — и Днепр, и лес тенистый —
Полно глубокой тишиной.
И вдруг русалочки над плесом
Поднялись, выплыв из Днепра
(Нагие; из осоки — косы),
Кричат: «Погреться нам пора!»
«Пора!— ушло уж солнце за лес...»
. . . . . .

Их мать спросила: «Все собрались?
Идем же ужин добывать.
Поиграем, погуляем,
Попоем, пораспеваем:
Ух, ух!
Соломенный дух, дух!
Меня мать не окрестила,
Некрещеной положила.
Месяц ясный!
Голубочек наш!
Иди скорей вечерять к нам:
Лежит казак в пещере там,
Он в пещере на песке
И с колечком на руке;
Молодой да чернобровый,
Мы нашли его в дуброве.
Посвети ж нам в чистом поле,
Погулять хотим мы вволю.
Пока ведьмы здесь летают,
Петухи не запевают,
Посвети нам... Кто там бродит?
Что у дуба происходит?
Ух, ух!
Соломенный дух, дух!
Меня мать не окрестила,
Некрещеной положила».

На все лады гогочет нежить...
Лес отозвался; гам и крик,—
Сошли с ума, иль кто их режет,—
Несутся к дубу напрямик...
Вдруг они остановились,
Смотрят: у опушки
Кто-то лезет вверх по дубу
До самой макушки.
Это ж та, что под горою

Сонная бродила:
Вот какую злую порчу
Ведьма напустила!
Взобралась, на зыбких сучьях
Молча постояла,
На все стороны взглянула
И спускаться стала.
А русалочки у дуба
Ее поджидали;
Слезла — взяли сиротину
И защекотали.
Долго, долго любовались
Девичьей красою...
А запел петух — мгновенно
Скрылись под водою.
Поднялся над полем с песней
Жаворонок ранний,
А ему кукушка с дуба
Вторит кукованьем;
Соловей в кустах защелкал —
Эхо отвечает;
За горой краснеет небо;
Пахарь напевает.
Лес чернеет, где походом
Шли когда-то паны;
В дымке утренней синеют
Дальние курганы;
Зашептались лозы, шелест
Прошел по дуброве.
А дивчина спит под дубом
У большой дороги.
Спит, не слышит кукованья,
Глаз не открывает,
Сколько лет ей жить на свете —
Уже не считает.

Той порою из дубровы
Казак выезжает;
Добрый конь устал в дороге
И едва ступает.
«Притомился, друг мой верный!
Дом уж недалеко,
Где ворота нам дивчина
Распахнет широко.
А быть может, распахнула,
Да не мне — другому...
Поспешай же, мой товарищ,
Торопись до дому!»
Конь шагает через силу,—
Ступит и споткнется.
А на сердце тошно — словно
Там гадюка вьется.
«Вот и дуб знакомый... Боже!
То ж — она, касатка!
Знать, заснула, ожидая,
Было, знать, не сладко!»
Соскочил с коня и — к дубу:
«Боже ж ты мой, боже!»
Он зовет ее, целует...
Нет, уж не поможешь!
«Да за что же разлучили
Люди нас с тобою?»
Разрыдался, разбежался
Да — в дуб головою!

Идут дивчата утром ранним,
Идут с серпами — жито жать;
Поют, как бились басурмане,
Как провожала сына мать.
Идут, знакомый дуб все ближе...
Понурый конь под ним стоит,
В траве казак лежит, недвижим,

Дивчина рядом с ним лежит.
Их, ради шутки, захотели
Дивчата малость попугать.
Но подошли — и... онемели,
И в страхе бросились бежать.

Как собралися подружки —
Слезы вытирают;
Как товарищи собрались —
Две ямы копают;
А пришли попы с крестами —
В церкви зазвонили.
Их обоих честь по чести
Люди схоронили.
У широкой у дороги,
В поле закопали.
А за что они погибли —
Так и не узнали.
На его могиле явор
И ель посадили,
А червонную калину —
На ее могиле.
Днем кукушка прилетает
Куковать над ними,
А ночами — соловейка
С песнями своими.
Он поет, пока сверкает
Месяц над землею
И пока не выйдут греться
Русалки гурьбою...

[*Петербург, 1837*]

ДУМКА

Тяжко, тяжко жить на свете
Сироте без роду:
От тоски-печали горькой
Хоть с моста — да в воду!
Утопился б — надоело
По людям скитаться;
Жить нелюбо, неприютно,
Некуда деваться.
Чья-то доля ходит полем,
Колосья сбирает;
А моя-то, знать, за морем
Без пути блуждает.
Все богатого встречают,
Кланяясь поспешно,
А меня в лицо не знают,
Словно я не здешний.
Ведь богатый, хоть горбатый,—
Девушка приветит,
На мою ж любовь насмешкой
Свысока ответит.
«Иль тебе не нравлюсь — силой,
Красой не удался?
Иль тебя любил не крепко,
Над тобой смеялся?
Люби, люби кого хочешь,
Может, я не стою.
Но не смейся надо мною,
Как вспомнишь порою.
Я покинул край родимый —
Свет просторен белый.
Найду счастье — либо сгину,
Как лист пожелтелый».
И ушел казак далеко,

Ни с кем не прощался,
Искал доли в чужом поле,
Да там и остался.
Умирал — смотрел, как солнце
За морем садится...
Тяжко, тяжко на чужбине
С жизнью распроститься!

Гатчина,
2 ноября 1838 года

ДУМКА

На что черные мне брови
Да карие очи,
На что юность мне девичья —
Нет ее короче.
Годы мои молодые
Даром пропадают,
Брови черные, густые
От ветра линяют.
Сердце вянет и томится,
Как птица в неволе...
На что же мне краса моя
Без счастливой доли?
Тяжко жить мне сиротою
Без родного крова,
И родные — что чужие,
Не с кем молвить слова,
Никто меня не расспросит,
О чем плачут очи.
Сказать некому дивчине,
Чего сердце хочет,
Отчего оно, как голубь,
Воркует, чуть дышит;

Никто знать того не знает,
Не знает, не слышит.
Ни о чем не спросят люди,
Да на что и знать им —
Пускай плачет сиротина,
Пускай годы тратит...
Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Пока свет вам светит,
Громче, жалобнее плачьте,
Чтоб услышал ветер
И унес бы мои слезы
За синее море,
Пригожему, неверному
На лютое горе.

[*Петербург, 1838*]

ВЕЧНОЙ ПАМЯТИ КОТЛЯРЕВСКОГО

Солнце греет, ветер веет
С поля на долину,
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;
На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где ж соловушка сокрылся?
Где искать — не знает.
Вспомнишь горе — позабудешь:
Отошло, пропало;
Вспомнишь радость — сердце вянет:
Зачем не осталась?
Погляжу я да припомню:
Как начнет смеркаться,
Запоет он на калине —
Все молчат, дивятся.

Иль богатый да счастливый,
Кто судьбой-судьбиной
Облюбован, избалован,
Станет пред калиной;
Иль сиротка, что работать
Встанет до рассвета,
Остановится послушать,
Словно в песне этой
Мать с отцом ведут беседу,—
Сердце бьется; любо...
Все на свете точно пасха,
И люди как люди.
Или девушка, что друга
Долго поджидает,
Вянет, сохнет сиротою,
Как быть ей — не знает,
На дорогу выйдет глянуть
И поплакать в лозы;
Чуть соловушка зальется —
Высыхают слезы;
Послушает, улыбнется,
В лесу погуляет —
Точно с милым говорила,
А он не смолкает,
И кажется, будто он молится богу,
Пока не выходит злодей погулять
С ножом затаенным,— и эхо над логом
Пойдет и замолкнет: к чему распевать!
Жестокую душу смягчить ли злодею!
Лишь голос загубит, к добру не вернет;
Пусть тешится злобный, пока, холодея,
Не сляжет, коль ворон беду предречет.
Заснет долина. На калине
К утру соловушка заснет,
Повеет ветер по долине,

И эхо по лесу пойдет.
Гуляет эхо — божье слово...
Бедняги примутся за труд.
Стада потянутся в дубровы,
Дивчата по воду пойдут,
И солнце глянет — краше рая,
Смеется верба — свет зари,
Злодей опомнится, рыдая.
Так было прежде... Но смотри:
Солнце греет, ветер веет
С поля на долину;
Воду тронет, вербу клонит,
Сгибает калину;
На калине одиноким
Гнездышком играет.
Где соловушка сокрылся?
Да где ж он? Кто знает.

Недавно, недавно над всей Украиной
Старик Котляревский вот так распевал;
Замолк он, бедняга, сиротами кинул
И горы и море, где прежде витал,
Где ватагу твой бродяга
Водил за собою,
Все осталось, все тоскует,
Как руины Трои.
Все тоскует. Только слава
Солнцем засияла.
Жив кобзарь — его навеки
Слава увенчала.
Будешь ты владеть сердцами,
Пока живы люди;
Пока солнце не померкнет,
Тебя не забудем!

Ты душа святая! Речь сердца простого,
Речь чистого сердца приветливо встреть!

В сиротстве не брось, как ты бросил дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое слово,
Вернись, чтобы снова о родине петь.
Пускай улыбнется душа на чужбине,
Хоть раз улыбнется, увидев, как ты
С единственным словом приносишь и ныне
Казацкую славу в дом сироты.
Орел сизокрылый, вернись! Одиноко
Живу сиротою в суровом краю;
Стою пред морскою пучиной глубокой,
Моря переплыл бы — челна не дают.
Припомню я родину, вспомнив Энея,
Припомню — заплачу; а волны, синея,
На тот дальний берег идут и ревут.
Я света не вижу, я точно незрячий,
За морем, быть может, судьба моя плачет,
А люди повсюду меня осмеют.
Пускай улыбнется душа на чужбине —
Там солнце, там месяц сияет ясней,
Там с ветром в беседу курганы вступают,
Там с ними мне было бы сердцу теплей.
Ты душа святая! Речь сердца простого,
Речь чистого сердца приветливо встреть!
В сиротстве не брось, как ты бросил дубровы,
Промолви мне вновь хоть единое слово,
Вернись, чтобы снова о родине петь.

[Петербург, 1838]

КАТЕРИНА

Василию Андреевичу Жуковскому
на память 22 апреля 1838 года

Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями,
Москали — чужие люди,
Глумятся над вами.
Позабавится и бросит —
Поминай как звали.
А дивчина погибает
В горе да в печали.
Пусть сама б она погибла,
Кляня долю злую,
Но еще и то бывает —
Губит мать родную.
Если есть за что увянуть —
Сердце с песней вянет,
Люди в сердце не заглянут
И жалеть не станут.
Чернобровые, любитесь,
Да не с москалями,
Москали — чужие люди,
Смеются над вами.

Ни отца, ни мать родную
Слушать не хотела —

С москалем слюбилась Катря,
Как сердце велело.
Полюбила молодого,
В садик выходила,
Пока там девичью долю
Не запропастила.
Мать звала вечерять дочку —
Дочка не слыхала;
Где встречалась с любимым,
Там и ночевала.
Много ночек кари очи
Крепко целовала,
Пока вдруг не зашумела
Недобрая слава.
Что за грехи дивчину судят
Люди в разговоре:
Она любит и не слышит,
Что подкралось горе.
Весть недобрая примчалась —
В поход затрубили.
Уходил москаль, а Катре
Голову покрыли.
Не заметила позора,
Пропустила мимо:
Словно песня, сладки были
Слезы о любимом.
Обещался чернобровый:
Буду цел — вернуся.
Ожидай его, дивчина,
Ожидай, Катруся!
С москалями породнишься —
Горе позабудешь,
А пока — пускай болтают
Что угодно люди.
Не тоскует Катерина —

Слезы вытирает,
А на улице дивчата
Без нее гуляют.
Не тоскует Катерина,
А ночной порою
Берет ведра молчаливо,
Идет за водою,
Потихоньку, незаметно
Дойдет до криницы,
Тихо станет под калиной,
Запоет о *Грице*.
Так зальется, что калина
Плачет от печали.
Возвратится — и довольна,
Что не увидали.
Не тоскует Катерина,
Ничего не знает,
Из окна в платочке новом
Смотрит, ожидает.
Ожидала Катерина,
А время летело,
Захворала Катерина,
Слегла, ослабела.
Занедужила, бедняжка,
Еле-еле дышит...
Отлежалась — и за печкой
Колыбель колышет.
А соседки злые речи
С матерью заводят:
«Мол, не зря в твой дом ночами
Москали приходят.
У тебя родная дочка
Стройна и красива,
И не зря она качает
Солдатского сына:

Что искала — получила...
Уж не ты ль учила?..»
Дай вам боже, цокотухам,
Чтоб вас горе било,
Как беднягу, что вам на смех
Сына породила.

Катерина, мое сердце!
Ой, беда с тобою!
Как ты жить на свете будешь
С малым сиротою?
Кто расспросит, приласкает,
Кто вам даст укрыться?
Мать, отец — чужие люди,
С ними не ужиться!

Отлежалась Катерина,
Встала понемногу,
Под окном ласкает сына,
Смотрит на дорогу.
Смотрит Катря — нету, нету...
Может, и не будет?..
Хоть бы в сад пошла поплакать —
Так увидят люди.
Сядет солнце — Катерина
В садике гуляет,
К сердцу сына прижимает,
Тихо вспоминает:
«Здесь его я поджидала,
Здесь его встречала,
А вон там... сынок, сыночек!..»
И не досказала.

Зеленеют, зацветают
Черешни и вишни.
В тихий садик Катерина,

Как и прежде, вышла,
Но уже не запевает,
Как тогда бывало,
Когда друга молодого
Ждала-поджидала.
Приумолкла Катерина
От тоски-печали,
А соседи, а соседки
Уши прожужжали.
Пересуды да насмешки
Злобою повиты...
Где ж ты, милый, чернобровый?
В ком искать защиты?
Ой, далеко чернобровый,
И ему не видно,
Как враги над ней смеются
И как ей обидно.
Может, лег он за Дунаем
В могилу сырую?
Иль в Московщину вернулся
Да нашел другую?
Нет, не лег он за Дунаем
На глухом кладбище,
А бровей таких на свете
Нигде он не сыщет.
Пусть в Московщину поедет,
Пусть плывет за море —
С кем угодно Катерина
Красотой поспорит.
Черны брови, кари очи,
Молодая сила.
Только счастье мать родная
Дать ей позабыла.
А без счастья ты на свете,
Как в поле цветочек:

Гнет его и дождь и ветер,
Рвет его кто хочет.
Умывайся ж, Катерина,
Горькими слезами!
Москали давно вернулись
Другими путями.

II

За столом отец угрюмо
На руки склонился
И на свет смотреть не хочет,
В думу погрузился.
На скамейке, возле мужа,
Села мать-старуха
И, слезами заливаясь,
Вымолвила глухо:
«Что же, доченька, со свадьбой?
Отчего ж одна ты?
Где жених запропастился?
Куда делись сваты?
Все в Московщине. Ступай же,
Там проси защиты,
А о матери родимой
Людям промолчи ты.
Знать, в несчастную годину
Тебя породила.
Коли б знала, что случится,
Лучше б утопила...
Не увидела б ты горя,
Не была б несчастной...
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек ясный!
Словно ягодку на солнце,
Я тебя растила.

Дочка, доченька, голубка,
Что ты натворила?..
Что ж... ступай в Москву к свекрови!
Так уж, видно, нужно,
Мать послушать не хотела —
Будь хоть ей послушна.
Поищи ее да с нею
Там и оставайся.
Будь довольной, будь счастливой
И не возвращайся,
Не ищи дорог обратных
Из дальнего края...
Только кто ж меня схоронит
Без тебя, родная?
Кто поплачет надо мною,
Над старухой хилой?
И калину кто посадит
Над моей могилой?
Кто молиться будет богу
О душе о грешной?..
Дочка, доченька родная,
Мой цветочек вешний!..
Что ж... иди!»
И пошатнулась,
В путь благословляя:
«Бог с тобою!»— и упала,
Словно неживая...
«Уходи!— прибавил старый.—
Что остановилась?..»
Зарыдала Катерина,
В ноги повалилась:
«Ой, прости ты мне, родимый,
Что я натворила!
Пожалей свою Катрусю,
Голубь сизокрылый!»

«Пусть господь тебя прощает,
Пусть жалеют люди!
Молись богу и — в дорогу!
Отцу легче будет».

Еле встала, поклонилась,
Пошла за ворота;
И остались в старой хате
Старики сироты.
В тихом садике вишневом
Помолилась богу
И взяла щепоть землицы
С собою в дорогу.
«Не вернусь я в край родимый,—
Катря говорила,—
Мне в чужой земле чужие
Выроют могилу.
Но пускай своей хоть малость
Надо мною ляжет
И про горькую судьбину
Людям пусть расскажет...
Не рассказывай, не надо,
Где б ни закопали,
Чтоб меня на этом свете
Злом не поминали.
Ты не скажешь... Он вот скажет,
Кто его родная!
Где ж мне, где искать приюта,
Матерь пресвятая?
Знать, найду приют навеки
Под тихой водою.
Ты мой тяжкий грех замолишь
В людях сиротою,
Без отца!..»
Идет Катруся.

Заплаканы очи;
Голова платком покрыта,
На руках — сыночек.
Вышла в поле — сердце ноет,
Назад оглянулась —
Поклонилась, зарыдала,
В слезах захлебнулась.
Стала в поле, словно тополь
У дороги пыльной.
Как роса ночная, слезы
Полились обильно.
И не видит за слезами
Света Катерина,
Только крепче прижимает
Да целует сына.
А сыночек-несмышленыш
Не знает заботы:
Ищет пазуху ручонкой
Да лепечет что-то.
За дубровой солнце село.
Наступает вечер.
Повернулась, зашагала
Далеко-далече.
В селе долго говорили,
Долго рассуждали.
Только тех речей родные
Уже не слыхали...

Вот что делают на свете
Людям сами ж люди!
Того вяжут, того режут,
Тот сам себя губит...
А за что? Господь их знает!
Глянешь — свет широкий,
Только негде приютиться

Людям одиноким...
Одному даны просторы
От края до края,
А другому — три аршина,
Могила сырая.
Где ж те добрые, которых
День и ночь искали,
С кем хотелось жить на свете?
Пропали, пропали!

Есть на свете доля,
А кто ее знает?
Есть на свете воля,
Где ж она гуляет?
Есть люди на свете —
В золоте сияют,
Кажется, богаты,
А доли не знают —
Ни доли, ни воли!
С бедой породнятся —
Жупан надевают,
А плакать стыдятся.
Так берите ж злато,
Богачами станьте,
А горькие слезы
Для меня оставьте.
Затоплю недолю
Горькими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!
Тогда я и весел,
Богат и доволен,
Когда мое сердце
Забьется на воле!

III

Кричат совы, спит дуброва,
Звездочки сияют.
У дороги в свежих травах
Суслики шныряют.
Люди добрые заснули,
Ночка всех покрыла —
Кого счастье, кого горе
За день утомило.
Собрала всех, уложила,
Словно мать, колышет...
Где ж Катруся приютилась,
Под какою крышей?
Может, сына забавляет
В поле под копною?
Или прячется от волка
В лесу за сосною?
Брови черные, вам лучше б
Вовсе не родиться,
Коль такое горе с вами
Может приключиться!
Что-то дальше будет с нею?
Горе, горе будет!
Ждет ее песок сыпучий
Да чужие люди.
Ждет ее зима да вьюги...
Если ж тот найдется —
Приласкает ли он сына
Или отвернется?
С ним бы все она забыла,
Всю тоску былую!
Он и встретит и приветит,
Как свою родную...

Что ж, послушаем, посмотрим,
Подождем немного...
А пока что разузнаем,
Где в Москву дорога.
Ой, далекая дорога!
Мне она известна.
Только вспомню да припомню —
Сердцу станет тесно.
Исходил ее, измерил —
Дай бог век не мерять!..
Рассказать про это горе —
Никто не поверит.
Скажут: «Врет он и признаться
В том, что врет, не хочет.
Слова тратит понапрасну
Да людей морочит...»
Правда, люди, правда ваша!
Вам какое дело
До того, что мое сердце
Выплакать хотело!
Своего у всех немало,
Всем и так тоскливо...
Чур же, хватит! А покамест
Нате-ка огниво
Да табак, чтобы тоскою
Сердце не томилось.
А рассказывать про горе,
Чтобы после снилось,—
Да ну его, братцы, к бесу!
Лучше я прикину,
Что в дороге повстречало
Мою Катерину.

За Днепром, дорогой в Киев,
Чумаки шагают,

Пугача в лесу зеленом
Громко распевают.
Им навстречу молодица —
С богомолья, что ли...
Отчего ж печально смотрит,
От какой недоли?
С пустой торбой за плечами
Да в свитке дырявой;
В левой руке палка. Тихо
Спит малыш на правой.
С чумаками поравнялась.
Малыша прикрыла.
«Укажите, где дорога
На Москву?» — спросила.
«На Москву? Вот эта будет.
А идешь далеко?»
«До Москвы я... Христа ради,
Дайте одинокой!»
Попросила, застыдилась:
Ой, как брать ей тяжко!
И не надо б..., да ребенок
Голоден, бедняжка!
Обливаясь слезами,
Пошла, заспешила.
В Броварах медовый пряник
Ивасю купила...
Шла Катруся. У прохожих
Путь разузнавала.
Приходилось — под забором
С сыном ночевала...

Вот на что Катрусе — дивчата, смотрите,
Глаза пригодились, — слезы проливать!
Кайтесь-зарекайтесь, учитесь, живите,
Чтоб не довелося москаля искать,

Чтобы не блуждать вам, как она блуждает...
Не спрашивать после — за что осуждают,
За что не пускают в хату ночевать.
Что же спрашивать напрасно,
Люди разве знают;
Когда сам господь карает,
И они карают...
Люди гнутся, словно лозы,
Куда ветер веет.
Сиротине солнце светит
(Светит, да не греет),
Но и солнце б люди скрыли,
Если б сил хватило, —
Чтоб сироте не светило
Да слез не сушило.
А за что, отец небесный,
Такая награда?
В чем бедняга провинилась?
Чего людям надо?
Чтобы плакала, томилась...
Не плачь, Катерина!
Горьких слез не лей при людях,
Терпи, сиротина!
А чтоб личико не блекло
С черными бровями,
До зари в лесу дремучем
Умойся слезами!
Умоешься — не увидят
И не насмеются;
И вздохнет свободней сердце,
Пока слезы льются.

Вот какое горе может повстречаться:
Поиграл и бросил Катрусю москаль.
Недоля не видит, к кому приласкаться,

А люди хоть видят, да людям не жаль:
«Пускай, мол, от горя погибнет дивчина,
Коли не умела себя уважать».
Глядите ж, дивчата, чтоб в злую годину
И вам москаля не пришлось бы искать!

Где же Катря бродит?
Под забором ночевала,
До зари вставала.
До Москвы дойти спешила —
Вдруг зима настала.
Свищет вьюга-завируха,
Тяжко Катерине:
В рваной свитке, в лаптях старых
На морозе стынет.
Идет, смотрит Катерина —
Что-то там мелькает...
Москали, наверно, едут...
Сердце замирает.
Полетела им навстречу:
«Может быть, видали,
Где Иван мой чернобровый?»
«Не знаем!» — сказали.
Насмехаются над нею,
Шутят, озоруют:
«Ай да баба! Ай да наши!
Хоть кого надуют!»
Поглядела Катерина:
«Ой вы, люди, люди!..
Успокойся, мой сыночек!
Что будет, то будет.
Побредем с тобою дальше,
Может, и отыщем.
Я отдам тебя и лягу
В яму на кладбище».

Поднялась навстречу вьюга
С буйными ветрами.
Стала Катря среди поля,
Залилась слезами.
Стихла в поле завируха,
Пронеслась, промчалась.
Поплакала б Катерина,
Да слез не осталось.
Поглядела на сыночка:
Умытый слезою,
Дышит, смотрит, как цветочек
Утренней порою.
Улыбнулась Катерина,
Горько улыбнулась,
Как змея, под самым сердцем
Что-то повернулось.
Огляделась Катерина —
Лес вдали чернеет,
А под лесом чья-то хата
Прямо перед нею.
«Пойдем, сын мой... Скоро вечер...
Пустят, может статься.
А не пустят — у порога
Нам всю ночь валяться.
Заночуем возле хаты,
В холоде, в тумане...
Где ж один ты заночуешь,
Коль меня не станет?
На дворе, в собачьей будке,
С собаками вместе!
Злы собаки — покусают,
Да не обесчестят.
Над тобой они не станут
Злобно насмехаться...

Ой ты, горе мое, горе,
Куда ж мне деваться?»

Сирота-собака — и у той есть доля,
И собаку люди могут приласкать;
Бьют ее и держат на цепи в неволе, —
Но, глумясь, не спросят про родную мать.
А этого спросят, грязью забросают,
Не дадут подняться — заклюют, забьют...
На кого собаки на улице лают?
Кто под тыном ночью ищет свой приют?
Кто водит убогих? Подкидыш чернявый...
Красивые брови — одна его слава,
И тем красоваться люди не дают...

IV

И на горе и под горою,
Как старцы с гордой головою,
Дубы столетние стоят.
Внизу — плотина, вербы в ряд,
И пруд, завеянный пургою,
И прорубь в нем, чтоб воду брать...
Сквозь тучи солнце закраснело,
Как колобок, глядит с небес!
Взметнулась вьюга, налетела,
Ни зги не видно в мути белой,
А слышно только — стонет лес.

Воет, свищет завируха,
Ревет над землею,
В белом поле, словно в море,
Катится волною.
В лес пойти лесник собрался,
Только разве выйдешь!

Так и крутит, так и вертит —
Света не увидишь!
«Вот так вьюга! Вот так заметь,
Тут уж не до леса!..
Что такое?.. Что за люди?
Там же их до беса!
Знать, нелегкая их носит.
А может, за делом,
Может, москали, Ничипор?
Все от снега белы!»
«Москали? — У Катерины
Руки затряслися. —
Где они, мои родные?»
«Да вон там, вглядися!»
Без оглядки Катерина
За дверь полетела.
«Знать, Москва у ней и вправду
В голове засела:
Москаля звала до света,
До света металась...»
Через пни, через сугробы
Катерина мчалась.
На снегу босая стала,
Утерлась руками.
Москали навстречу едут,
Как один, верхами.
«Ой ты, горе, ой ты, доля!»
Как вперед заглянет,
Видит — первый едет старший.
«Мой любимый, Ваня!
Мое сердце, мое счастье!
Словно в воду канул...»
Ухватилася за стремя,
А он и не глянул,
На ходу коня пришпорил...

«Что ж спешишь ты очень?
Позабыл ли Катерину
Иль узнать не хочешь?
Я твоя, твоя Катруся,
Сокол ты мой ясный!
Погляди сюда и стремя
Не рви понапрасну».
А он — будто и не видит,
Погоняет, скачет.
«Пожалей меня, голубчик!
Видишь, я не плачу.
Не узнал меня ты, что ли?
Посмотри, вглядися!
Видит бог, что я — Катруся!»
«Дура, отвяжися!
Прочь безумную возьмите!»
«Боже ты мой, боже!
И он меня покидает!
А клялся мне кто же?»
«Уведите! Что стоите?»
«Ой, за что ж на муку
Родилась я? На кого ж ты
Подымаешь руку?
На Катрусю, что с тобою
В садике ходила,
На Катрусю, что сыночка
Тебе подарила?
Мой любимый, мой желанный,
Ты хоть не чурайся!
Я тебе батрачкой стану...
С другою встречайся,
С целым светом!.. Я забуду,
Что тебя ласкала,
Народила тебе сына,
Позор принимала...

Принимала-горевала,
Все переносила...
Брось меня, забудь навеки —
Не покинь хоть сына!
Не покинешь?.. Не оставишь,
Как меня когда-то?..
Ты его сейчас увидишь...»
И кинулась в хату.
Возвращается из хаты,
Несет ему сына;
Заплаканный, неповитый,
Смотрит, сиротина.
«Вот он, вот он! Погляди-ка!..
Куда ты девался?..
Нет... уехал... От родного
Сына отказался...
Боже мой, куда ж я денусь
С малым сиротою?
Ой, москалики, возьмите,
Возьмите с собою!
Не чурайтеся, не дайте
Погибнуть родному.
Отвезите сиротину
К своему старшому!
Если сына он покинул,
То и я покину.
Пусть отца не покидают
Горе да кручина.
Сын мой! Я в грехе великом
Тебя породила,
Вырастай же на смех людям! —
И в снег положила. —
Поищи отца родного,
А я — наискалась...»
Да с дороги — прямо в чащу,

А дитя осталось.
Плачет, стынет на дороге,
А те ускакали.
Так и лучше б, да на горе
Люди подобрали.

Бежит по лесу босая
И в сугробах тонет,
То Ивана проклинает,
То просит, то стонет.
До опушки добежала —
Да к пруду... Спустилась,
Возле проруби широкой
Вдруг остановилась.
«Прими, боже, мою душу,
А ты — мое тело!..»
И вода над нею глухо,
Глухо прошумела.

Чернобровая Катруся
Нашла, что искала...
Над прудом повеял ветер,
И следов не стало.
То не ветер, то не буйный,
Что дубы ломает,
То не горе, то не злое,
Что мать умирает,
Пусть ее земля сырая
Навек приютила —
Слава добрая осталась,
Осталась могила.
Пусть насмешкой сиротину
Люди в сердце ранят —
Он поплачет над могилой,
Вот и легче станет.
А тому на белом свете —

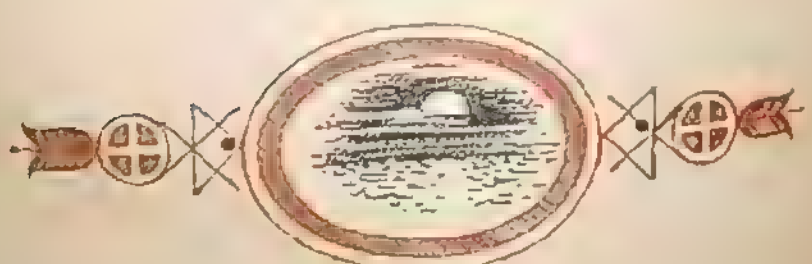
Что тому осталось,
От кого отец отрекся
И мать отказалась?
Что подкидышу осталось?
Слезы да тревоги,
Да еще песок сыпучий
На большой дороге.
На что ему эти брови —
Чтоб его узнали?
Подарила их, не скрыла...
Лучше б полиняли!

V

Шел кобзарь в далекий Киев,
Шел и сел дорогой.
Тут же, с нищенской сумою,
Мальчик чернобровый.
Головой на грудь склонился,
Дремлет, засыпает.
А тем временем *Исуса*
Кобзарь напевает.
Кто проходит, тот не минет —
Грош иль бублик кинет;
Кто — слепому, а дивчата —
Тому сиротине.
Чернобровые дивятся:
«Голый, босый, хилый.
Мать дала такие брови —
Счастье дать забыла!»
Едет пышная карета
В Киев шестернею,
Господин сидит в карете
Со своей семьею.
Вот она остановилась
Перед бедняками.

Подбежал Ивась к оконцу,
Замахал руками.
Ивасю бросает деньги
Молодая пани.
Глянул пан — и отвернулся
Сразу от Ивана.
Он узнал и эти брови,
Он узнал и очи...
Повстречал родного сына,
Только взять не хочет.
«Как зовут?» — спросила пани.
«Ивась». — «Какой милый!»
Кони тронулись, и пылью
Бедняков покрыло...
Посчитали, что собрали,
Потихоньку встали,
Помолилися на солнце,
Пошли, зашагали.

[*Петербург, 1838*]



ТАРАСОВА НОЧЬ

Сидит кобзарь у дороги,
На кобзе играет;
Кругом хлопцы да дивчата,
Как жар-цвет, сияют.
Поет кобзарь, струной вторит,
Говорит словами,
Как соседи — орда, ляхи —

Бились с казаками;
Как сходились запорожцы
Поутру в кручине,
Хоронили товарища
В зеленой лощине.
Поет кобзарь, струны вторят,
И горе смеется...
«Была пора гетманщины,
Назад не вернется;
Была пора — пановали,
Да больше не будем,
Только славы казачества
Вовек не забудем!
Идет туча от Лимана,
А другая с поля;
Затужила Украина —
Такая уж доля!
Затужила, зарыдала,
Как младенец малый.
Никто больше не поможет...
Казачество пало;
Слава пала, отцовщина —
Все гибнет на свете;
Вырастают, некрещены,
Казацкие дети;
Милуются, невенчаны;
Без попа хоронят;
Запродана врагам вера —
Печать на иконе!..
Как вороны, черной стаей
Ляхи, униаты
Налетают — не дождемся
Поныне расплаты!
Поднимался Наливайко —
Не стало Кравчины.

Поднялся казак Павлюга —
Пропал, неповинный!
Поднялся Тарас Трясило
С горькими слезами:
«Бедная ты Украина,
Сломлена врагами!
Украина, Украина!
Мать моя родная!
Только вспомню твою долю,
Душой зарыдаю!
Куда делось казачество,
Жупаны цветные?
Куда делась доля-воля,
Гетманы седые?
Где все это? Ушло с дымом?
Или затопило
Сине море твои горы,
Курганы-могилы?
Молчат горы, шумит море,
Курганы тоскуют,
Гнутся дети казацкие
Под вражьей рукою!
Спите, горы! Шуми, море!
Гуляй, ветер, в поле!
Плачьте, дети казацкие, —
Такая вам доля!»
Поднялся Тарас Трясило:
За веру родную,
Поднялся он, сизокрылый,
Час расплаты чуя!
Поднялся Тарас Трясило:
«Довольно томиться!
А пойдем-ка, паны братья,
С поляками биться!»
Уж не три дня, не три ночи

Бьется наш Трясило.
От Лимана до Трубайла
Поле кровь покрыла.
Ослабел тут казачина,
Духом омрачился.
А проклятый Конецпольский
Вмиг развеселился;
Собрал шляхту воедино
И всех угощает.
На ту пору свое войско
Тарас созывает:
«Товарищи атаманы —
Братья мои, дети!
По совести скажите —
Как быть нам на свете?
Упилися вражьи ляхи
Казацкою кровью».
«Что ж, пускай они пируют
Себе на здоровье!
Пускай ляхи веселятся
Нынче до заката,
А ночь-матерь нам поможет —
Найдем супостата».
Легло солнце за горою,
Звезды засияли,
А казаки, словно туча,
Ляхов обступали.
Как стал месяц среди неба,
Пушки заревели;
Пробудились ляшки́-панки́ —
Бежать не успели!
Пробудились ляшки́-панки́,
А встать — и не встали:
Взошло солнце — ляшки́-панки́
Вповалку лежали.

Гадюкою багровою
Несет Альта вести, —
Воронье чтоб налетало
Вельможных наесться.
Воронье и налетело
Панами кормиться.
Тут сходилось казачество
Богу помолиться.
Как закаркал черный ворон,
Выпивая очи;
Как запели казаченьки
Песню о той ночи —
Ночи грозной и кровавой,
Что славой покрыла
И Тараса и казаков,
А ляхов сгубила.

Над речкою, в чистом поле
Курганы чернеют;
Где казачья кровь алела —
Трава зеленеет.
Сидит ворон на кургане —
Каркает, голодный...
Казак вспомнит и заплачет
О жизни свободной».
Умолк кобзарь, потупился:
Руки не играют.
Кругом хлопцы да дивчата
Слезы утирают.

Пошел кобзарь по улице —
Да с горя как грянет!
Кругом хлопцы в пляс пустились,
А он подпевает:
«Коли сталось — значит, сталось!

Погодите, детки, малость,
А я в корчме погуляю,
Свою женку повстречаю,
Вместе с нею пьян напьюся,
Над врагами посмеюся».

[*Петербург, 1838*]

* * *

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял
Пылью на просторе?
Что вас ночью, как ребенка,
Не приспало горе?..
Ведь вас горе на́ свет на смех породило,
Поливали слезы... Что ж не затопили?
Не вынесли в море, не размыли в поле?..
Люди не спросили б, что болит в груди,
Почему, за что я проклинаю долю,
Почему томлюся... «Ничего, иди!» —
Не сказали б на смех...
Цветы мои, дети,
Зачем вас лелеял, зачем охранял?
Заплачет ли сердце одно на всем свете,
Как я с вами плакал?.. Может, угадал?..
Может, девичье найдется
Сердце, кари очи,
Что заплачут с вами, думы, —
Большего ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась...

И — пан над панами!
Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!

Ради глаз девичьих карих,
Ради черной брови
Сердце билось и смеялось,
Выливалось в слове.
В слове этом возникали
И темные ночи,
И вишневый сад зеленый,
И ясные очи,
И поля, и те курганы,
Что на Украине...
Сердце млело, не хотело
Песен на чужбине.
На совет казачье войско,
Меж сугробов белых,
С бунчуками, с булавами
Сзывать не хотело...
Пусть же там, на Украине,
Души их витают —
Там веселье, там просторы
От края до края...
Как та воля, что минула,
Днепр широкий — море,
Степь и степь, ревут пороги,
И курганы — горы.
Там родилась, красовалась
Казацкая воля;
Там татарами и шляхтой
Засевала поле.
Засевала трупом поле
Воля, опочила,

Отдыхает... Ее давно
Приняла могила.
И над нею орел черный
Сторожем летает.
Кобзари о ней народу
Песни распевают,
Распевают про былое,
Убоги, незрячи, —
Им поется... А я... а я
Только горько плачу.
Только плачу об Украйне,
А слов не хватает...
А про горе?.. Да чур горю,
Кто его не знает?
А кто пристально посмотрит
На людей душою, —
Ад ему на этом свете,
на том же...

Тоскою

Себе счастья не накличу,
Коль его не знаю;
Пускай злыдни живут три дня —
Я их закопаю.
Закопаю, пусть у сердца
Грусть змеей свернется,
Чтобы ворог мой не слышал,
Как горе смеется.
Дума пусть себе, как ворон,
Летает и крячет,
А сердечко соловейком
И поет и плачет.
Тихо — люди не увидят
И не посмеются...
Слез моих не утирайте,

Пусть ручьями льются,
Пусть они чужое поле
Моют дни и ночи,
Пока попы не засыплют
Чужим песком очи.
Так-то, так-то... Что же делать?
Тоска не поможет.
Кто ж сиротам завидует,
Карай того боже!

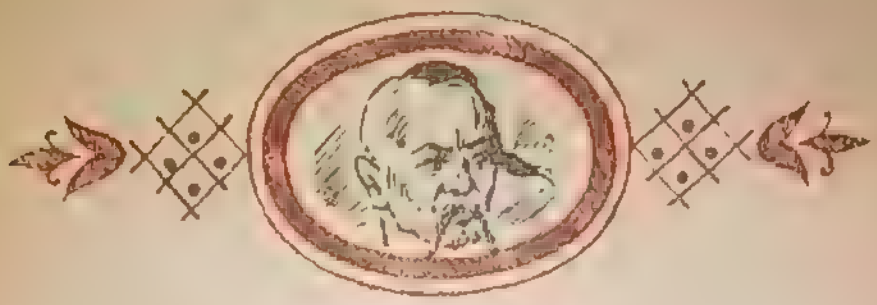
Думы мои, думы мои,
Цветы мои, дети!
Я растил вас, я берег вас,
Где ж вам быть на свете?
В край родной идите, дети,
К нам на Украину,
Под плетнями сиротами,
А я здесь уж сгину.
Там найдете сердце друга,
Оно не лукаво,
Чистую найдете правду,
А может, и славу...

Привечай же, мать-отчизна,
Моя Украина,
Моих деток неразумных,
Как родного сына!

[*Петербург, 1839*]

«Ой, все
От м
Там идут
Не сл
Ой, подуй
Да с
Высуши на
Облег
Ой, взыгра
Колоти
Лишь мель
К султ
Ой, боже на
Неси ты
Услышим пр
Услыши

Вот этак в С
Стонали, бед
Казацкие сле
Босфор задро
К казацкому
И серую шкур
И дрожь проб
И рев его к си
И море отряц
В Лиман покат
И в Днепр это



ГАМАЛИЯ

«Ой, все нет и нет ни волны, ни ветра
От матери-Украины;
Там идут ли речи про поход на турок —
Не слышно нам на чужбине.
Ой, подуй, подуй, ветер, через море
Да с казацкого поля,
Высуши нам слезы, утоли печали,
Облегчи неволю
Ой, взыграй, взыграй синевою, море,
Колоти в борт волнами...
Лишь мелькают шлыки — то плывут казаки
К султану за нами.
Ой, боже наш, боже, хоть и не за нами —
Неси ты их с Украины:
Услышим про славу, казацкую славу,
Услышим и свет покинем».

Вот этак в Скутари казаки стонали,
Стонали, бедняги, а слезы лились,
Казацкие слезы тоску разжигали...
Босфор задрожал — потому не привык
К казацкому плачу: вскипел величавый
И серую шкуру подернул, как бык,
И дрожь пробежала далеко, далеко,
И рев его к синему морю дошел,
И море отгрянуло голос Босфора,
В Лиман покатило и дальше в просторы,
И в Днепр этот голос волной донесло.

Загрохотал старик, вскипая,
Аж ус от пены побелел:
«Ты спишь? Ты слышишь? Сечь родная,
И Луг Великий загудел
За Хортицею: «Слышу! Слышу!»
И Днепр покрыли челноки,
И так запели казаки́:

«У турчанки — высок терем,
Богата светлица.
Гей, гей! Море, бей!
Выше скал волны взвей! —
Едем веселиться!

У турчанки-басурманки
Дукаты в кармане.
Не дукаты считать,
Едем вас выручать,
Братья христиане!

У турчанки — янычары
Со своим пашою...
Гей, ги! Эй, враги!
Свою жизнь береги —
Мы смелы душою!»

Плывут себе, поют они,
А ветер крепчает...
Впереди их Гамалия
Дубом управляет.
Гамалия, водяные
Взыграли просторы.
Ничего! И лодки скрылись.
Одни волны-горы.

Спит, дремлет в гареме в раю Византия,
И дремлет Скутари. Босфор же не спит.

Он, точно безумный, гнет волны крутые,
Он сон их встревожить желает, кипит.
«Не тебе, Босфору, вступать со мной в ссору! —
Шумит ему море. — Я твою красу
Песками закрою, коль дойдет до спору.
Разве ты не видишь, каких я несу
Посланцев к султану?..» Так море сказало.
(Люблю отважных чубатых славян.)
Босфор усмирился. Турчанка дремала.
Ленивый, в гареме дремал и султан.
И только в Скутари очей не смыкают
Казаки-бедняги. Чего они ждут?
По-своему богу мольбы посылают,
А волны на берег бегут и ревут.

«О милый боже Украины!
Не дай погибнуть на чужбине
В неволе вольным казака́м!
И тут позор, позор и там —
Встать из чужих гробов с повинной,
На суд твой праведный прийти,
В железах руки принести,
В цепях-оковах перед всеми
Предстать казакам...»
«Жги и бей,
Режь нечестивца-басурмана»! —
Крик за стеною. Голос чей?
Гамалия, глянь, какие
Янычары злые!
«Режьте! Бейте!» — над Скутари
Голос Гамалии.

Ревет Скутари, воет яро,
Все яростнее пушек рев;
Но страха нет у казако́в,
И покатились янычары.

Гамалия по Скутари
В пламени гуляет,
Сам темницу разбивает,
Сам цепи сбивает.
«Птицы серые, слетайтесь
В родимую стаю!»
Встрепенулись соколята,
Распрямили плечи,
Давным-давно не слыхали
Христианской речи.
Испугалась ночь глухая,
Тот пир наблюдая.
Не пугайся, полюбуйся,
Наша мать родная!
Темно всюду, точно в будни,
А праздник не малый:
Что ж, не воры у Босфора
Едят молча сало
Без шашлыка! Осветим пир!
До облак из гари —
С кораблями, с парусами
Пылает Скутари.
Византия пробудилась,
Глазищами блещет,
Плывет своим на подмогу —
Зубами скрежещет.

Ревет, ярится Византия,
Руками берег достает;
Достала, гикнула, встает —
И — на ножи валится злые.
Скутари, словно ад, пылает;
Через базары кровь течет.
Босфор широкий доливает.
Как птиц разбуженная стая,

В дыму каза
Никто от хл
Их даже пла
Ломают стен
До верху ша
Ссыпают зол
Горит Скутар
Казаки сходя
От жара труб
На челноки —
Меж волн баг
Плывут с
Будто бы
И — коне
Плывя, ра

«Атаман
Стал недар
Собрал он
В море пр
В море пр
Славы доб
За свободу
С турками
Ой, добрало
До самой
Сидят брат
Ожидают к
Ой, как кри
«Братья! Бу
Разметем ор
Рытым барх
Курени дыр
Вылетало За
Жать жито

В дыму казачество летает:
Никто от хлопцев не уйдет,
Их даже пламя не печет!
Ломают стены. Золотыми
До верху шапки их полны,
Ссыпают золото в челны...
Горит Скутари. В сизом дыме
Казаки сходятся. Сошлись,
От жара трубки закурили,
На челноки — и понеслись.
Меж волн багровых заскользили.
Плывут себе как из дому,
Будто бы гуляют.
И — конечно — запорожцы,
Плывя, распевают:

«Атаман Гамалия
Стал недаром зваться:
Собрал он нас и поехал
В море прогуляться;
В море прогуляться,
Славы добиваться,
За свободу наших братьев
С турками сражаться.
Ой, добрался Гамалия
До самой Скутари,
Сидят братья запорожцы,
Ожидают кары.
Ой, как крикнул Гамалия:
«Братья! Будем здравы, хлебнем славы,
Разметем оравы,
Рытым бархатом покроем
Курени дырявы!»
Вылетало Запорожье
Жать жито на поле,

Жито жали, в копны клали,
Дружно запевали:
«Слава тебе, Гамалия,
На весь мир великий,
На весь мир великий,
По всей Украине,
Что не дал ты запорожцам
Пропасть на чужбине!»

Плывут они, поют, плывет
В челне последнем Гамалия,
Своих орлят он стережет;
Догнать не смеет Византия
Казачьи лодки удалые;
Она боится, чтоб Монах
Не подпалил Галату снова,
Не вызвал чтоб Иван Подкова
На поединок на волнах.
Встает волна за волною,
Солнце на волне горит;
Перед ними их родное
Море плещет и шумит.
Гамалия, вот родные
Пред нами просторы...
И не видно лодок, только
Волн живые горы.

(Октябрь — первая половина ноября 18[illegible])

* * *

Чигрине, Чигрине,
Все на свете минет!
И святая твоя слава,
Как пылинка, сгинет.
Мчит слава с буйным ветром,
В тучах пропадает...

Над э
А Дне
Рассы
Горды
Твоя
Старче
И ник
Никто
Где ты
И в ш

За что ж
Орду бес
И ребра
Царевым
Жарко
И сабл
Что ж
Злые тра
Воли горь

А я, горем
Даром сле
Бурьяном
Сердце мо
И в дупле
А детям на
А на
Ветер
Сила
Пускай же
На трепетно
Пускай же
Священной

Над землею летят годы,
А Днепр высыхает.
Рассыпаются курганы —
Гордые могилы —
Твоя слава... Не сберег ты,
Старче, прежней силы,
И никто не молвит слова,
Никто не покажет,
Где ты стоял, зачем стоял,
И в шутку не скажет!

За что же мы панóв рубили?
Орду бесчисленную били
И ребра пикой боронили
Царевым слугам?.. Засевали,
Жаркой кровью поливали
И саблями боронили.
Что ж мы сжали, что скосили?!
Злые травы... злые травы...
Воли горькую отраву.

А я, горемыка, на твоих руинах
Даром слезы трачу; дремлет Украина,
Бурьяном покрылась, цвелью зацвела,
Сердце молодое в сырости сгноила.
И в дупле холодном гадюк приютила,
А детям надежду в степи отдала.
А надежду эту...
Ветер гнал по свету,
Сила мóря разнесла.
Пускай же ветер все разносит
На трепетном своем крыле.
Пускай же сердце плачет, просит
Священной правды на земле.

Чигрине, Чигрине,
Друг ты мой единый!
Проспал простор степей и гор
И всю Украину.
Спи, опутанный корчмами,
Пока день не встанет,
Пока гетманам подняться
Время не настанет.
Помолившись, и я б заснул...
Так думы мешают,
Думы душу мне сжигают,
Сердце разрывают.
Ой, не жгите, подождите,
Может быть, я снова
Найду правду горестную,
Ласковое слово.
Может, выкую из слова
Для старого плуга
Лемех новый, лемех крепкий,
Взрежу пласт упругий...
Целину вспашу, быть может,
Загрущу над нею...
И посею мои слезы,
Слезы я посею.
Пусть ножей взойдет побольше
Обоюдоострых,
Чтобы вскрыть гнилое сердце
В язвах и коросте.
Пусть выщедят сукровицу,
И нальют горячей,
Светлой, свежей, чистой крови
Молодой — казачьей!!!

Может... может... А пока что
Меж ножами снова

Рута-мята расцветает,
И тихое слово,
Мое слово, слово песни
Богобоязливой
Вспомнят люди, и девушка
С сердцем боязливым
Встрепенется, будто рыбка,
Слыша это слово...
Слово мое, слезы мои,
Рай мой, рай суровый!

Спи, Чигрине! Пусть погибнут
Вражеские дети
Гетман, спи, пока не встанет
Истина на свете.

19 февраля 1844
Москва

ДЕВИЧЬИ НОЧИ

Высушили кари очи
Девичии ночи...
«Черница Марьяна»

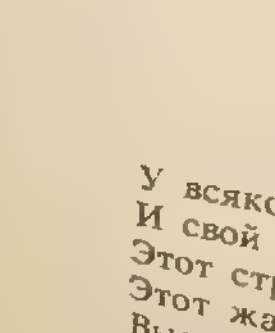
Расплелася коса-краса
Вся до пояса;
Грудь открылась, словно в море
Волны на просторе;
Карие сверкнули очи —
Звезды среди ночи;
Руки в муке потянулись,
Взяли б — прикоснулись,
Обвились бы,— вкруг подушки

Холодной сомкнулись,
И застыли, и замерли,
Без сил разомкнулись.

«Для чего мне коса-краса,
Зачем очи эти,
Стан мой гибкий... коль друга нет
У меня на свете.
Есть не с кем мне полюбиться,
Сердцем поделиться...
Сердце мое, сердце мое!
Ты для кого биться
Одинокому. С кем жить мне,
С кем жить, мир лукавый,
Ты мне скажи. Зачем, скажи,
Эта слава... слава.
Я любить, я жить желаю
Сердцем — не красою!
А мне еще завидуют,
Гордою и злою
Злые люди называют,
А того не знают,
Что я в сердце затаила...
Пускай называют —
Грех им будет... боже правый!
Почему не хочешь
Укоротить жестокие,
Тяжелые ночи...
Днем не так я одинока —
С полем говорю я,
Говорю — недолю в поле
Забываю злую.
А в ночи...» — да и замолкла,

Сле
Рук
На

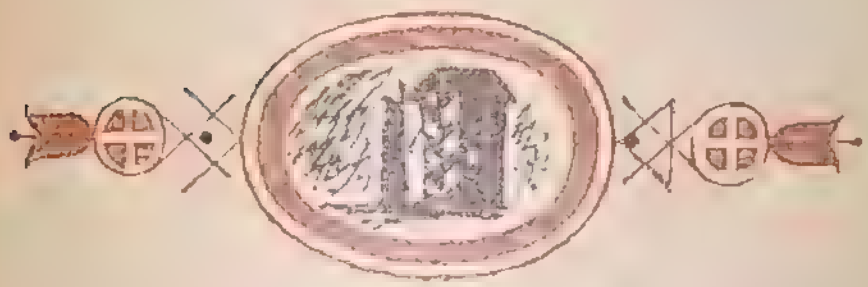
18 м
С. П



У всяко
И свой
Этот ст
Этот жа
Высматр
Землю,
Заграбас
Утащить
Третий в
Обдирает
Тот тихо
Точит но
А тот, ти
Богобоязл
Как коше
Выждет н
День для
Когтища в
Не разжал
И слезы р
А тот, щед

Слезы навернулись...
Руки в муке протянулись,
Напрасно сомкнулись.

18 мая 1844
С. П. Б.



СОН
комедия

Дух истины, егоже мир
не может прияти, яко
не видит его, ниже знает его.
Иоанна, глава 14, стих 17

У всякого своя доля
И свой путь широкий:
Этот строит, тот ломает,
Этот жадным оком
Высматривает повсюду
Землю, чтобы силой
Заграбастать и с собою
Утащить в могилу.
Третий в карты, словно липку,
Обдирает свата,
Тот тихонько в уголочке
Точит нож на брата.
А тот, тихонький да трезвый,
Богобоязливый,
Как кошечка, подкрадется,
Выждет несчастливый
День для вас, да как запустит
Когтища в печенку, —
Не разжалобят злодея
И слезы ребенка!
А тот, щедрый, храмы строит.

Тысяч не жалеет,
А уж родину так любит,
Так душой болеет
За нее, так из сердешной
Кровь, что воду, точит!..
Молчат люди, как ягнята,
Вытаращив очи!
Пускай: «Может, так и надо?» —
Скажет люд убогий.
Так и надо! Потому что
Нет на небе бога!
Под ярмом вы падаете,
Ждете, умирая,
Райских радостей за гробом —
Нет за гробом рая!
Образумьтесь! Поглядите:
Все на этом свете —
И нищие и царята —
Адамовы дети!
Тот... и тот... А что же я-то?
Я, добрые люди,
Лишь гуляю да пирую
И в праздник и в будень.
Вам досадно? Сетуете?
Слушать не хочу я!
Не бранитесь! Я свою пью,
А не кровь людскую!
Так, вдоль плетней тропой знакомой
Идя с пирушки в час ночной,
Болтал я пьяный сам с собой,
Покуда не добрел до дому.
Нет у меня детей; жена
Не бранит, встречая.
Дом отрадней рая, —
Кругом такая тишина

И в сердце и в хате...
Вот и лег поспать я...
А если пьяный да заснет,
Пусть хоть орудья катят, —
Он усом не моргнет.
И сон же, сон на диво дивный
В ту ночь мне снился.
Тут и непьющий бы напился,
Последний скряга дал бы гривну,
Чтоб глянуть, хоть едва-едва...
Да — черта с два!
Вот вижу: вроде как сова
Летит над балками, прудами и лугами,
Над оврагами и рвами,
Над широкими степями
И пустырями.
А я за нею подымаюсь,
Лечу, лечу, с землей прощаюсь.
«Ты прощай, земля родная,
Край скорби и плача!
Мои муки, злые муки
В облаках я спрячу.
Ты ли стонешь, Украина,
Вдовой бесталанной!
Прилетать к тебе я стану
Полночью туманной.
Для печально-тихой речи
На совет с тобою
Буду падать в полуночи
Свежею росою.
Побеседуем, покамест
Утро не настанет,
Пока твои малолетки
На врага не встанут.
Так прощай, земля родная,
Отчий край убогий!..
Расти деток: жива правда
У господа бога!»

Летим... Гляжу — уже светает,
Край неба пылает,
Соловейко в темной роще
Солнышко встречает.
Видно — степи голубеют,
Тихо ветер веет;
Меж ярами над прудами
Вербы зеленеют.
Разрослись сады густые.
Тополя на воле
Встали, словно часовые,
Беседуют с полем.
Вся страна моя родная
Сияет красою,
Зеленеет, умываясь
Чистою росою.
Хорошеет, умываясь,
Солнышко встречая,
Не видать ее просторам
Ни конца, ни края!
Не убьет ее, не сломит
Никакая сила...
Душа моя! Ты о чем же
Снова загрустила?
Душа моя! Ты о чем же
Горько зарыдала?
Чего тебе жалко? Иль ты не видала,
Иль ты не слыхала рыданий людских?
Гляди же! А я — улечу я от них
За синие тучи высоко, высоко;
Там нету ни власти, ни кары жестоких,
Ни горя, ни радости там не видать,
А здесь — в этом рае, что ты понимаешь,
Сермягу в заплатах с калеки снимают,
Со шкурой дерут, — одевать, обувать
Княжат малолетних. А вон — распинают
Вдову за оброки; а сына берут, —
Любимого сына, единого сына, —
В солдаты отраду ее отдают.

А вон умирает в
Опухший, голоди
Угнали пшеницу
А вон вид
Куда деть
Лучше бы
Выжгло б
То покрыт
С ребенко
Мать прог
Куда ни т
Нищий да
А барчук
Он, щенок,
Души прог

Видит ли
Наши слез
Видит он
Как и эти
Вековые, о
Кровию лю
Душа моя
Горе мне с
Так упьемс
Уснем под
Пошлем дум
Там, за обл
Спросим: до
Царствовать
Лети ж, моя дума,
Возьми эту ношу
Друзей своих верн
Ты с ними сродни
Тебя пеленали. Бер
И по небу всю их
Пускай черн
Пламенем по
Пускай люты

А вон умирает в бурьяне за тыном
Опухший, голодный ребенок! А мать
Угнали пшеницу на барщине жать.
А вон видишь? Очи, очи!
Куда деться с вами?
Лучше бы вас высушило,
Выжгло бы слезами!
То покрытка вдоль забора
С ребенком плетется, —
Мать прогнала, и все гонят,
Куда ни толкнется!..
Нищий даже сторонится!..
А барчук не знает:
Он, щенок, уже с двадцатой
Души пропивает!

Видит ли господь сквозь тучи
Наши слезы, горе?
Видит он да помогает,
Как и эти горы
Вековые, облитые
Кровию людскою!
Душа моя мученица,
Горе мне с тобою!
Так упьемся горьким ядом,
Уснем под снегами,
Пошлем думу прямо к богу;
Там, за облаками,
Спросим: долго ль кровопийцам
Царствовать над нами?
Лети ж, моя дума, моя злая мука!
Возьми эту ношу мучений и зла —
Друзей своих верных! Ты с ними росла,
Ты с ними сроднилась; их тяжкие руки
Тебя пеленали. Бери ж их, лети
И по небу всю их орду распусти!
Пускай чернеет, багровеет,
Пламенем повеет,
Пускай лютый змей всю землю

Трупами усеет!
А пока ты не вернешься, —
Я, сердце скрывая,
Белый свет пройду до края,
Не найду ли рая.

И вновь я над землею рею,
И вновь прощаюсь я с нею.
Тяжко бросить мать-старуху
Без крова, без хаты,
Но страшнее видеть всюду
Слезы да заплаты.

Лечу, лечу, а ветер веет,
Передо мною снег белеет;
Глухие, топкие места,
Туман, туман и пустота.
Безлюдье, глушь, не знать и следу
Злой человеческой ноги.
Враги мои и не враги,
Прощайте! В гости не приеду.
Упивайтесь и пируйте,
Не услышу боле, —
Я один себе навеки
Заночую в поле...
И пока вы не узнали
О крае далеком,
Где не льются кровь и слезы,
Я усну глубоко.
Я усну...
Но вдруг я слышу —
Под землей неясно
Цепи звякнули... Я глянул...
О народ несчастный!
Ты откуда, чем ты занят?
Чего ищешь, роясь
Под землею?.. Нет, должно быть,
Я от вас не скроюсь

Даже на небе!.. За что же
Мне такие муки?
Кому что я сделал злое?
Чьи тяжкие руки
В теле душу заковали,
Грудь испепелили
И, как тучи галок,
Думы распустили?
За что, не знаю, а карают,
И тяжко карают,
Иль не будет этим мукам
Ни конца, ни краю?
Не вижу, не знаю!

Пустыня вдруг заколыхалась...
Земля, как тесный гроб, раскрылась,
И из земли на Страшный суд
За правдой мертвецы встают...
Не мертвы они, не просят
Жалости у судей!
То идут, гремя цепями,
Все живые люди,
Золото из нор выносят,
Чтоб жадности лютой
Заткнуть глотку. А за что ж их
В рудники сослали?
Знает бог... Хотя и сам-то
Знает он едва ли!
Вон — вор, клеймом отмеченный,
Гремит кандалами,
Другой, кнутами сеченный,
Скрежещет зубами —
Друга он зарезать хочет
Своими руками.
А меж ними, злодеями,
Вон — в одежде рваной
Царь всемирный, царь свободы,
Царь, клеймом венчанный!
Цепи носит и не стонет

В муке бесконечной!
Сердце, что добром согрето —
Не остынет вечно!

А где же твои думы в их вешнем расцвете?
Любовно взращенные, смелые дети?
В чьи руки ты, друг мой, судьбу их вручил?
Иль, может быть, в сердце навек схоронил?
Не прячь! Разбросай их, рассыпь их повсюду!
Взойдут, разрастутся, могучими будут!

Еще мытарство? Иль уж будет?
Будет, будет, тут холодно!
Мороз разум будит.
И вновь лечу. Земля чернеет.
И дремлет ум, и сердце млеет.
Гляжу: дома стоят рядами,
Кресты сверкают над церквами,
По площадям, как журавли,
Солдаты на муштру пошли,
Хорошо обуты, сыты,
В цепи накрепко забиты,
Маршируют... Дальше глянул:
Вот в низине, словно в яме,
Город средь болот дымится.
Над ними тучами клубится
Мгла густая. Долетаю...
То город без края!
То ли турецкий,
То ли немецкий,
А быть может, даже русский?
Господа пузаты,
Церкви да палаты
И ни одной мужицкой хаты!

Смеркалося... Огнем, огнем
Кругом запылало —
Тут я струхнул... «Ура! ура!» —
Толпа закричала.
«Цыц вы, дурни! Образумьтесь!

Чему сдуру рады,
Что горите?» — «Экой хохол!
Не знает парада!
У нас парад! Сам изволит
Делать смотр солдатам!»
«Где ж найти мне эту цацу?»
«Иди к тем палатам».
Я пошел. Тут мне, спасибо,
Землячок попался
С казенными пуговками.
«Ты откуда взялся?»
«С Украины». — «Ты ж ни слова
Молвить не умеешь
По-здешнему!» — «Э, нет, братец,
Говорить умею,
Да не хочу!» — «Вот чудак-то!
Я все входы знаю.
Я служу здесь... Если хочешь,
Ввести попытаюсь
Во дворец тебя, но только
Здесь, братец, столица —
Просвещенье! Дай полтинку!»
«Тьфу тебе, мокрица
Чернильная!..» Стал я снова,
Как дух бестелесный,
Невидим. Вошел в палаты.
Царь ты мой небесный,
Вот где рай-то! Блюдолизы
Золотом обшиты!
Сам по залам выступает,
Высокий, сердитый.
Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой,
А к тому ж она, бедняжка,
Трясет головою.
Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою!

Не видал тебя ни' разу
И попал впросак я, —
Тупорылому поверил
Твоему писаке!
Как дурак, бумаге верил
И лакейским перьям
Виршеплетов. Вот теперь их
И читай, и верь им!
За богами — бары, бары
Выступают гордо.
Все, как свиньи, толстопузы
И все толсторморды!
Поровят, пыхтя, потея,
Стать к *самим* поближе:
Может быть, получат в морду,
Может быть, оближут
Царский кукиш!
Хоть — вот столько!
Хоть полфиги! Лишь бы только
Под самое рыло.
В ряд построились вельможи,
В зале все застыло,
Смолкло... Только царь бормочет,
А чудо-царица
Голенастой, тощей цаплей
Прыгает, бодрится.
Долго так они ходили,
Как сычи, надуты,
Что-то тихо говорили,
Слышалось: как будто
Об отечестве, о новых
Кантах и петлицах,
О муштре и маршировке,
А потом царица
Отошла и села в кресло.
К главному вельможе
Царь подходит да как треснет
Кулачищем в рожу.
Облизнулся тут бедняга

Да — младшего в брюхо!
Только звон пошел. А этот
Как заедет в ухо
Меньшему, а тот утюжит
Тех, что чином хуже,
А те — мелюзгу, а мелочь —
В двери! И снаружи
Как кинется по улицам
И — ну колошматить
Недобитых православных!
А те благим матом
Заорали да как рявкнут:
«Гуляй, царь-батюшка, гуляй!
Ура!.. Ура!.. Ура-а-а!»
Посмеялся я и — хватит;
И меня давнули
Все же здорово. Под утро
Битые заснули...
Православные все тише
По углам скулили
И за батюшкино здравье
Господа молили.
Смех и слезы! Вот смотрю я
На город богатый.
Ночь как день! Куда ни глянешь —
Палаты, палаты...
А над тихою рекою
Весь каменный берег.
Я гляжу, как полоумный,
И глазам не верю, —
Не пойму, не разумею, —
Откуда взялося
Это диво?.. Вот где крови
Много пролилося
Без ножа! А за рекою
Крепость с колокольней, —
Шпиль как шило — как посмотришь,
Жуть берет невольно.
И куранты теленькают...

Кругом озираюсь,
Вот — конь летит, копытами
Скалу разбивает.
Всадник — в свитке и не в свитке,
Без седла, как влитый,
И без шапки, только листом
Голова повита.
Конь ярится — вот-вот реку,
Вот... вот... перескочит!
Всадник руку простирает,
Будто мир весь хочет
Заграбастать. Кто ж такой он?
Подхожу, читаю,
Что написано на камне:
«Первому — вторая»
Поставила это диво.
О! Теперь я знаю:
Этот — *первый*, распинал он
Нашу Украину.
А *вторая* доконала
Вдову-сиротину.
Кровопийцы! Людоеды!
Напились живою
Нашей кровью! А что взяли
На тот свет с собою?
Так мне тяжко, трудно стало,
Словно я читаю
Историю Украины!
Стою, замираю...
В это время — тихо, тихо
Кто-то запевает
Невидимый надо мною:

«Из города из Глухова
Полки выступали
С заступами на линию,
Наказным послали
Гетманом меня в столицу,
Вместе с казаками.

О боже наш милосердный!
О изверг поганый!
Царь проклятый, царь лукавый!
Здесь, в земле пустынной,
Что ты сделал с казаками?
Засыпал трясины
Благородными костями;
Поставил столицу
Ты на их кровавых трупах!
И в темной темнице
Умер я голодной смертью,
Тобою замучен,
В кандалах!.. О царь! Навеки
Буду неразлучен
Я с тобою! Кандалами
Скован я с тобою
На века веков! Мне тяжко
Витать над Невою!
Может быть, уж Украины
Вовсе нет. Кто знает!..
Полетел бы, поглядел бы,
Да бог не пускает.
Может, всю ее спалили,
В море Днепр спустили,
Насмеялись и разрыли
Старые могилы —
Нашу славу. Боже милый,
Сжалься, боже милый».
Все замолкло. Вот я вижу:
Туча снегом кроет
Небо серое. А в туче
Зверь как будто воет.
То не туча — птица тучей
Белой закружила
Над тем медным исполином
И заголосила:
«Кровопийца! Мы навеки
Скованы с тобою.
На суде последнем, Страшном

Мы бога закроем
От глазищ твоих несытых.
Ты нас с Украины
Гнал, холодных и голодных,
В снега, на чужбину!
Погубил нас, а из кожи
Нашей багряницу
Сшил ты жилами погибших,
Заложил столицу
В новой мантии! Любуйся ж
На свои палаты!
Веселись, палач свирепый,
Проклятый! Проклятый!»

Рассыпались, разлетелись.
Солнышко вставало.
Я стоял и удивлялся
Тая, что жутко стало.
Вот уж голь закопошилась,
На труд поспешая,
Уж построились солдаты,
Муштру начиная.
Заспанные, проходили
Девушки устало,
Но — домой, а не из дому!..
Мать их посылала
На ночь целую работать,
На хлеб заработать.
Я стою, молчу, понурясь,
Думаю, гадаю:
Ох, как трудно хлеб насущный
Люди добывают.
Вот и братия рысцою
Сыплет в дверь сената,
Скрипеть перьями да шкуру
Драть с отца и брата.
Землячки мои меж ними
Шустро пробегают;
По-московски так и режут,

Смеются, ругают
На чем свет отца, что с детства
Трещать не учил их
По-немецки, — мол, теперь вот
Прокисай в чернилах!
Эх ты, пьявка! Может, батько
Продавал корову
Последнюю, чтоб выучил
Ты столичный говор!
Украина! Украина!
Твои ль то родные,
Чернилами политые
Цветы молодые,
Царевою беленою
В немецких теплицах
Заглушены!.. Плачь, Украйна,
Сирая вдовина!

Глянуть, что ли, что творится
В царевых палатах?
Как-то там у них? Вхожу я, —
Множество пузатых
Ждет царя. Сопят спросонья,
Все понадувались
Индюками да на двери
Косо озирались.
Вот и двери отворились.
Словно из берлоги
Медведь вылез, еле-еле
Подымает ноги.
Весь опухший, страшный, синий:
Похмельем проклятым
Мучился он. Да как крикнет
На самых пузатых.
Все пузатые мгновенно
В землю провалились!
Тут он выпучил глазищи —
Затряслись, забились
Уцелевшие. На меньших

Тут как заорал он —
И те в землю. Он на мелочь —
И мелочь пропала.
Он — на челядь, и челяди
Словно не бывало.
На солдат, и солдатики —
Только застонали,
Ушли в землю!.. Вот так чудо
Увидал я, люди!
Я гляжу, что дальше будет,
Что же делать будет
Медвежонок мой? Стоит он,
Печальный, понурый.
Эх, бедняжка!.. Куда делась
Медвежья натура?
Тихий стал, ну — как котенок!..
Я расхохотался.
Он услышал да как зыкнет —
Я перепугался
И проснулся...
Вот какой мне
Привиделся страшный,
Дикий сон. Такое снится
Разве только пьяным
Да юродивым. Простите,
Сделайте мне милость,
Что не свое рассказал вам,
А то, что приснилось.

8 июня 1844. С.-Петербург

ГОГОЛЮ

За думою дума летит, вылетает;
Одна давит сердце, другая терзает,
А третья тихонечко плачет в обиде
У самого сердца — и бог не увидит!

Кому ж ее покажу я,
Где найду такого,
Кто бы понял и приветил
Великое слово?
Все оглохли, все ослепли,
В кандалах... поникли...
Ты смеешься, а я плачу,
Друже мой великий,
Что ж из плача уродится?
Лишь трава дурная...
Не услышит вольных пушек
Сторона родная.
Не зарежет старый батько
Любимого сына
За свободу, честь и славу
Своей Украины.
Не зарежет, а выкормит
Да царю на бойню
И отправит. Скажет: это
Наша лепта вдовья;
Дань отечеству, престолу,
Чужеземцам плата...
Что же, пусть их. Мы же будем
Смеяться и плакать.

30 декабря 1844
С.-Петербург

ЕРЕТИК

Шафарику

Подожгли соседи злые
У соседа хату,
И лежат они, погревшись,
Мирным сном объяты.
Да забыли серый пепел
По ветру развеять.
Лежит пепел на распутье,

А в том пепле тлеет
Искра пламени большого
И не погасает,
Ждет поджога, точно мститель
Часа ожидает,
Злого часа! Тлела искра,
Тлела — ожидала
На широком раздорожье,
Да и гаснуть стала.

Так и неметчина спалила
Большую хату и семью,
Семью славян разъединила
И тихо-тихо к ним впустила
Усобиц лютую змею.

Полилися реки крови,
Пожар потушили,
А сирот и пепелище
Немцы поделили.
И в оковах вырастали
Славянские дети
И в неволе позабыли,
Кто они на свете.
А на старом пепелище
Искра братства тлела,
Дотлевала, ожидала
Крепких рук и смелых —
И дождалась!.. Ты увидел
Под пеплом глубоко
Огонь добрый смелым сердцем
И орлиным оком!
И зажег ты яркий светоч —
Светоч правды, воли,

И славян семью большую
Во тьме и неволе
Сосчитал ты до едина —
Сосчитал лишь трупы,
А не славян. И восстал ты
На крутых уступах —
На всемирном раздорожье —
Иезекиилем.
И — о, чудо! трупы встали
И глаза раскрыли;
Обняли друг друга братья
И заговорили
Языком любви сердечной,
Подружась навеки!
И слились в едином море
Славянские реки!

Слава тебе, ученому,
Чеху-славянину,
Что не дал ты уничтожить
Немецкой пучине
Нашу правду! И родное
Славянское море
Снова станет многоводным,
И в его просторе,
С верным кормчим, под ветрилом,
Свежим ветром полным,
Поплывет наш челн по морю,
По широким волнам.
Будь же славен ты, Шафарик,
Вовеки и веки,
Что в одно собрал ты море
Славянские реки!

Так прими же в своей славе,
Повстречай приветно

Эту думу немудрую,
Дар мой неприметный,
Про того святого чеха,
Мученика Гуса!
Прими, отче! А я тихо
Богу помолюся,
Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды
И еретиками,
Вот такими, как Констанцский —
Муж великий, правый!
Принесут они навеки
Миру мир и славу!

22 ноября 1845
г. Переяславе

Камень егоже небрегоша
зиждущий, сей бысть во главу
угла: от господа бысть сей и
есть дивен во очесех наших

Псалом 117, стих 22

«Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле
Монах раскормленный сидит.
Он кровью, как в шинке, торгует,
Твой светлый рай сдает внаем!
О царь небесный! Суд твой всуе,
И всуе царствие твое.
Разбойники, людоеды
Правду побороли,
Осмеяли твою славу,

И силу, и волю!
Земля скованная плачет,
Словно мать по детям:
Кто собьет оковы эти,
Встанет в лихолетье
За Евангелие правды,
За народ забитый?
Некому! Неужто ж, боже,
И не ждать защиты?
Нет! Настанет час великий,
Час небесной кары!
Распадутся три короны
Высокой тиары...
Распадутся! Благослови
На смерть и на муки,
Благослови мои, боже,
Нетвердые руки!..»

Так в келье Гус с неправдой злою
Решил бороться — разорвать
Оковы ада... и святое,
Святое чудо показать
Очам незрячим.
«Поборюсь...
Со мной всевышний! Да свершится!»
И в Вифлеемскую каплицу
Пошел молиться добрый Гус.
«Во имя господа Христа,
За нас распятого на древе,
И всех апостолов святых,
Петра и Павла особливо,
Мы отпускаем все грехи
Вот этой буллою... святою
Рабыне божьей...»
«Этой самой,

Что позавчера водили
По улицам Праги.
Этой самой, что шаталась,
Упившися хмелем,
По шинкам да по казармам,
По монашьим кельям.
Она деньги раздобыла
Да буллу купила —
И теперь свята... О боже!
Великая сила!
Великая слава! Помилуй людей!
Отдохни от гнева в светлых сенях рая!
За что погибают? За что ты караешь
Своих и покорных и добрых детей?
За что ты ослепил им очи
И вольный разум их сковал
Оковами кромешной ночи?..
Прозрейте, люди, день настал!
Глаза раскройте, шире груди!
Проснитесь, чехи! Вы же люди,
А не потеха чернецам!
Злодеи, палачи в тиарах
Все обратили в прах и дым,
Как там, в Московии, татары,
И догматы свои слепым —
Нам навязали!.. Кровь, пожары,
Все зло на свете, войны, свары,
Мученья адские, а Рим
Распутством одержим.
Вот все их догматы и слава!
Чего славней!.. А нынче — вот
Установление конклава:
Кто, буллы не купив, умрет,
Тот — прямо в ад. А если плату
Ты внес двойную — режь хоть брата,

Всех, кроме пап и чернецов,
И в рай ступай в конце концов!
И вор у вора без пощады
Ворует... тут же, в церкви. Гады!
Насытились ли вы вполне
Людскою кровью?.. Нет, не мне,
Великий господи, простому
Рабу, судить твои дела
Великие: ведь людям зла
Не причинишь ты по-пустому!
Молю я, господи, помилуй,
Спаси ты нас, святая сила!
Язык мой язвами клейми,
Но язвы мира изыми!
Не дай глумиться ты лукавым
Над вечною твоею славой
И над смиренными людьми!..»

И плакал Гус, творя молитву,
Слезами тяжкими... Народ
Дивился молча: что творит он?
И на кого он восстает?

«Глядите, люди! Вот вам булла,
Что я читал!» И показал
Ее народу. Всколыхнуло
Толпу: он буллу разорвал!
Из Вифлеемской той каплицы
До самой мировой столицы
Громами эхо понеслось.
Монахи скрылись... Грозной карой
В конклаве эхо отдалось —
И дрогнула, кренясь, тиара!

Зашипели в Ватикане
Змеями монахи.
Авиньон с монашьим Римом
Зашептался в страхе,
Зашептались антипапы —
Потолки трясутся
От шепота. Кардиналы
Гадюками вьются
Вкруг тиары. И украдкой
Меж собой грызутся,
Что коты за мышь... И как же!
Тут ведь меху, кожи
Горы целые... А мяса!!!
Даже стены тоже
Вздрогнули при вести: в Праге
Уж гогочут гуси
И летят с орлами биться...
Всполошился, струсив,
Собрался конклав... Решили:
Меж собой на споря,
Встать на Гуса и в Констанце
Воронью быть в сборе!
Да стеречь везде позорче,
Глядеть сверху, снизу,
Чтоб не дать в славянском поле
Скрыться птахе сизой.

То не воронье слеталось —
Монахи толпою
Повалили. Степь, дороги
Точно саранчою
Покрылись: герцоги, бароны,
Псари, герольды, шинкари
И трубадуры-кобзари...
Змеятся латников колонны.

За герцогинями без счета
Все немцы: соколов несут,
Те едут, те пешком идут...
Кишат! Всяк рвется на охоту,
Как гад на солнышко спеша!
О чех! Жива ль твоя душа?
Глянь, сколько силы повалило,
Как бы на сарацина, в бой
Иль на великого Аттилу!

А в Праге ропот, гул глухой,
И кесаря, и Вячеслава,
И весь собор тысячеглавый
Там вслух бранят наперебой,
В Констанц не отпуская Гуса.
«Жив бог! Жива душа моя!
Я смерти, братья, не боюся!
Я докажу тем змеям! Я
У ненасытных вырву жала!..»
И Гуса Прага провожала,
Как дочь — отца...

На заре Констанц проснулся
В колокольном звоне.
Собирались кардиналы,
Как быки в загоне,
И румяны и дородны;
Прелатов орава,
Трое пап, князья, баронство,
Венчанные главы
Собрались, как иуды
На суд нечестивый
Над Христом. И брань и ссоры,
Вой и крик визгливый,
Будто в лагере татарском

Иль в еврейской школе,
И вдруг разом онемели!..

Как в ливанском поле
Гордый кедр — так Гус, в оковах,
Встал перед собором,
И окинул нечестивых
Он орлиным взором.
Задрожали, побледнели,
Молча взор вперили
В мученика. «Что ж, меня вы
Спорить звали или
Любоваться оковами?»
«Стой, предерзкий, молча!—
Гадюками зашипели,
Завыли по-волчьи.—
Еретик ты! Еретик ты!
Ты погряз в расколе!
Ты усобицы лишь сеешь,
Ты святейшей воли
Не приемлешь!» —«Одно слово!..»
«Господом проклятый,
Еретик ты! Еретик ты!—
Ревели прелаты.—
Ты усобник!»—«Одно слово!..»
«Замолчи, проклятый!»
Гус взглянул на пап и молча
Вышел из палаты.
«Победили! Победили!..»
Словно озверели.
«Аутодафе! Аутодафе!..»—
Разом заревели.

И всласть монашеская братья
Всю ночь с баронами пила.
На Гуса сыпались проклятья...

Но вот гудят колокола,
Идут молиться в церковь божью
За грешника монахи в ряд.
Горит багровая заря —
И солнце хочет видеть тоже,
Что с Гусом праведным творят?!

Загудел Констанц от звона.
В кандалах, под стражей,
На Голгофу ведут Гуса...
И не дрогнул даже
Пред костром, ступил на пламя
Он с молитвой смело:
«О господи милосердный,
Что, скажи, я сделал
Этим людям, твоим людям?
За что меня судят?
За что меня распинают?
О, молитесь, люди
Неповинные! И с вами
То же, то же будет!
Лютый зверь пришел, овечьей
Шкурою покрытый!
Точит когти... Горы, стены
От него защиты
Не дадут вам!.. Разольется
Багряное море
Крови, крови детей ваших...
О, горе! О, горе!
Вон те звери! В светлых ризах,
Злобой полон каждый...
Жаждут крови...»
«Жги! Пожарче!»
Крови! Крови жаждут!

Вашей, вашей крови!..» Дымом
Праведника скрыло.
«О, молитесь же! Молитесь!
Господи! Помилуй,
Прости ты им — ведь не знают...»
И не слышно стало.
Вкруг огня, как псы на страже,
Цепь монахов встала —
Все боялись, чтоб не выполз
Он змеей из жара,
Не обвил кольцом корону
Или же тиару.

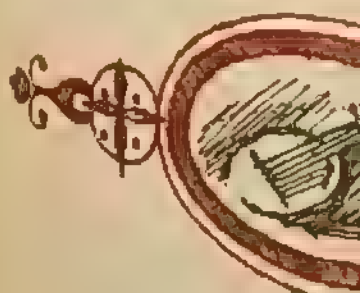
Погас костер; дунул ветер,
Всюду пепел сея.
Видели простые люди
Огненного змея
На тиаре. Расходились
И Te Deum[1] пели,
И за трапезой монахи,
Вкушая, сидели
День и ночь — опухли даже.
Малою семьею
Сошлись чехи. Из-под пепла
Горсть земли с собою
Взяли в Прагу. Так монахи
Гуса осудили
И сожгли. Но божье слово
С ним не умертвили,—
Не думали, что ринется
После гуся яро
Орел с неба и расклюет
Гордую тиару.

[1] Тебя, господи [хвалим] *(лат.)*.

Да и что им! Р
Монахи, бароны
Точно с пира к
Черные вороны.

Разгулялись по
Даже не вспомя
Знай пируют да
Te Deum затяну
С корнем вырва
Вон над головою
Старый Жижка
Взмахнул булав

10 октября 1845
с. Марьинское



СЛЕПО

Поэма

Думы мои молод
Те, что в небе ре
Не вернутся с то
Стен не обогреют
Покинули сироток
С тобою одною —
Сердцем моим, сн
Раем, тишиною!
Никому мой рай
Ты сама не

Да и что им! Разлетелись
Монахи, бароны,
Точно с пира кровавого
Черные вороны.

Разгулялись по хоромам,
Даже не вспомянут!
Знай пируют да порою
Te Deum затянут.
С корнем вырвали... Постойте!
Вон над головою
Старый Жижка из Табора
Взмахнул булавою.

10 октября 1845
с. Марьинское

СЛЕПОЙ

Поэма

Думы мои молодые,
Те, что в небе реют,
Не вернутся с того света,
Стен не обогреют.
Покинули сиротою,
С тобою одною —
Сердцем моим, светом моим,
Раем, тишиною!
Никому мой рай не ведом,
Ты сама не знала,

Что звездою путеводной
Надо мной сверкала.
Я гляжу, не налюбуюсь...
Вот сверкнула снова,
Вот склонилась, уронила
Ласковое слово,
Вот мелькнула, улыбнулась.
Гляжу — и не вижу;
А проснусь — и плачет сердце,
Из глаз — слезы брызжут.

Спасибо, звездочка! Темнеет
Мой день печальный. Вечереет.
Над головой уже трясет
Косою смерть. Срок подоспеет,—
Умру, и след мой занесет
Холодный ветер. Все стареет.
Быть может, и тебя овеет,
Брызнувши слезами,
Моя дума. И тихими,
Тихими речами
Ты промолвишь: «Я любила,
Я его любила,
А он не знал!» Звезда моя!
Над моей могилой
Гори, звезда... А я буду,
Святая, родная,
Петь о тебе, с того света
К тебе прилетая.

Этот — бродит за морями
По белому свету,
Ищет счастья — не находит,
Нигде его нету.
Как вымерло! Другой рвется
Из последней силы

За удачей... Вот...
И — сразу в могилу.
А третьему — как ни
Ни хаты, ни поля,
Одна сума, з из сумы
Глядит его доля,
Как ребенок. А он ее
Хает, проклинает,
Пропьет и пропивает —
Нет, не покидает!
Как репей, что прицепит
К нищенской заплате
И с чужого урожая
Колосья прихватит.
А там снопы, а там скирд
Глядишь — и в палате
Сидит себе побирушка,
Словно в своей хате.
Вот оно — какое счастье!
Не догнать — упрямо,
А полюбит — дастся в руки
С холубели самой.

В рубахе чистой, отбеленной,
Веселый, в новых сапогах,
Сидел на тройцын день зеленый,
Старик с бандурою в руках.
Седой казак.
И так и сяк...
И нужно бы, да неохота...
А все же нужно. Жить
Пускай по свету он
И сам судьбу свою
Как я искал
А где Стар

За удачей... Вот-вот догнал
И — сразу в могилу!
А третьему — как нищему:
Ни хаты, ни поля,
Одна сума, а из сумы
Глядит его доля,
Как ребенок. А он ее
Хает, проклинает,
Продает и пропивает —
Нет, не покидает!
Как репей, что прицепится
К нищенской заплате
И с чужого урожая
Колосья прихватит.
А там снопы, а там скирды.
Глядишь — и в палате
Сидит себе побирушка,
Словно в своей хате.
Вот оно — какое счастье!
Не догнать — упрямо,
А полюбит — дастся в руки
С колыбели самой.

В рубахе чистой, отбеленной,
Веселый, в новых сапогах,
Сидел на тройцын день зеленый
Старик с бандурою в руках,
Седой казак.
«И так и сяк...
И нужно бы, да неохота...
А все же нужно. Хоть два года
Пускай по свету он порыщет
И сам судьбу свою поищет,
Как я искал ее... Ярина!
А где Степан?»—«А вон под тыном,

Как в землю вкопан, нем и глух!»
«А мне и невдомек... Эй, друг,
Иди сюда! Идите оба!
Как вам такая дробь на пробу?»
И грянул по струнам.
Он играет, а Ярина
Со Степаном в пару.
Он играет, подбавляет
Каблуками жару:

«Кабы мне такого бы горя:
Со свекровью жить, да не споря,
Кабы мне молодой муженек,
От меня б не отходил весь денек!
Ой, гоп, чики-чики,
Кабы новы черевики,
Еще бубен да цимбалы,
Я бы только то и знала —
Молодого обнимала!
Ой, гоп гопака,
Оженили казака!
Он и печь затопил,
И борща наварил!»
«А ну, дети, еще этак!»
Разобрало старика.
Как ударит, как ушкварит,
Кулаки упер в бока...

«А и то не беда,
Что выросла лебеда!
Кроши густо,
На капусту —
Будет добрая еда!
А вот это — так беда,
Что женили смолода,

Оженили.
Не спросили
Не осталось и сле

«Нет, не то уж —
Бывалая сила!
Утомился. А это в
Подбавили пыла.
А, чтоб вам! Года-
К земле клонят ни
Состарился. Иди, д
Готовь чашки, миск
Сказать правду — я
Солнце над стеною.
А ты, сынок, до по
Останься со мною.
Садись, браток. Как
В Польше пал убить
Ты после него остал
Сиротой забытым...»
«Так я, значит, не р
Я не сын ваш? Боже
«Слушай, милый! Вот
Мать умерла тоже.
Остался ты, я и сказа
Покойной Марине,
Жене своей: «Возьмем
Себе вместо сына»,—
Тебя, значит. Она рад
Вот вы близнецами
С Яриною и выросли...
А что дальше — сами
Посудите. Ты в возрас
Она взрослей стала.
Надо думать, ка

Оженили,
Не спросили —
Не осталось и следа!»

«Нет, не то уж — подкосилась
Бывалая сила!
Утомился. А это вы
Подбавили пыла.
А, чтоб вам! Года-годочки
К земле клонят низко...
Состарился. Иди, дочка,
Готовь чашки, миски.
Сказать правду — я голоден,
Солнце над стеною.
А ты, сынок, до полудень
Останься со мною.
Садись, браток. Как отец твой
В Польше пал убитым,
Ты после него остался
Сиротой забытым...»
«Так я, значит, не родной вам,
Я не сын ваш? Боже!..»
«Слушай, милый! Вот вскорости
Мать умерла тоже.
Остался ты, я и сказал
Покойной Марине,
Жене своей: «Возьмем его
Себе вместо сына»,—
Тебя, значит. Она рада.
Вот вы близнецами
С Яриною и выросли...
А что дальше — сами
Посудите. Ты в возрасте,
Она взрослей стала.
Надо думать, как жить дальше

Вам бы подобало.
Что скажешь ты?» — «Я не знаю...
Я думал, что это...»
«Что Ярина сестра твоя?
А глядишь, не это...
Дело просто: если люба,
Можно повенчаться.
Только вот что: нужно раньше
В людях потолкаться,
Приглядеться, как живут,
То ль пашут,
То ль по непаханому сеют,
И прямо жнут,
И немолоченое веют,
А что размелют — прямо в рот,—
Узнай народ!
Так вот что, милый: нужно в люди
Тебе пойти на год, на два.
Чужая выучит братва!
Тогда и порешим, как будет.
Тому, чья не крепка спина,
И в жизни будет грош цена.
А ты как думаешь, дружище?
Но если хочешь точно знать,
Где легче горем торговать,
То в Сечь иди: там хватит пищи.
Поможет бог — найдешь свой кус.
А мне на вкус
До сей поры тот хлеб не сладок
Добра добудешь — принесешь,
А не добудешь — прожинешь
Мной нажитым. Да повадок
Запорожских наберешься,
Увидишь широкий
Свет совсем иным, чем в *братстве*.

Ты живые строки
В синем море прочитаешь;
В честном рукопашье
Богу выучат молиться,
А не по-монашьи
Бормотать под нос. Вот так-то!
Помолимся богу
Да сивого оседлаем —
И айда в дорогу!
Идем, дружок, полудновать...
Ну, как там? Готово,
Яриночка?» — «Уже, отец!»
«Вот, сын, мое слово!»

Не ется, не пьется, и сердце не бьется,
И разум затмился, и взор не глядит,
Как будто глухой и незрячий сидит,
Замест куска хлеба за кружку берется...
Ярина глядит и тихонько смеется:
«Что это с ним сталось? Не ест и не пьет!
Уж не разболелся ль? То бледен, то красен!»
Она его взгляда ответного ждет
Глаза он отводит. Старик же бесстрастен,
Как будто не видит. «Что жать, что не жать,
А сеять-то нужно,— в усы рассуждает
Отец про себя.— Ну, пора и вставать.
А я, может, в церкви еще побываю.
А ты, Степан, ложись-ка спать —
Ведь завтра рано нам вставать
Да коня седлать».

«Степаночко, голубчик мой,
На что ты в обиде?
Улыбнись мне, усмехнись мне...
Разве ты не видишь,
Как горько мне? Растревожил

Тебя насмерть кто-то,
И на меня глядишь так, что
Заплакать охота.
Я убегу, вот увидишь!
Ответь мне, Степанко!
Может, болен? Я достану
С частоями склянку,
И побегу за бабкою...
Может, глаз нечистый?»
Ярина, мое сердце,
Мой душистый!
Брат тебе, Ярина,
Я завтра покину
Отцом сиротами
И навеки сгину.
А ты меня и не вспомнишь,
Забудешь, Ярина,
Какой я был!..»—«Перекрестись!
То с дурного глазу!
Я — не сестра?.. Кто ж тогда я?..
Он потерял разум!
Что тут делать? Отца нету,
Кого пойду звать я?
А он, видно, в лихорадке —
Совсем без понятья...
Или ты меня дурачишь?
Разве ты не знаешь,
Что умрешь ты — и нас с отцом
В землю закопаешь?»
«Нет, Ярина, не умру я,
Я уеду далеко...
И вернуться раньше года
Мне не будет срока.
Возвращусь я с Запорожья
Женихом — не братом.

Пойдешь замуж?»—«Да ну тебя
Со свахой и сватом!
Шути еще».—«Не шучу я!
Ей-богу, Ярина,
Не шучу я!»—«Значит, правда?
Ты завтра покинешь
Меня с отцом... Отвечай же —
Это все не шутка!
Значит, правда — не сестра я?»
«Нет, моя голубка,
Сердце мое!»—«Боже ты мой!
Как же я не знала!
Разве б я тебя любила,
Разве б целовала?..
Ой, стыд какой! Отойди же,
Пусти мои руки!
Ты не брат мне... Ты не брат мне...
Муки мои, муки!»

И расплакалась Ярина,
Как дитя, рыдает.
«Он уедет! Он забудет!..»—
Плачет, причитает.
Словно явор, наклоняясь
Над речною кручей,
Сердце свое Степан выжег
Слезою горючей,
Как смолою. А Ярина
Молит, попрекает,
То замолкнет, поцелует
И вновь зарыдает.
Не видели, как стемнело.
И сестру и брата,
Словно скованных друг с другом,
Застал старый в хате.

И день настал. А Ярина
Не знает покою.
Вот уже Степан выводит
Коня к водопою.
Подхватила ведра, мчится,
Будто бы не тужит,
Хозяйствует. В это время
Старое оружье
Отец вынес из чулана,
Глянул, веселеет,
Примеряет... Будто снова
Старый молодеет!
Прослезился. «Сабля моя,
Сабля боевая,
Годы мои молодые,
Сила молодая!
Послужи, мое оружье,
Юношеской силе
Той же верной той же службой,
Что и мне служила!..»

И Ярина держит саблю,
А Степан седлает
Коня — друга боевого,
Жупан надевает;
Он берет кривую саблю,
Копье боевое,
Самопал семипядевый
Повис за спиною.
Как взглянула — обомлела,
И старик заплакал,
Оглядевши верхового
Доброго вояку.

Ведет коня за уздечку
И плачет Ярина.

Седой отец идет рядом,
Наставляет сына:
«Нужно честно отслужиться,
Правила держаться,
С побратимами дружиться,
В обозе не жаться...
Пускай бог тебе поможет!»
Напоследок стоя,
При словах этих прощальных
Зарыдали трое.
Степан свистнул — пыль вздымилась,
Закрыла дорогу...
«Возвращайся, сын, скорее
К родному порогу!»—
Закричал отец сквозь слезы...
Как елка в долине,
Пошатнулась, наклонилась
Без слова Ярина.
Только слезы утирает
Да путь озирает —
Там лишь тень в пыли мелькает
И вновь пропадает.
Будто перекати-поле
Катится, чернеет,
Будто мошка исчезает,
Только пыль над нею...
И пропала. Долго-долго
Вдаль, на ту дорожку
Устремляла взор Ярина —
А уже той мошки
Нет, исчезла. И дивчина
Тяжело вздохнула
И с отцом своим печально
К дому повернула.

Проходят дни, проходит лето;
Настала осень, шелестит
Сухой листвой. Не видя света,
Старик на приступке сидит.
Яринина не слышно смеха —
Отца единая утеха
Больна. С кем будет век дожит?
Чем старость обогреть? И снова
Он вспомнил сына молодого,
Свои цветущие лета.
Припомнив, заплакал
Седой богатый сирота.
Заплату к заплате
На плечи нашили лета.
«В твоих руках все на свете,
Свята твоя воля.
Что случится — тому и быть,
Знать, такая доля!»

И барвинком и мятою,
Травой повиликой
Весна землю одевает
В радости великой,
И солнышко среди неба
Засияло смело,
Землю, как жених невесту,
Взглядом обогрело.
И Ярина на свет божий,
Хату покидая,
Выползает, улыбаясь,
Слабая такая.
Все ей ново, все ей мило,
Все свежо, как в юность;
Но ножом беда лихая
В сердце повернулась

И свет заслонила,
И подкошенной травою
Ярина склонилась;
Словно листья под росою,
Побелели губы.
И отец над ней склонился
Подсеченным дубом.

Ко всем киевским святыням
С мольбой обращалась,
У Межигорского Спаса
Трижды причащалась
И в Почаеве священном
Рыдала, молилась,
Чтобы счастье со Степаном
Хоть во сне приснилось
Нет, не снилось! Возвратилась.
Снова забелела
Зима снегом. Новой весной
Степь зазеленела.
Вновь Ярина, кинув хату,
Вышла, хорошея,
Но уже не к святым молиться —
Гадать к ворожее.

Ворожея ворожила,
Заговоры клала,
За три деньги судьбу-счастье
Воском выливала:
«Вон видишь: конь оседланный
Машет головою.
А вот казак. А вот идет
Старик с бородою.
Это к деньгам. Глянь — сопливый!
Вот бы догадался
Пугнуть деда! А и пугнул!

За курган забрался,
Видишь, вон считает деньги.
Вот он вновь, по склону,
Закрыв глаза, идет с сумой,
Чтоб никто не тронул,
Чтоб за ним погоня вражья
Следом не метнулась...»
И веселая с гаданья
Ярина вернулась.

Уже третье, четвертое
И пятое лето
Кончается — немалый срок,
А Степана нету.
И тропочки-дороженьки
Яром да горою,
Что хожены, ворожены,
Заросли травою.
И Ярина в монашенки
Постричься решает.
Старый отец на коленях
Просит, умоляет —
Хоть годочек, хоть леточко,
Хоть тройцы б дождались!..
Дождались — и стены хаты
Зеленью убрали,
И мятою, и цветами
И в рубахах белых
Тихонечко перед хатой,
Как сироты, сели.
Сидят они печальные —
Вдруг, слышат, играет
И под тихий ропот кобзы
Кто-то напевает:
«В воскресенье раным-рано

Сине море выло; .
Казачество кошевого
На кругу просило:
«Разреши ты, атамане,
Парусам подняться,
Чтоб за Тендер прогуляться,
С турком потягаться».
Чайки и челны спускали,
Пушками их уставляли.
Из широкого устья днепровского
выплывали.

Среди ночи темныя,
Среди моря синего
За островом Тендером утопали,
Погибали...
Один утопает,
Другой выплывает,
К казакам-товарищам из волны тяжелой
Руку подымает, окликает:
«Пускай вам, товарищи, господь помогает!»
И в волне тяжелой, утопает,
Погибает.
Лишь три челна, слава богу,
Атамана куренного,
Сироты Степана молодого
Сине море не разбило,
В турецкую землю, к нечестивцам,
Без рулей и весел относило.
Тогда сироту Степана,
Казака реестрового,
Атамана честного,
Турки-янычары ловили,
Из пушки стреляли,
В кандалы ковали,

В Царьградскую башню заключали,
Тяжелой работой изнуряли.
Ой, Спасе наш чудотворный,
Межигорский Спасе!
И лютому ворогу
Не дозволь попасться
В турецкую землю, в тяжкую неволю!
Кандалы там по три пуда,
Атаманам по четыре.
И света божьего не видят, не знают,
Под землею камень ломают,
Без напутствия святого умирают,
Погибают.
Вспомнил сирота Степан в неволе
Матерь свою Украину,
Неродного отца седого,
И коника вороного,
И сестру Ярину,—
Плачет, рыдает,
Руки к небу подымает,
Кандалы ломает,
Убегает на вольную волю!..
На третий день в поле
Турки-янычары его догоняли,
К столбу вязали,
Глаза вырывали,
Горячим железом выжигали,
В кандалы забивали,
В тюрьму сажали
И замуровали».

Вот так, на улице, под тыном,
Еще не стар кобзарь стоял
И про неволю распевал.
За тыном слушала Ярина —

Не дослушала, упала.
«Степаночко! Степаночко!—
Рыдала, кричала.—
Степаночко, сердешный мой,
Что ж ты затаился?..
Отец! Это же Степан наш
Там остановился!»
Вышел отец за ворота,
Насилу, насилу
Признает его: так горе
Хлопца подкосило.
«Сыночек мой бесталанный,
Дитя дорогое,
Где скитался ты по свету,
Гонимый бедою?»
Плачет старый, обнимает,
И слепой заплакал,
Точно солнце он увидел
Из вечного мрака.
И берут его под руки,
И приводят в хату,
И Ярина ему служит,
Как родному брату,
Голову ему помыла
И ноги обмыла.
И в сорочке тонкой, белой
За стол усадила.
Накормила, напоила
И спать уложила,
Вышла с отцом из горницы
И двери прикрыла.

«Нет, не надо, отец милый,
Милая Ярина!
Я уже навек пропащий

И вновь вас покину.
За что ты свой век девичий
Со мною загубишь,
С калекою?.. Нет, Ярина!
Засмеют нас люди.
Видно, счастье этой хаты
Неугодно богу.
Он от нас его прогонит
К чужому порогу.
Нет, Ярина! Бог не бросит,
Ты найдешь другого,
А я уйду в Запорожье
Петь под кобзу снова.
Меня любят...»—«Нет, Степан мой,
Ты мне ближе сына!
И бог тебя покарает,
Если нас покинешь».
«Оставайся, Степаночко!
Не хочешь венчаться —
Станем жить как брат с сестрою
И не разлучаться.
Будем радостью, опорой
Старика седого.
Сердце мое, Степаночко,
Не бросай нас снова!..
Не покинешь?»—«Нет, Ярина!»
И Степан остался.
Весел старый, как ребенок,
И за кобзу взялся —
Хотел струнным перебором
Возвратить веселье.
На завалинке у хаты
Втроем они сели.
«Расскажи теперь, Степан мой,
Как беда случилась.

Ведь и мне в плену турецком
Бывать приходилось».

«Вот меня, уже слепого,
Турки выпускали
С казаками. Товарищи
На Сечь отбывали,
И меня с собой забрали,
И через Балканы
Торопились на родину
Вольными ногами.
И на тихом на Дунае
Нас перегоняют
Сечевики-запорожцы
И в Сечь возвращают.
И рассказывают, плача,
Как Сечь разоряли,
По церквам оклады-ризы,
Свечи забирали.
Как казаки-запорожцы
Ночью отступали
И на тихом на Дунае
Новой Сечью стали.
Как царица по Киеву
С Нечосом гуляла,
Как Спас она Межигорский
Ночью поджигала,
Как с Днепра на это пламя
Тайно любовалась,
В золотой своей галере
Плыла, улыбалась.
И как степи запорожьи
Тогда поделили,
За панами запорожский
Народ закрепили.

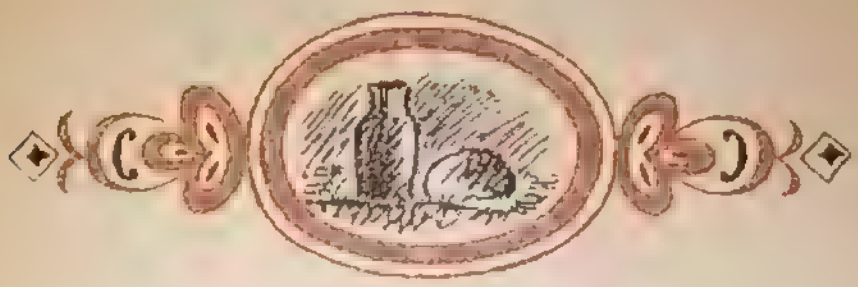
Как Кирилл со старшинами
В парики влезали
И царицыны сапожки,
Словно псы, лизали.
Вот так, батько! Я и счастлив,
Что слепцом блуждаю,
Что всего того на свете
Не вижу, не знаю.
Как шляхтичи все забрали,
Кровь повыпивали,
А царя и самый воздух
В цепи заковали.
Вот что было. Тяжко, отец,
От своего дому
Уходить просить защиты
К нехристю, к чужому!
Теперь будто Головатый
Остатки сбирает,
На Кубань их подбивает,
Черкеса пугает.
Пускай ему бог поможет!
А что с того будет,
Святой знает: послушаем,
Что расскажут люди».
Вот так они каждодневно
Вдвоем до полночи
Рассуждают. А Ярина
Хозяйкой хлопочет.
Вспоминают Запорожья
Прошедшую славу
И тихонько напевают
Про Чалого Савву,
Про Хмельницкого Богдана,
Злосчастного сына,
И про Гонту-мученика,

Про славу Максима.
А Ярина их слушала
Да святым молилась.
Умолила. Перед постом
Они поженились.

Вот и конец моей песне.
Не дивитесь, люди!
Что бывало — миновало
И снова не будет.
Позабыты мои слезы,
Не бьется, в обиде,
Сердце старое, черствеет,
И очи не видят...
Ни хатенки этой белой
Под синью небесной,
Ни долины приветливой,
Ни темного леса,
Ни девической улыбки,
Ни красы ребячьей
Я веселыми не вижу:
Все гибнет, все плачет.
Я и рад бы где укрыться,
Только где — не знаю.
Всюду горе, всюду стонут,
Бога проклинают.
Сердце вянет, каменеет,
И не носят ноги,
И устал я, одинокий,
На своей дороге.
Оттого кричу, как ворон,
На злую примету:
Солнце тучею покрылось,
И не видно свету.
Еле-еле к полуночи

Сердцем прозреваю,
Свою немощную песню
Людям посылаю.
За живой водой и мертвой
Ворон улетает,
Иногда, ее добывши,
Сердце окропляет.
И зажжется огонечек,
С темнотою споря,
И начну рассказ про счастье,
А сверну на горе.
Вот и нынче про слепого
Я рассказ кончаю,
А свести концы с концами
Как складней — не знаю.
Так как не было на свете
Этакого дива,
Чтоб жена с незрячим мужем
Прожила счастливо.
А вот — сталось это диво:
Год, другой на убыль,
Вот они в саду друг с дружкой,
Радостны и любы.
И старик — отец счастливый —
Перед светлым домом
Учит маленького внука
Вежливым поклонам.

16 октября 1845
с. Марьинское



НАЙМИЧКА

ПРОЛОГ

Воскресенье утром рано
Поле крылося туманом,
И склонилася в тумане,
Словно тополь, на кургане
Молодица молодая.
Что-то к сердцу прижимает,
Горько плачет, причитает:

«Ой, туман мой, ненастье,
Мое горе-злосчастье!
Отчего меня не скроешь
От беды-напасти?
Что меня ты не задавишь
И в землю не вдавишь?
Отчего мне тяжкой доли,
Веку не убавишь?
Нет, не дави, туман белый!
Укрой только в поле,
Чтоб не знал никто, не видел
Горькой моей доли!..
Я не одна: есть у меня
Отец и мать в хате...
Есть у меня... туман белый,
Туман милый, братец!..
Есть сыночек некрещеный,
Сынок мой родимый!

Не я тебя крестить буду
На горе, любимый.
А чужие крестить будут,
Я и не узнаю,
Как звать сына... Дитя мое!
Богатой была я...
Не брани! Молиться стану,
Слезами своими
Счастья вымолю у неба
Для тебя, родимый!»
Пошла полем, рыдаючи,
В тумане таилась,
И сквозь слезы тихонечко
Запела уныло,
Как вдова в Дунае синем
Детей схоронила:
«У кургана-могилы
Вдова в поле ходила,
Там ходила, гуляла,
Яду-зелья искала.
Яду-зелья не нашла,
Двух сыночков родила,
Китаечкой повила
И на Дунай отнесла:
«Тихий-тихий Дунай!
Моих деток забавляй.
Ты, песочек, их прими,
Моих деток накорми!
Накорми, успокой
И собою укрой!»

I

Жили себе дед да баба.
В роще кудрявой на хуторе старом
Вдвоем весь век свой долгий провели

В тишине, в покое,
Как деточек двое.
Вдвоем ягнят пасли детьми когда-то,
А там обвенчались,
Скотины дождались,
И хуторок приобрели,
И сад и пчельник завели,
И мельницу купили —
В достатке жили.
Лишь деток не дал бог,
А смерть с косою у порога.

Кто же старость их пригреет,
Для них сыном станет,
Похоронит, пожалеет,
Кто душу помянет?
Кто на счастье добро примет,
Трудом нажитое,
Будет помнить благодарно,
Как дитя родное?..
Трудно вырастить ребяток
В непокрытой хате.
А еще труднее в белых
Стариться палатах,
Стариться и дом богатый,
Угол непочатый,
Умирая, чужим детям
Отдать на растрату!

II

Раз в воскресенье, в день погожий,
У хаты в праздничной одеже
Сидели старики вдвоем.
Ни тучки на небе; кругом,
Как бы в раю, так славно было,

На небесах ни тучки!
А в сердце горе затаилось,
Как зверь в лесу дремучем.
В таком раю отчего бы
Старикам грустилось?
Горе ль давнее какое
В хате пробудилось?
Иль заглохшее недавно
Вновь зашевелилось?
Или новое рай светлый
Огнем охватило?
О чем же, сидя у порога,
Они задумались? Как знать,
Уж собрались, быть может, к богу,
Но кто в далекую дорогу
Коней им станет запрягать?

«А кто нас, Настя, в гроб положит,
Когда помрем?»
«Великий боже!
Я о том же размышляла,
Да так горько стало:
В одиночестве старели...
Для кого держали
Добро наше?..»
«Погоди-ка!
Словно плачет, слышишь,
За воротами ребенок!
Побежим-ка!.. Видишь,
Так и знал я, что-то будет!»

И оба вскочили,
Да к воротам... Прибегают —
И оба застыли.
Перед самым перелазом

Младенец повитый —
Но не туго; и новенькой
Свиткою прикрытый.
Видно, мать запеленала,
Хоть лето — укрыла
Последнею одежею!..
Глядели, молились
Дед да баба. А младенец
Словно умоляет:
Ручки выпростал, бедняжка,
И к ним простирает,
Крохотные... и притихнул,
Как будто не плачет,
А чуть хнычет.

«Ну что, Настя?
Видишь! Теперь, значит,
Мы с тобой не одиноки!
Вот судьба, вот счастье!
Ишь какое, чтоб не сглазить!
Бери ж дитя, Настя,
Неси в хату, а я съезжу
Сам за кумовьями
В Городище...»

Чудно, право,
Бывает меж нами!
Один сына проклинает
И прочь выгоняет.
Другой свечечку, сердешный,
По́том добывает
И, рыдая, ее ставит
Перед образами —
Нету детей!.. Чудно, право,
Бывает меж нами!

III

Вот три пары на радостях
Кумовьев набрали,
И мальчика окрестили,
И Марком назвали.
Растет Марко: старики же
Души в нем не чают,
Где усадить, где уложить,
Хлопочут — не знают.
Год проходит. Растет Марко,
Дойная корова
Живет в холе, в роскошестве.
Но вот, черноброва,
Молода и белолица,
Пришла молодица
На тот хутор благодатный
Работать проситься.
«Что ж?— дед молвит.— Возьмем, Настя!»
«Возьмем, Трофим,— нужно ж,
Ведь стары мы и хвораем,
И дитя к тому же.
Хоть подрос Марко немножко,
Но все ж таки надо
Заботиться о ребенке».
«Твоя правда, надо;
Век, мне данный, слава богу,
И я прожил, знаю,—
Уходился. Ну, так как же,
Что возьмешь, родная,
За труды?»
«Да что дадите».
«Э, нет, дочка, что ты!
Это ж плата за работу,
За твою работу.

Говорят: кто не считает,
Тот не наживает.
Вот уж разве так, голубка:
Ни ты нас не знаешь,
Ни мы тебя. А поживешь,
Оглядишься в хате,
Да тогда и сговоримся
С тобою о плате.
Так ли, дочка?»
«Ну что ж, ладно!»
«Так входи же в хату».

Сговорились. Молодица
День встречает песней;
Словно с паном обвенчалась,
Купила поместье.
От рассвета до заката
И в поле, и в хате,
И за скотом ходит Ганна;
А вокруг дитяти
Так и вьется; в воскресенье
И в будни ребенку,
Словно мать, головку моет,
Ему рубашонку
Каждый божий день меняет,
Вместе с ним катает
Повозочки, а уж в праздник
И с рук не спускает.
Старики мои дивятся,
Богу бьют поклоны...
Наймичка же сна не знает,
По ночам со стоном
Свою долю проклинает,
Плачет горько, тяжко;
Да никто того не знает,

Не слышит бедняжки,
Кроме Марка маленького.
Да и он не знает,
Отчего слезами Ганна
Его умывает;
Отчего его целует
И молится жарко,
Сама не съест и не допьет,
А накормит Марка.
Не знает он. Когда в люльке
Порой среди ночи
Пробудится, шевельнется,
Она сразу вскочит,
Крестит его, баюкает,—
За стеною слышит,
Спит спокойно ли ребенок,
Как во сне он дышит.
Утром Марко к своей Ганне
Ручки простирает —
И наймичку с улыбкою
Мамой величает...
Не знает он. Растет себе,
Растет, подрастает.

IV

Немало лет уже минуло,
Воды немало утекло.
На хутор горе завернуло
И слез немало принесло.
Бабусю Настю схоронили
И еле-еле отходили
Трофима-деда. Пронеслось
Несчастье злое и уснуло —
На хутор снова благодать

Из-за лесов седых вернулась
К Трофиму в хату отдыхать.

Уже Марко чумакует
И осенью не ночует
Ни у хаты и не в хате,—
Кого-нибудь нужно сватать!
Задумался Трофим старый,
Спросить Ганну надо б!
Да к работнице. А Ганна
К королевне б рада
Сватов слать: «Марка спросить бы,
Ему лучше знать-то».
«Ладно, дочка, Марка спросим,
Да и станем сватать».

Расспросили, столковались,
Сватов снарядили.
С рушниками к Марку в хату
Люди воротились,
С хлебом святым, обмененным.
В жупане богатом
Кралечку нашли такую —
Хоть гетману сватай,
Так не стыдно. Вот какое
Выискали диво.

«Спасибо вам!— старик молвит.—
А теперь счастливо
Довести нам нужно дело
До конца бы, люди,—
Обвенчать их. Да еще вот:
Кто ж матерью будет
Посаженой? Нет ведь Насти!..»
И заплакал тяжко.
Только наймичка у двери

За косяк, бедняжка,
Ухватилась и застыла.
Смолкли в хате люди.
Горько наймичка шептала:
«Кто ж матерью будет?..»

V

Время шло. Уж молодицы
Каравай месили
На хуторе. Отец старый,
Не жалея силы,
С молодицами танцует,
И двор подметает,
Да прохожих да проезжих
К себе зазывает,
Варенухой угощает
И на свадьбу просит.
Знай бегает — а самого
Еле ноги носят.
Во дворе и в хате хохот
И шум небывалый,
И бочонки выкатили
С громом из подвала.
Прибирают, пекут, варят...
Да только чужие.
Где же Ганна? На святое
Богомолье в Киев
Пошла она. Молил старый,
Просил Марко слезно
Матерью быть посаженой.
«Нет, Марко! Как можно!
Я же наймичка,— неловко
Сидеть-величаться
Мне на свадьбе... Станут люди

Над тобой смеяться.
Пусть господь вам помогает!
Пойду помолюсь я
Святым в Киеве, а там уж
Домой ворочусь
В вашу хату, коль примете.
Пока будут силы,
Потружусь я...»
С чистым сердцем
Крестом осенила
Марка Ганна... Заплакала
И вышла в ворота.

Зашумела свадьба в доме,
И пошла работа
Музыкантам и подковкам,
Столы поливают
Варенухою. А Ганна
Бредет, ковыляет.
Пришла в Киев, у мещанки
Стала, поселилась,
Нанялась носить ей воду —
Денег не хватило,
Чтобы отслужить молебен.
Носила, носила,
Заработала немного
И в лавре купила
Марку шапочку святую
С Ивана святого,
Чтоб головка не болела
У Марка родного.
И колечко от Варвары
Невестке достала
И, всем святым поклонившись,
Домой возвращалась.

Возвратилась. Катерина
И Марко встречают
За калиткой, ведут в хату
И за стол сажают;
Напоили, накормили,
Про путь расспросили,
Ей в горнице Катерина
Постель постелила.

«За что они меня любят?
За что почитают?
О боже мой милосердный,
Может, они знают...
Может, они догадались...
Нет, не догадались —
Они добрые...»
И Ганна
Тяжко зарыдала.

VI

Трижды речка замерзала
И трижды вскрывалась;
Трижды в Киев работницу
Катря провожала,
Как мать свою. И в четвертый
Ее проводила
До кургана в поле чистом
И бога молила,
Чтоб скорее возвращалась,
А то пусто в хате,
Словно мать ушла куда-то,
Покинула хату.

В воскресный день после пречистой —
После успенья, дед Трофим,

Надевши брыль, в сорочке чистой
Сидел у хаты. Перед ним
Играл с собакой внучек малый,
А внучка, в кофту нарядясь
В Катрусину, как бы пришла
Проведать дедушку. Смеясь,
Старик с шалуньей говорил,
Как с настоящей молодицей:
«А что же ты без паляницы?
Иль по дороге кто стащил?
Или забыла взять из хаты?
А может, вовсе не пекла?
Э, стыдно как! Ну, хороша ты!..»
Вдруг — глядь!— работница вошла
Во двор. Со стариком внучата
Бегут встретить свою Ганну.
«А Марко?»— в тревоге
Деда спрашивает Ганна.
«Все еще в дороге».
«А я нынче утомилась,
Дошла к вам насилу.
Не хотелось на чужбине
Ложиться в могилу!
Только б Марка мне дождаться...
Так тяжко вдруг стало!»
И внукам из узелочка
Гостинцы достала —
Дукатики, и крестики,
Да бусы цветные
Яриночке, да из фольги
Образки святые;
Карпу глиняную птичку
И лошадок пару,
И четвертый уже перстень
От святой Варвары

Катерине. Деду свечки
Из воска святого,
Лишь себе с Марком подарка
Ганна никакого
Не принесла, не купила,
Денег не хватило,
А работать не могла уж.
«А тут где-то было
Полбубличка!»
По кусочку
Детям раздавала.

VII

Вошла в хату. Катерина
Ей ноги помыла
И полдничать усадила.
Не до того было
Старой Ганне.
«Воскресенье
Когда?»— вдруг спросила.
«Через день».—«Молебен нужно
Справить — помолиться
Николаю-чудотворцу,
Вынуть бы частицу,—
Что-то долго Марка нету...
Сохрани нас боже,—
Он в пути не заболел ли,
Вернуться не может?»
Заплакала работница,
Еле-еле встала
Из-за стола.
«Катерина!
Не та уж я стала:
Состарилась, силы нету

На ноги подняться.
Тяжко, Катря, в чужой хате
Смерти дожидаться».
Захворала, несчастная.
Уж и причащали
И соборовали Ганну,
Да легче не стало.
Возле хаты Трофим старый
Как убитый бродит.
Катерина ж от болящей
На шаг не отходит;
День и ночь она над Ганной
Очей не смыкает,
А сычи на крыше ночью
Худое вещают.
Ни минуты болящая
Покоя не знает,
Все расспрашивает Катрю:
«Катруся родная!
Что, Марко не воротился?
Ох, если б я знала,
Что дождусь его, увижу,
Может, легче б стало».

VIII

Идет Марко с чумаками.
Идет, распевает,
Не спешит, волов пастися
В степи отпрягает.
Везет Марко Катерине
Сукна дорогого.
Шелком шитый пояс красный
Для отца седого.
Красный с белою каймою

Платочек для Ганны,
А еще ей на очипок
Парчи златотканой.
А для деточек сапожки,
Фиг и винограду,
А всем вместе им — красного
Вина из Царьграда
Ведра три везет в бочонке,
Доброй икры с Дона,—
Всего везет, да не знает,
Что творится дома.
Идет Марко, не горюет.
Пришел — слава богу!
И ворота отворяет,
И молится богу.
«Слышишь ли ты, Катерина?
Марко воротился!
Беги встречать. Скажи ему,
Чтоб поторопился!..
Слава тебе, Христе-боже!
Дождалась насилу!»—
И *Отче наш* тихо-тихо,
Как сквозь сон, твердила.

Старик волов распрягает
И ярма снимает
Узорные. А Катруся
Марка обнимает.
«Где же Ганна? Не спросил я
Про нее ни слова...
Да жива ли?»
«Жива, Марко,
Только нездорова,
Худо ей. Пойдем скорее,
Пока распрягает

Отец. Давно тебя, Марко,
Ганна ожидает».

Пошел Марко с Катериной
И стал у порога
Испуганный... Ганна шепчет:
«Слава... слава богу!
Иди, Марко... Слышишь, Катря,
Ты выйди, родная:
Расспросить его должна я,
Поведать, что знаю».

Тихо вышла Катерина,
А Марко к постели
Подошел и наклонился.
Ганна молвит еле:
«Марко, в лицо погляди мне,
Видишь, какой стала.
Я не Ганна, не наймичка,
Я...»
И замолчала.
Марко плакал и дивился,
Вновь глаза открылись,
Грустно, грустно поглядела —
Слезы покатились.
«Прости меня. В чужой хате
Свой век прожила я...
Прости меня... я, сыночек,
Твоя мать родная».
И умолкла...
Марко обмер,
Земля содрогнулась.
Очнулся он... к ней — к родимой,
А мать уж заснула!

13 ноября 1845, в Переяславе
[1860]

КАВКАЗ

Искреннему моему Якову де Бальмену

Кто даст главе моей воду
и очесем моим источник
слез, и плачуся и день и нощь
о побиенных.
Иеремии, глава 9, стих 1

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Спокон веку Прометея
Там орел карает,
Что ни день долбит он ребра,
Сердце разбивает.
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной —
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля,
Ненасытный не распашет
На дне моря поля.
Не скует души бессмертной,
Не осилит слова,
Не оха́ет славы бога,
Вечного, живого.
Не нам с тобой затеять распрю!
Не нам дела твои судить!

Нам только плакать, плакать, плакать
И хлеб насущный замесить
Кровавым потом и слезами.
Кат издевается над нами,
А правде — спать и пьяной быть.
Так когда ж она проснется?
И когда ты ляжешь
Опочить, усталый боже,
Жить нам дашь когда же?
Верим мы творящей силе
Господа-владыки.
Встанет правда, встанет воля,
И тебя, великий,
Будут славить все народы
Вовеки и веки,
А пока — струятся реки...
Кровавые реки!
За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы.
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось,— вплоть до воли,—
И травим... И легло костьми
Людей муштрованных немало.
А слез, а крови? Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось,
Пылающее море! Слава
Борзым, и гончим, и псарям,
И нашим батюшкам-царям

Слава!

Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым.
Слава витязям великим,
Богом не забытым.
Вы боритесь — поборете,
Бог вам помогает!
С вами правда, с вами слава
И воля святая!

Чурек и сакля — все твое,
Не выпрошенное мольбами,
За хлеб, за жалкое жилье
Не окуют тебя цепями.
У нас же... Грамотеи мы,
Читаем го́спода глаголы!..
И от казармы и тюрьмы
Вплоть до высокого престола
Мы ходим в золоте — и голы.
К нам в обученье! Мы сочтем,
Научим вас, хлеб-соль почем,
Мы христиане; храмы, школы,
Вся благодать, сам бог у нас!
Глаза нам только *сакля* колет:
Зачем она стоит у вас,
Не нами данная; и то,
Что солнце светит нам бесплатно,
Не нами сделано! зато
Чурек не кинем вам обратно,
Как псам! И хватит: Мы не турки —
Мы христиане. В Петербурге
Мы малым сыты!.. А зато
Когда б вы с нами подружились,
То многому бы научились!
У нас же и простор на то,—

Одна сибирская равнина...
А тюрем сколько! А солдат!
От молдаванина до финна
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют! У нас
Святую Библию читает
Святой чернец и поучает,
Что царь свиней когда-то пас,
С женой приятеля спознался,
Убил его. А как скончался,
Так в рай попал! Вот как у нас
Пускают в рай! Вы не учены,
Святым крестом не просвещены.
Но мы научим вас!.. Кради,
Рви, забирай —
И прямо в рай,
Да и родню всю приводи!
Чего мы только не умеем?
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных —
Людей крещеных... но *простых*.
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону!
По апостольским заветам,
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры,
Господом прокляты!
Возлюбили вы не душу —
Шкуре братней рады.
И дерете по закону:
Дочке на наряды,
На житье сынкам побочным,

Жене на браслетки,
А себе на что, не знают
Ни жена, ни детки!

За кого же был ты распят,
Сын единый божий,
В искупленье нам? За слово
Истины?.. Иль, может,
Чтоб глумленье не кончалось?
Так оно и сталось!
Часовни, храмы, да иконы,
И жар свечей, и мирры дым,
И перед образом твоим
Неутомимые поклоны.
За кражу, за войну, за кровь
Ту братскую, что льют ручьями,—
Вот он, даренный палачами,
С пожара краденный покров!..
Просветились! И решаем
Свет открыть и этим
Показать им солнце правды —
Сим незрячим детям!
Все покажем! Только дайтесь
В руки нам, и тут же —
Как прочнее строить тюрьмы,
Плесть нагайки туже,
Кандалы ковать, носить их
В сибирскую стужу,—
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали —
И поле и море!

И тебя загнали, друг и брат единый,
Яков мой хороший! Не за Украину —

18 ноября 1845
в Переяславе

За ее тирана довелось пролить
Столько честной крови. Довелось испить
Из царевой чаши царевой отравы!
Друг мой незабвенный, истинный и правый!
Ты на Украине душою витай,
Вместе с казаками мчись над берегами,
Старые курганы в степи озирай.
Закрепи слезами дружбу с казаками,
Меня из неволи в степи поджидай.
А покуда — мои думы,
Лютые невзгоды,
Буду сеять я. Пусть крепнут
В споре с непогодой.
Украинский тихий ветер
Принесет с росою
К дорогому другу думы
Братскою слезою.
И когда на них ты взглянешь
И читать их станешь,
Вновь курганы, степи, горы
И меня помянешь.

18 ноября 1845
в Переяславе

И МЕРТВЫМ, И ЖИВЫМ, И НЕРОЖДЕННЫМ ЗЕМЛЯКАМ МОИМ, НА УКРАИНЕ И НЕ НА УКРАИНЕ СУЩИМ, МОЕ ДРУЖЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Аще кто речет, яко люблю бога,
а брата своего ненавидит, ложь
есть.

Соборное послание Иоанна, гл. 4, ст. 20

И темнеет, и светает,
И ночь наступает.
Люд, измученный работой,
И все засыпает.
Лишь я плачу, как проклятый,
Дни и ночи сидя
На распутьях многолюдных...
И никто не видит
Слез моих! Ослепли, видно,
Не слышат — не знают;
Святой правдою торгуют,
Цепь на цепь меняют,
Насмехаются над богом,—
В ярмо запрягают
Человека. Пашут горе,
Бедой засевают,
Что ж вырастет? Погодите,
Увидите всходы!
Опомнитесь! Спохватитесь,
Нелюди, юроды!
Поглядите на рай тихий,
На мать-Украину,
Полюбите чистым сердцем
И ее руины!
Сбросьте цепи, станьте снова
Братьями, а где-то

На чужбине не ищите
Того, чего нету
И на небе, а не только
Что на чужом поле.
В своем доме — своя правда,
И сила, и воля.
Другой нигде нет Украины,
Нигде другого нет Днепра.
А вы? Вы рветесь на чужбину
Искать великого добра,
Добра святого. Воли! Воли!
И братства братского! Нашли.
Несли, несли с чужого поля
И на Украйну принесли
Великих слов запас немалый —
И все тут. Вы кричите всем,
Что бог вас создал не затем,
Чтоб вы неправде поклонялись!
Чем были вы, тем и остались,
Вы гнетесь. С тех, кто слеп и нем,
Дерете с братьев гречкосеев
Три шкуры вживе... и опять
Спешите к немцам поскорее
За правдою!.. Вот если б взять
И скарб свой вы могли с собою,
Добытый кражей с давних пор,
Тогда б остался сиротою
Днепр со святой семьею гор!

О, если бы вы больше к нам не возвращались,
А сдохли, забившись в чужие углы!
Не плакали б дети, мать бы не рыдала,
Не слышали б вашей на бога хулы.
Дыханьем воздух вы б не отравляли

В степях, что свободны, чисты и светлы,
И люди б не знали, что вы за орлы.
Они бы с презреньем на вас не кивали.
Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет.
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы!
Детей ваших кровь польется
В далекое море
Сотней рек. Вам ниоткуда
Помощи не будет:
Брат от брата отречется,
Сын про мать забудет;
И дым тучею закроет
Солнце перед вами,
И прокляты вы будете
Своими сынами!
Умойтеся! Образ божий
Грязью не поганьте,
Дурь в голову детям вашим
Вбивать перестаньте,
Что они — паны по крови:
Мужицкое око
Им заглянет прямо в душу
Глубоко! Глубоко!
Чья на вас надета шкура,
Дознаются люди,—
И немудрые премудрых
Навеки осудят!

Когда б учились вы, как надо,
И мудрость бы была своя.
А то залезть на небо рады:

«И мы — не мы, и я — не я,
И все-то видел, все-то знаю,
И нет ни ада, и ни рая,
И бога нет, есть только я.
Да куцый немец с постной рожей,
И больше никого...»—«Добро же!
А кто ж ты сам?»
«Пускай немец
Скажет; мы не знаем».
Так-то учитесь вы, в чуждых
Странах разъезжая!
Немец скажет: «Вы монголы!»
«Монголы — монголы!»
Золотого Гаммурапа
Внуки, только голы!
Немец скажет: «Вы славяне!»
«Славяне? Какие?»
Славных прадедов великих
Потомки дрянные!
Изучаете Коллара
Изо всей-то силы,
И Шафарика, и Ганку
И в славянофилы
Так и претесь. Все языки
Славян изучили,
О своем же, о природном,
Языке забыли.
Будет время — и свой вспомним,
Коль немец укажет
Да историю сначала
Нашу нам расскажет.
Тут-то мы распетушимся!..
И распетушились
По немецкому указу:
Так заговорили,

Что не понял даже немец,
Учитель великий,
Где уж тут понять народу!
А шуму, а крику!
«И гармония и сила,
Музыка — и полно.
А история! Поэма
Народности вольной!
Что там Рим? Какие Бруты?
Жалкое явленье...
Те Коклесы, Бруты — мусор
С нашими в сравненье!
У нас воля вырастала,
Днепром умывалась,
Под голову горы стлала,
Степью укрывалась!»
Кровью она умывалась,
Спать ложилась, плача,
На обкраденные трупы,
На тела казачьи!
Еще раз пересмотрите,
Прочитайте снова
Книгу славы. Да читайте
От слова до слова;
Все проверьте: и все титлы,
И все запятые,
И тогда себя спросите:
Кто же мы такие?
Чьи мы дети? Кем? За что мы
Закованы в путы?..
И увидите, какая
Цена вашим Брутам.
Рабы, холопы, грязь Москвы,
Варшавский мусор ваши паны,—
И гетманы и атаманы!

Так чем вы чванитеся, вы!
Сыны сердешной Украины!
Что ловко ходите в ярме,
Ловчее, чем отцы ходили?!
Не чваньтесь: с вас дерут ремень,
Ну, а из них и жир топили.
Иль гордитесь, что казаки
Веру защитили?
Что в Синопе, в Трапезунде
Галушки варили?
Правда, вам лишь не досталось
Ни капли, ни крошки,
А на Сечи мудрый немец
Вырастил картошку
И вам продает. Берите,
Ешьте на здоровье,
Прославляйте Запорожье!
А чьей жаркой кровью
Та земля была полита,
Что картошку родит, –
Все равно вам, лишь бы овощь
Росла в огороде!
А хва́литесь, что когда-то
Польшу повалили!
Правда ваша: пала Польша
И вас раздавила!

Так вот как кровь пришлось отцам
Лить за Москву и за Варшаву
И дать в наследство сыновьям
И цепи, и былую славу!

Доборолась Украина...
И за что страдает...
Хуже ляха свои дети.

Ее распинают.
Вместо пива праведную
Кровь из ребер точат;
Просветить хотят сыночки
У матери очи
Современными огнями.
Чтобы шла за веком,
Шла за немцами слепая
Бедная калека.
Что ж, ведите, указуйте
Путь! А мать родная
Пусть прозреет, сыновей тех
Новых узнавая.
Указуйте! И не бойтесь —
Наградит вас честно
За науку мать родная:
Слепота исчезнет
В глазах ваших ненасытных;
Увидите славу,
Вжи́ве славу ваших дедов
И отцов лукавых.
Так не лгите ж сами себе!
Учитесь, читайте — —
И чужому научайтесь,
И свое познайте,
Кто про мать свою забудет,
Того бог карает,
Того собственные дети
В хату не пускают,
И чужие прогоняют.
Не найдется злому
На всей земле бесконечной
Ни ласки, ни дома.
Тяжело мне, только вспомню
Печальные были

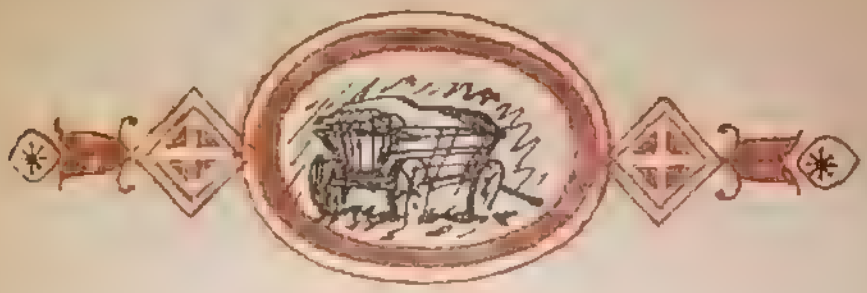
Дедов наших. Что мне сделать,
Чтоб о них забыл я?
Я бы отдал за забвенье
Жизни половину.
Такова-то наша слава,
Слава Украины.
И вы также прочитайте,
Чтоб неспящим снились
Все неправды, чтоб могилы-
Курганы раскрылись
Перед вашими глазами,
Чтоб вы расспросили
Мучеников: где, какого
И за что убили?
Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные,—
Мать пусть ваша улыбнется
За века впервые!
Всех детей своих обнимет
Твердыми руками
И деточек поцелует
Вольными устами,
И забудется позора
Давняя година,
Оживет иная слава,
Слава Украины,
И свет ясный невечерний
Тихо засияет...
Обнимитесь, братья мои,
Прошу, умоляю!

14 декабря 1845
Вьюница

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, похороните
На Украйне милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу,
Чтоб лежать мне на кургане,
Над рекой могучей,
Чтобы слышать, как бушует
Старый Днепр под кручей.
И когда с полей Украйны
Кровь врагов постылых
Понесет он... вот тогда я
Встану из могилы —
Подымусь я и достигну
Божьего порога,
Помолюся... А покуда
Я не знаю бога.
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым, тихим словом.

25 декабря 1845
в Переяславе



ВЕДЬМА

Поэма

Молюсь и снова уповаю,
И снова слезы проливаю,
И думу тайную свою
Безмолвным стенам отдаю.
Отзовитесь мне, немые,
Заплачьте со мною
Над неправдою людскою,
Над невзгодой злою.
Отзовитесь! А за вами,
Может, отзовется
Жизнь несчастная, глухая
И нам усмехнется.
И с несчастьем примирится
И с людьми, и скажет
Нам спасибо, и с молитвой
Спать спокойно ляжет.
И примиренному приснится
Людская мирная любовь
И доброта. И, встав с денницей,
Веселый, он забудет вновь
Свои несчастья. И в неволе
Узнает рай, узнает волю
И всетворящую любовь.

В канун осеннего Николы,
Ободраны, едва не голы,

Цыгане из Бендер толпой
Шли по степи в тиши ночной
И, вольные, конечно, пели.
Все шли, все шли и захотели
Передохнуть. Разбив шатры,
Раздули жаркие костры
И у огня на отдых сели,—
Кто с шашлыком, а кто и так...
Зато он — вольный, как казак
Былой. Поют они, гуторят,
Вдруг слышат: из степи им вторит
Какой-то хриплый голосок —
Похоже, пьяной молодицы:

«Ой ты, ночка, ночка,
Спят и мать и дочка,
Девушке приснилось:
Мать ее взбесилась,
А свекор женился,
Отец утопился...
И... гу...»

Цыгане слушают, смеются:
«Откуда люди там возьмутся?..
В степи поют?.. Из-за Днестра?
Иль нам приснилось у костра?»
Кричат, вскочили. И несмело
То существо, что песню пело,
К ним приближалось... Грусть и страх!
Под рваной свиткою дрожала
Та женщина. А на руках
И на ногах повыступала
От стужи кровь — и засыхала.
Коса, в репьях и колтуне,
О свитку билась на спине.

Бедняга подошла и села
К огню и молча руки грела
Над жарким пламенем. «Ну, так!
Женился, стало быть, бедняк»,—
Так про себя она шептала
И странно, дико усмехалась...
Нет, то не призрак у костра,
То мать моя или сестра —
Та ведьма, если вы не знали!

Цыгане

Откуда же ты, молодица?

Ведьма

Кто, я?

(Поет.)

«Как была я молодичка,
Целовали меня в личко,
А как старой стала бабой,
Целовать сама я рада».

Цыган

Певица, нечего сказать!
Себе такую бы достать,
Водить с медведем...

Ведьма

Напеваю,
Когда сижу, когда гуляю...
Все напеваю, напеваю,
Уж разучилась говорить,
А раньше ловко я болтала...

Цыган

Где ж ты была, что заплутала?

Ведьма

Кто, я?.. Иль ты?..
(Шепчет.)
Тсс... не шуми!
Глянь, глянь, — со мною пан лежит.
Огонь погас, луна восходит,
В оврате ходит вурдалак...
(Усмехнувшись.)
На свадьбе я пила, гуляла.
Себя не слишком соблюдала
Невеста. Ироды-паны
Творят с дивчатами такое...
Теперь пойду других женить,
Там без меня, я беспокоюсь,
И в гроб не смогут положить...

Цыган

Постой, побудь, бедняга, с нами!
У нас, ей-богу, славно жить.

Ведьма

А дети есть у вас?

Цыган

Нет, нету.

Ведьма

Кого же вам поить-кормить?
Кого спать на ночь уложить?
Кого баюкать и беречь?
Кому помочь и встать и лечь?
Молиться за кого? Ох, дети!
И всё дети, и всё дети!
Куда бежать, куда мне деть их,
Куда ни глянь — они со мною,
Съедят еще, того гляди...

Цыгане

Не плачь, старуха, погоди:
У нас детей нет и в заводе.

Ведьма

Хоть с горы да в воду!..

И ведьма глухо зарыдала.
Цыгане слушали устало,
Потом уснули, где кто мог.
Она же не спала, сидела,
Не плакала и ноги грела
В горячем пепле. И стерег
Щербатый серп, встав над курганом,
Шатры окрай ночных дорог,
Пока не скрылся за туманом.
Что не спится богатею,
Сытому, седому?
Что же старому не спится —
Сироте худому?
Тот гадает, как бы это
Достроить палаты,
Этот — как собрать бы денег
На гроб небогатый.
Один старый в пышном склепе
Отмолен собором,
Другой старый, как пришлося,
Заснул под забором.
Ничего уж не желают
Оба, отдыхают.
Бедняка все позабыли,
Богача ругают.

А старик цыган о смерти
И не вспоминает,

Дремлет с трубкой да на гостью
Сонный взгляд бросает.

Цыган

Легла бы лучше, отдохнула.
Денница всходит, погляди.

Ведьма

Я-то видала, сам гляди.

Цыган

Уйдем мы рано, не проспишься, —
Тебя оставим.

Ведьма

Не просплюсь,
Я никогда уж не просплюсь,
В бурьяне и умру, напившись,
Вот этак...
(Тихо поет.)
«Ой, дуброва ты родная!
Берега Дуная,
Я в дуброве погуляю,
В реке искупаюсь
Да в густой зеленой тине
Отдохну в сторонке...
Еще, может, хоть калеку, —
А рожу ребенка...»

Да нет, куда! Когда бы жил он,
Взял бы да проклял мать свою.
Вон, за курганом, за могилой,
Смотри, глаза таращит кот.
Кись-кись! А он, видать, боится:
Молчит, бесенок, не идет!

А то б дала тебе напиться
Я свежей колючевой водицы.

(Поет.)

«Вон кутья под образами, —
А за печкой дети,
Наплодила, народила,
Да некуда деть их:
Утопить их, что ли?
Задушить их? То ли
Деток шинкарю продать
Да напиться вволю?»

Что, наши хорошо поют?
Присядь-ка ближе, друг, вот тут.
Вот так-то! Видно, ты не знаешь,
Что я в Валахии была?
Все расскажу тебе, что вспомню.
Детей в Бендерах родила,
Да в белых Яссах их качала,
В Дунае синем искупала,
В Туретчине повила.
И домой их принесла
В город Киев. Там уж, дома,
Без кадила, без кропила
За три гроша окрестила,
А три гроша пропила,
Упилась, упилась!
Пьяна и ныне!..
И никогда уж не просплюся,
Я бога больше не боюся
И больше не стыжусь людей.
Ох, если бы моих детей
Найти когда-нибудь! Не знаешь,
Идет в Туретчине война?

Цыган

Была недавно, да прошла.
Старейший умер старшина.

Ведьма

А я думала, воюют,
Ан войны и нету.
Слушай дальше! Расскажу я,
Как ищу по свету
Наталочку, свою дочку,
Да сына Ивана.
Всё Наталоньки не встречу
Да не встречу пана,
Того Ирода, что, знаешь?..
Помню, не забыла,
Как была я молодою,
Думой не томилась,
Я в саду плела веночек,
Красотой гордилась.
Тут меня он и увидел.
Мне ведь и не снилось,
Что была я крепостною;
А то б утопилась, —
Легче было б. Присмотрелся,
Да и взял в покои,
И остриг меня, как хлопца,
И в поход с собою
Захватил. Пришли в Бендеры,
И там мы стояли
С солдатами на квартирах, —
А солдаты за Дунаем
Турка воевали.
Близнецов господь тогда-то
Подарил мне к Спасу.
Барин тут меня и бросил,

Не зашел и в хату,
На детей своих не глянул,
Сатана проклятый!
И увел солдат. Одна я,
С детками плутая,
Возвращалась на Украйну,
Дороги не зная.
Стриженая, — что поделать! —
Спрашивала в селах
Путь на Киев. От насмешек
От людских веселых
Чуть было не утопилась,
Да жаль было кинуть
Бедных деток. Так да этак
Шла на Украину.
И пришла. Вздохнула легче.
Вечера дождалась,
Чтобы люди не видали,
Во тьме пробиралась.
Вот крадусь за тыном к хате,
Мимо темных окон,
Видно, отца нету дома
Либо спать уж лег он,
Мой батюшка одинокий.
И сама не знаю,
Как вошла я в хату. Стонет
Кто-то, помирает, —
Это мой отец родимый!
И никто на свете
Не помолится над бедным.
Лукавые дети!
Вы, проклятые, в ответе.
Я перепугалась,
Хата пахла запустеньем.
Тут я прятать стала

Деток в клети, возвратилась:
Отец еле дышит.
Я скорей к нему: «Родимый!
Родименький, слышишь,
Это я к тебе вернулась!»
За руки хватаю.
И тогда мне слабый голос
Прошептал: «Прощаю.
Все прощаю!» И как будто
Тут же я упала
И заснула. Если б можно,
Век бы свой проспала!
Но к полуночи очнулась.
В хате как в могиле.
Мне отец сжимает руку.
«Что ты, что ты, милый?»
А уж он как лед холодный.
Я насилу руку
Вырвала. Цыган, подумай,
Ты такую суку
Взял бы в дочери? Что скажешь?

Цыган

Ей-богу, не знаю.

Ведьма

Так молчи, не то забуду,
Что сказать желаю.
Накормила я ребяток,
В сусек уложила.
Уже утром под очипок
Пакли я набила,
Чтоб не видно было стрижки,
Прибрала по дому.
А под окнами тесали

Гроб отцу седому.
Дотесали, положили,
Взяли, закопали...
И, как на поле былинка,
Я одна осталась
На всем свете... Были дети —
И тех не осталось.
«Через яр ходила
Да воду носила,
Каравай месила,
Дочку отдавала,
Сына оженила
И... ту ...»

Цыган

Да не скули, ты всех разбудишь.

Ведьма

Разве скулю я, что с тобой?

Цыган

Ну, ладно. Что же дальше будет?
Рассказывай.

Ведьма

А за рассказ
Мне сваришь завтра мамалыги?
Я кукурузы принесу.

Все припомнила! Все помню!
С дочкой спал, проклятый...
Сына отдал он в лакеи,
А меня из хаты
Выгнала мирская сходка,
Я собак дразнила,
Пела с нищими у окон,

А ребят носила
За спиной. Чтоб приучались.
Пан приехал вскоре,
С лаской кинулась к нему я,
Не судя за горе.
Сатана меня не выгнал,
И сына и дочку
Приласкал и взял в хоромы...
Там мои цветочки
И росли. Сынка Ивана
Он какой-то пани
Продал. Ну а дочь Наталью...
Что, твои цыгане
Все уснули?

Цыган

Все уснули.

Ведьма

Только б не слыхали
Слова страшного про дочку;
Да и ты от слова
Вздрогнешь, может, как услышишь...
Сколько было злого.
Наталоньку! Дитя свое!
Ирод нечестивый!..
Взял, погубил... А перед тем
Посылает в Киев
Меня, видишь, помолиться.
Сдуру я ходила.
И молилась... Только бога,
Знать, не умолила.
Есть ли бог у вас, цыгане?
У нас его нету...
Господа его в шкатулку

Спрятали от света.
Как из Киева вернулась, —
Заперты покои.
Пан с Наталочкой уехал,
Взял ее с собою, —
Дочку взял... Ты слышишь, старый?
Он остриг девчонку,
Как меня. И полетела
Я за ним вдогонку.
До Валахии добралась
И совой летаю
Над леском, над бугораком,
Деточек скликаю.
Где Наталонька?.. Не слышит!
Отыщу я пана —
Разорву его!.. Примите
В табор свой, цыгане,
Я водить медведя стану,
А как встречу ката,
На него спущу медведя —
Вот тогда, проклятый!..
Не медведя. Сама брошусь,
Загрызу!.. Иль знаешь?
Поженимся, мое сердце,
Чем не хороша я?
Ну, а сына я женила,
Дочка — так и будет.
Ползать стану я под тыном,
Найдут меня люди —
Только мертвой. Посмотри-ка,
Там такой хороший
Мой сын Иван... Ух, холодно!
Одолжи мне грошик.
Монисто славное куплю,
Сдавлю тебе им шею.

Ну, а сама пойду домой.
Смотри-ка скорее —
Вон в Киев мышь несет мышат.
Не донесешь, утопишь их,
Или пан отнимет.
Найду ли я моих деток,
Иль без них погибну?

И замолкла, как уснула.
Поднялись цыгане,
Сняв шатры, пошли в дорогу
На заре на ранней.
Сразу двинулись. Шли степью.
А ведьма, убога,
Бесталанна, встала молча
И как будто богу
Тихонечко помолилась,
И заковыляла
Вместе с табором, и тихо,
Тихо напевала:

«Говорят, что суд мне будет,
А суда не будет,
Без суда уж осудили
Меня злые люди».

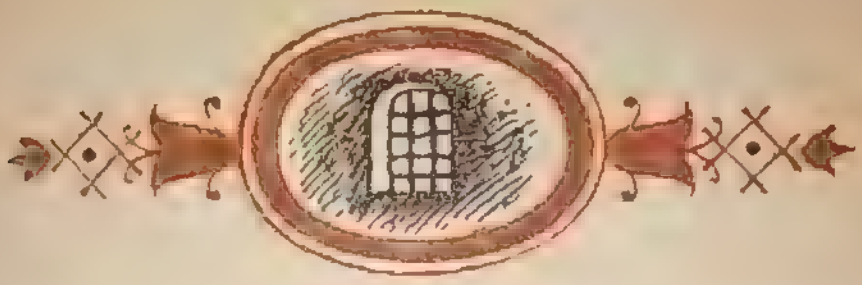
Из-за Днестра пошли цыгане,
И на Волынь, и на Украйну.

Шли, селенья проходили,
В города входили
И приблудную повсюду
За собой водили.
Она пела, танцевала,
Не пила, не ела...
Шла, словно смерть, с цыганами,

Отстать не хотела.
Жить потом как будто сразу
Стала по-другому,
Стала пить и есть, молиться
Господу святому.
Помогла ей, видно, чем-то
Бабка Мариула.
Может, зельем напоила
И к жизни вернула.
После врачевать недуги
Ее обучала;
Где искать какие травы —
Все ей рассказала.
Как сушить их, как варить их...
Всему научила,
А бедняга та слушала
И богу молилась.
И прошло уже два лета,
И третье настало;
Как пришли на Украину,
Вновь затосковала,
Поклонилась Мариуле
За науку в ноги,
Стала с табором прощаться,
Помолилась богу
И пошла путем знакомым
В сторону родную.
Говорит: «Взглянуть на деток —
Одного хочу я».
Да не вышло. Пан вернулся,
Оставил Наталью
В Московщине. А ты ее
За Днестром искала.
А Ивана молодого
В солдаты забрили:

Уважать господ, как видно,
Ты не научила.
Где приют себе отыщешь?
Ни души на свете!..
Поклонись хоть добрым людям,
Может, лаской встретят.
Пан, вернувшись, занедужил,
Умирает, бредит.
А она набрала зелья
И пошла в усадьбу.
Не проклясть его хотела,
Только помощь дать бы.
Не помогла недужному —
К нему не пустили.
Умер пан. Она за пана
Богу помолилась,
А потом дивчат учила:
Не любить, не знаться
Ни с какими господами,
Людей не чураться.
«Бог за это покарает,
Еще горше — люди;
Люди злы, несправедливы,
Своим судом судят».
Так она их поучала,
Недужных лечила
И с убогим последнею
Коркою делилась.
Люди умные, незлые
Ее уважали,
А все-таки покрыткою
И Ведьмою звали.

[Седнев, 7 марта 1847]
[Нижний Новгород]
1858 марта 6



В КАЗЕМАТЕ

Моим соузникам посвящаю

* * *

Припомним, братия моя...
Чтоб той беде не возвратиться!
Как потихоньку вы и я
Глядели из окна темницы
И, верно, думали: «Когда
Сойдемся для беседы снова,
В какие на земле суровой
Мы снова встретимся года?»
Нет, братья, ни в какие годы
Не встанем вместе над Днепром!
А разойдемся, разнесем
Степям, лесам свои невзгоды,
Еще недолгий срок в свободу
Поверуем — и жить начнем
Среди людей, как люди...
А пока то будет,
Друг друга вы, друзья мои,
Украйну любите,
И за нее, несчастную,
Господа молите!
А его забудьте, други,
И не проклинайте;
И меня в неволе лютой
Порой вспоминайте.

[*Орская крепость, 1847*]

I

Ой, одна я, одна,
Как былиночка в поле,
Позабыл меня бог,
Не дал счастья и доли.
Только дал мне красу,
Дал мне карие очи,
Но их слезы сожгли
В одинокие ночи.
Я не знала родных,
Я не знала участья,
Я росла средь чужих
И не ведала счастья!
Где же он, где дружок,
К чьей груди мне прижаться?
Никого... Я одна,
А дружка — не дождаться!

[*В каземате, 1847*]

II

За оврагом овраг,
А там степь да могила.
И выходит казак
Из могилы унылый.
Он выходит в ночи,
В степь идет, идучи
Песню грустную тянет:
«Наносили земли
Да по хатам пошли, —
Нас никто не помянет;
Нас тут триста пришло,
В поле чистом легло!
Ни один и не встанет.

Гетман, славный наш пан,
В рабство сдал христиан.
Мы их гнали, как стадо.
Кровь в родимом краю
Мы разлили свою
И зарезали брата.
Пили кровь твою, брат,
И легли все подряд
Здесь в могиле проклятой».
Замолчал, унялся,
На копье оперся,
На кургане-могиле
Стал и Днепр озирал.
Тяжко плакал, рыдал,
Волны выли, голосили.
Через Днепр из села
Эхо ночь донесла,
Петухи закричали,
Провалился казак,
Задрожал весь овраг,
А могила застонала.
[*В каземате, 1847*]

III

Мне, право, все равно, я буду
На Украине жить иль нет.
Забудут или не забудут
Меня в далекой стороне —
До этого нет дела мне.
В неволе вырос, меж чужими,
И, не оплаканный своими,
В неволе, плача, я умру
И все в могилу заберу.
Не вспомнят обо мне в кручине

На нашей славной Украине,
На нашей — не своей земле.
Родной отец не скажет сыну
О том, как я в неволе жил:
«Молися, сын, за Украину,
Когда-то он замучен был».
Мне все равно, молиться будет
Тот сын иль нет... и лишь одно
Мне было бы не все равно:
Коль Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят,
Ох, это мне не все равно!

[*В каземате, 1847*]

IV

«Мать не бросай!» — тебе сказали —
Ты бросила ее, ушла;
А мать искала — не нашла,
Искать с годами перестала
И, плача, умерла. Давно
Все стихло там, где ты играла;
Собака со двора пропала,
И в хате выбито окно;
В заросшем садике ягнята
Весь день пасутся, а в ночи
Колдуют совы и сычи,
Соседские тревожа хаты.
И твой барвиночек крещатый
Зарос крапивою, в тиши
Тебя напрасно поджидает,
И пруд прозрачный высыхает,
Где маленькой купалась ты;

А рощи грустные пусты,
И пташка там не распевает —
Ее с собой ты унесла.
В яру криница завалилась,
Засохла верба, наклонилась,
Тропа, которой ты ходила,
Колючим терном поросла.
Куда направилась, где скрылась?
На что ты дом родной сменила?
В чужой семье, в чужом краю
Кого ты радуешь? Кому же,
Кому вручила жизнь свою?
И чует сердце, что в палатах
Роскошествуешь, и не жаль
Тебе твоей родимой хаты...
Молю я бога, чтоб печаль
Тебя вовек не разбудила,
Чтобы в палатах не нашла,
Чтоб бога ты не осудила
И матери не прокляла.
[*В каземате, 1847*]

V

«Зачем ты ходишь на могилу? —
В тревоге мать ей говорила. —
Зачем напрасно горевать?
Зачем тебе ночей не спать,
Моей голубке сизокрылой?»
«Так, мама, так!» И вновь ходила,
А мать в слезах ждала опять.

Не-сон-трава на могиле
В ночи расцветает —
То дивчина, то невеста

Калину сажает,
И слезами поливает,
И господа просит,
Чтоб послал дожди ночами
И густые росы,
Чтоб калина принялася,
Распустила ветви.
«Может, пташкою вернется
Милый с того света.
Совью ему я гнездышко,
Прилечу и сяду
Вместе с милым на калине,
Защебечем рядом.
Будет плакать, изнывая,
Тихо напевая,
Вместе утром раным-рано
На тот свет летая».

И калина принялася,
Ветки распустила,
И три года на могилу
Дивчина ходила.
На четвертый... Не сон-трава
В ночи расцветает —
То невеста с калиною
Говорит-рыдает:
«Широкая, высокая,
Калина моя,
Не водою до рассвета
Поливанная!
Широкие реки-слезы
Тебя полили, —
Их славою лукавою
Люди доняли.
Обижают подруженьки

Подругу свою,
Обижают высокую
Калину мою.
Обвей мою головушку,
Росою умой
И ветками широкими
От солнца укрой!
Утром найдут меня люди,
Меня осмеют;
Широкие твои ветви
Дети оборвут».
Раным-рано при долине
Пташка щебетала,
Под калиною дивчина
Спала, не вставала;
Утомилась молодая,
Навек опочила...
Вставало солнце над могилой,
Все принимались за дела,
А мать уснуть и не пыталась,
Домой все дочку дожидалась
И слезы тяжкие лила.

[*В каземате, 1847*]

VI

Ой, как вместе три широких
Дороги сошлися...
С Украины на чужбину
Братья разошлися.
Мать покинули родную;
Тот жену покинул,
Тот — сестру, а самый младший —
Милую дивчину.
Посадила мать-старуха

Три ясеня в поле,
А невестка — стройный тополь
На степном раздолье.
Три явора посадила
Сестра при долине...
А дивчина молодая —
Красную калину.
Ой, засохла та калина,
Яворы пропали.
Не поднялся стройный тополь,
Ясени завяли.
Не идут назад три брата, —
Плачет мать родная,
Жена плачет, плачут дети,
Долю проклиная.
А сестра искать уходит
Братьев на чужбину...
А дивчину молодую
Кладут в домовину.
Не идут назад три брата,
По свету блуждают.
Три широкие дороги
Терном зарастают.

[*В каземате, 1847*]

VII

Н. КОСТОМАРОВУ

Играя, солнышко скрывалось
В весенних тучках золотых.
Гостей закованных своих
Тюремным чаем угощали
Да часовых в тюрьме сменяли,
Синемундирных часовых.
И с дверью запертой, с проклятой

Решеткой на моем окне
Немного свыкся я... И мне
Не вспоминались ни утраты,
Ни горечь пролитых когда-то
Моих кровавых, тяжких слез,
А их немало пролилось
На поле сирое. Ни мяты,
Ни чахлой травки не взошло.
И вспомнил я свое село...
Кого со мною разлучили?
Отец и мать мои в могиле...
И грустью сердце запеклось:
Никто меня не вспоминает.
Вдруг вижу, брат: твоя родная
Старуха мать, черней земли,
Как снятая с креста, шагает...
И стал я господа хвалить.
Хвалить его я буду снова
За то, что не с кем мне делить
Мою тюрьму, мои оковы!..

[*В каземате, 1847*]

VIII

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют дивчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то:
Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребяток маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни дивчата
Да соловейко не затих.

[*В каземате, 1847*]

IX

Рано встали, выступали
Новобранцы из села,
Вместе с ними — молодыми —
Девушка одна ушла.
Измаялась мать седая,
Дочку в поле догоняя...
Догнала и привела,
Упрекала, говорила
И свела ее в могилу,
А сама с сумой пошла.

И годы протекли, село
Не переменилось.
Только крайняя пустая
Хата покосилась;
Лишь солдат на деревяшке
Одиноко бродит,
Он на край села приходит,
С хаты глаз не сводит...
Брат, напрасно! Не выглянет
Дочка молодая,
Не покличет мать седая,
Ужин собирая!
А уже для них в деревне
Полотенца ткались
И узорами, шелками
Платки вышивались.

Думал — будут жить в согласье
Да господа славить,
А пришлось ему навеки
Надежды оставить.
И сидит он возле хаты,
Пусто в хате, глухо.
Сумерки. Глядит в окошко
Сова, как старуха.

[*В каземате, 1847*]

X

В неволе тяжко — хоть и воли
Изведать тоже не пришлось.
Но все же кое-как жилось,
Хоть на чужом, а все ж на по́ле.
Теперь и этой — жалкой — доли,
Как бога, ждать мне довелось.
И жду ее, и к ней взываю,
Свой глупый разум проклинаю,
Что нас позволил с толку сбить,
Свободу в луже утопить.
Подумаю — и сердце стонет,
А вдруг не дома похоронят,
Не на Украйне буду жить,
Людей и господа любить.

[*В каземате, 1847*]

XI

КОСАРЬ

Он полями идет,
Не покосы кладет,
Не покосы кладет — горы.
Стонет суша, стонет море,
Стонет и ревет.

Косаря средь ночи
Повстречали сычи.
А косарь не отдыхает;
Никого не замечает —
Проси, не проси.

Не моли, не проси;
Он не точит косы —
То ли пригород, то ль город, —
Бреет он без разговора
Все, что на пути:

Мужика, шинкаря,
Сироту-кобзаря;
Подпевая, старый косит,
Горáми кладет покосы,
Найдет и царя.

И меня в мой черед
На чужбине найдет,
За решеткою задавит,
Креста никто не поставит —
И память пройдет.

[*В каземате, 1847*]

XII

Сойдемся ли мы с вами снова?
Или навеки разошлись?
И по степям и дебрям слово
Любви и правды разнесли.
Пускай и так!.. Мать не родную,
Пришлось нам уважать — чужую!
То — воля божья! Нужно ждать!
Смиряться, и молиться богу,
И, отправляясь в путь-дорогу,

Друг другу обещанье дать
Любить свою Украйну... В годы
И тяжкие часы невзгоды
Ее в молитвах поминать!

[*В каземате, 30 мая 1847*]
Москва, 1858, марта 18

* * *

Думы мои, думы мои,
Самые родные!
Хоть вы меня не
В эти годы
Прилетайте си
Стаей голубиной
Из-за Днепра,
Погулять в пустыне
С киргизами убогими
Хоть они убоги,
Хоть и голы... Но на воле
Они молят бога.
Прилетайте ж, мои думы!
Тихими речами
Приголублю вас, как деток,
И заплачу с вами.

[*Орская крепость, 1847*]

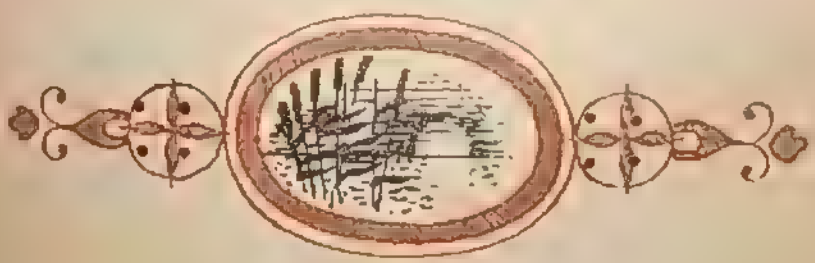
N. N.

Тогда мне лет тринадцать было,
За выгоном я пас ягнят.
И то ли солнце так светило,
А может, просто был я рад
Невесть чему. Все походило
На рай небесный...
Уже давно на полдник звали,
А я в бурьяне, в тишине,
Молился богу, и едва ли
Хоть раз еще на свете мне
Так сладко, радостно молилось,
Так сердце весело цвело,
Казалось, небо, и село,
И даже стадо веселилось,
И солнце грело — не пекло!
Да не долго солнце в небе
Ласковое было:
Поднялось, побагровело,
Рай мой опалило.
Осмотрелся, как спросонок:
Село почернело,
Божье небо голубое
И то потемнело.
На ягнят я оглянулся —
Не мои ягнята!
Оглянулся я на хату —
Нет у меня хаты!
Ничего господь мне не дал!..
Горький и убогий,
Я заплакал!.. А девушка
Рядом у дороги
Посконь дергала, родная.
Она услыхала,

Увидала, что я плачу,
Пришла, приласкала,
Слезы вытерла ребенку
И поцеловала.
И снова солнце засияло,
И словно все на свете стало
Моим... дуброва, поле, сад!..
И мы шутя, смеясь погнали
На водопой чужих ягнят.

Пустяк! А вспомню, и сегодня
Тоска наполнит грудь мою, —
Ведь не пришлось в таком раю
Мне жить по милости господней.
Пахал бы я родное поле,
Не слыл юродивым, своей
Не знал бы горемычной доли,
Не проклял бога и людей!..

[*Орская крепость, 1847*]



СОН

Горы мои высокие!
Вы не так высоки,
Как прекрасны, голубые
В дымке, издалека —
С переяславских просторов,
С Выблого кургана,
Вы виднеетесь, как тучи,
За Днепром туманным.

Иду я тихо над рекою,
Любуюсь — вот передо мною,
Как будто призраки всплывают,
Из тучи тихо выступают
Обрыв высокий, лес, овраг;
И хатки белые мелькают,
Как дети в жмурки на лугах
В рубашках беленьких играют;
А понизу седой казак,
Наш Днепр, среди лугов сверкает.
А дальше, дальше за Днепром,
Часовней малою маяча,
На горке церковка казачья
Стоит с покривленным крестом.
Все стоит и ожидает
Запорожца с Луга...
Днепр широкий окликает,
Жалуется другу.
И тускнеют окна храма,
Как мертвец упрямо
Даль степную озирает
Из могильной ямы.
Обновленья ждешь в печали?
Не дождешься славы!
Твои люди ограблены,
А панам лукавым
Нету дела до великой
До казацкой славы!..

И Трахтемиров под горою
Свои хатенки вдоль реки
Раскинул горестной рукою,
Как нищий пьяненький куски.
Монастырище — вон, когда-то
Казачье старое село.

А так ли было, так ли шло?..
Все отдано царям проклятым:
И Запорожье, и село,
И монастырь, и все богатства:
Все осквернили, разнесли!..
А вы, вы, горы, не спасли!!
Дай бог вовек не любоваться
На вас, проклятые!.. Нет, нет...
Не вам проклятье!.. Окаянным
Магнатам, гетманам поганым!..
Простите же, простите мне,
Высокие и голубые,
На свете самые святые!
Простите! Богу помолюсь...
Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что прокляну святого бога
И душу за нее сгублю!

Над Трахтемировом, высоко,
На круче, будто сирота,
Что ищет гибели в глубоком
Днепровском омуте, вот так
Белеет хата из-за тына...
Видна из хаты Украина
И гетманщина вся кругом,
Старик столетний возле хаты
Сидит, а солнышко к закату
Уже склонилось над Днепром.
Сидит старик, и зреют думы,
И слезы капают. «Ай-ай! —
Промолвил старый. — Недоумы!
Испакостили божий рай!..
Гетманщина!!» И старое
Сердце загрустило...

Может, чем-то тяжким-тяжким
Вылиться просилось?
И не вылилось...

. . . . . .

«Блуждал я по свету немало,
Носил и свитку и жупан.
На что уж худо за Уралом
Киргизам бедным, но и там,
Ей-же-богу, жить привольней,
Чем нам на Украйне.
Может, потому — киргизы
Всё не христиане?..
Зла принес Христос немало,
А переиначил
Людей божьих? Ведь катились
Глупые казачьи
Наши головы за правду,
За веру Христову,
Упивались и своею
И чужою кровью!..
Разве лучше стали? Где там!
Куда хуже стали.
Без ножа и аутодафе
Людей заковали
И терзают... Ой, ой, паны,
Паны христиане!..»
Затих мой старый, убит тоскою,
Поник седою буй-головою.
Под вечер солнце лес золотило
И Днепр и степи золотом крыло;
Собор Мазепы в лучах сияет,
Курган Богданов вдали мерцает;
Где путь на Киев, там сиротливо
К холмам Трех Братьев склонились ивы,
Трубайло с Альтой между речною

Слились осокой, как брат с сестрою,
И все-то, все-то радует очи,
А сердце плачет, взглянуть не хочет!

Солнце светлое простилось
С черною землею;
Выступает ясный месяц
С сестрою-звездою;
Веселея и яснея,
Тучи расступились.
А старик на небо глянул,
Слезы покатились...
«Я хвалю тебя, мой боже,
Господи великий!
Что не дал ты мне погибнуть,
Небесный владыко!
Что вложил ты в сердце силу
Пересилить горе
И привел меня, седого,
На святые горы —
Одиноко поселиться
И тебе молиться,
И твоею красотою
Тихо насладиться...
И, прибитое грехами
Тяжкими, людскими,
Схоронить на кручах сердце
И витать над ними...»
Вытер слезы огневые,
Хоть не молодые,
И припомнил, старый, годы
Давние, благие...
Где, как, зачем и что творилось?
Что было въявь, а что приснилось?
Моря какие повидал?

Он вспомнил темную дуброву
И очи юной, чернобровой,
И месяц между звезд сиял,
И соловейко на калине
То затихал, то распевал,
Святого бога восхвалял;
И это все на Украине!..
И усмехнулся старый дед...
Знать, некуда ту правду деть,
Что справить свадьбу собирались,
Да разошлись, не повенчались...
Ушла, и он на склоне лет
Один и помнит все утраты.
Старик мой снова загрустил;
Ходил в раздумье до заката,
Потом молитву сотворил
И тихо спать поплелся в хату,
А полог туч луну прикрыл.

—

Вот такой мне на чужбине
Нынче сон приснился.
Будто снова я на волю,
На свет народился.
Дай мне, боже, приютиться
В старости глубокой
На тех кручах ограбленных
В хате одинокой,
Чтоб замученное сердце,
Выжженное горем,
Принести перед кончиной
На Днепровы горы.

[Орская крепость, 1847]

ЧЕРНЕЦ

На киевском на Подоле
Так бывало... и уж боле
Этого не будет. Было,
Было это все, да сплыло,
Позабылось... А я, братцы,
Буду все-таки стараться
С тем, что было, повидаться,
Буду грусти предаваться.

На киевском на Подоле
Казацкая наша воля,
Без холопа и без пана
Ни пред кем не клонит стана.
Стелет бархатом дороги,
Вытирает шелком ноги,
Сама собой управляет
И пути не уступает.

На киевском на Подоле
Казаки гуляют,
Словно воду, ушатами
Вино разливают.
Погреба с вином, с медами
Откупили всюду
И устроили гулянье
Киевскому люду.

А музыка гремит, стонет,
Даже мертвых тронет.
Из окошек на веселье
Бурса чубы клонит.

Нету голой школе воли,
А то б удружила...
Кого же это с музыкою
Толпа окружила?

В штанах атласных ярко-красных,
Мотню по пыли волоча,
Идет казак. Как вы ужасны,
Ох, годы! годы! Сгоряча
Старик ударил каблуками,
Да так, что пыль взвилась! Вот так!
Еще и подпевал казак:

«По дороге рак, рак,
Пускай будет так, так,
Если б нашим молодицам
Сеять один мак, мак!
Бей землю каблуками,
Дай ходу каблукам,
Достанется и носкам.
Чтоб за теми каблуками
Пыль ходила облаками,
Бей землю каблуками!
Дай ходу каблукам.
Достанется и носкам!»

Так до Межигорского Спаса
Шел вприсядку сивый,
А за ним и казачество,
И весь святой Киев.
До ворот дошел, танцуя,
Крикнул: «Пугу! Пугу!
Принимайте, черноризцы,
Товарища с Луга!»
Монастырские ворота

Перед ним открылись,
Потом снова затворились,
Навек затворились.
Кто же этот поседелый
В битвах да в несчастьях?
Семен Палий, казак, вздумал
С волей попрощаться.

Ой, высоко солнце всходит,
Низенько заходит,
В длинной рясе седой чернец
По келии бродит.
Идет, бредет он в Вышгород
Ближнею дорогой,
Чтобы посмотреть на Киев,
Погрустить немного,
К Звонковой[1] идет кринице,
Чтоб воды напиться,
Жизнь свою он вспоминает
В яру над криницей.
И опять идет он в келью,
Под немые своды,
Перебирать веселые
Молодые годы.
Священное писание
Громко он читает,
А мыслями чернец седой
Далеко летает.

И тихнут божии слова,
И голос Сечи снова зычен,
Свобода давняя жива;
И старый гетман, как сова,

[1] Звонковой называлась криница недалеко от [Межигорского] монастыря. (*Примеч. Т. Шевченко.*)

Глядит в глаза. Монаха кличут
Музыка, танцы и Бердичев...
Оковы лязгают... Москва...
Леса, снега и Енисей...
И покатились из очей
На рясу слезы... Бей поклоны!
Плоть стариковскую смиряй,
Писанье божие читай
Под монастырские трезвоны,
А сердцу воли не давай.
Оно тебя в Сибирь водило,
Весь век тебя в обман вводило.
Сдави ж его, не вспоминай
Своей Борзны и Фастовщины.
Все смертны, и твоя кончина
Близка, тебя забудет свет...
И мыслям грустным он в ответ
Заплакал, книгу отодвинул.
Ходил по келии, ходил
И тяжко на скамью склонился:
«Зачем же я на свет родился,
Свою Украину любил?»
Уж колокол завыл бессонный,
Зовя к заутрене святой.
И встал чернец, заслыша звоны,
Надел клобук, взял посох свой...
И в храм побрел он — бить поклоны,
Молиться за свой край родной.

[*Орская крепость, 1847*]
[*Москва, 1858*]

* * *

Сам удивляюсь. Кто ответит, —
Что делать мне, с чего начать?
Людей и долю проклинать

Напрасно. Но как жить на свете
В цепях, в далекой стороне?
Вот если перегрызть бы мне
По силам было цепи эти, —
Грыз понемногу б... Так не те,
Не те их кузнецы ковали,
Невольникам и сиротам,
Чтоб перегрызть их. Горе нам,
Невольникам и сиротам,
В степи бескрайной за Уралом!

[Орская крепость. 1847]

А. О. КОЗАЧКОВСКОМУ

В дни детства памятные, в школе
Стащу, бывало, у дьячка
Пятак, куплю исподтишка
(Ведь я был совершенной голью!)
Бумаги, и тетрадь сошью,
И обведу тетрадь свою
Узорами, и в этой раме
Перепишу Сковороду,
А то и «Трех царей с дарами»,
И за деревней, на краю,
Чтоб не увидели, украдкой,
Лежу в траве, лежу с тетрадкой,
Лежу и плачу и пою.

И вот на старости опять
Пришлось в траве мне хорониться,
И петь, и плакать, и страницы
Стихами тайными марать.

И я не знаю, не за то ли
Меня господь карает так,
Чтоб до седин я пробыл в школе
И умер дураком дурак, —
Что в школе я украл пятак
И провинился поневоле?
Козачковский, сокол ясный,
Голубь мой невинный,
О, как маюсь я, несчастный,
В ссылке на чужбине!
Как от глупого юродства
Дней своих остаток —
От напасти виршеплетства
Береги ребяток.
Если ж свалится на шею
Это наказанье,
Засади писать в чулане
Сына-грамотея,
Чтобы бог не знал про это,
Чтоб и ты не видел,
Чтоб сынок твой бела света
Не возненавидел.
Пусть моя вам будет мука
Навсегда наукой.

Как вор какой-то, в тиши воскресной
Я вверх взбираюсь на поляну.
Взберусь — и на простор окрестный
Взгляну и над Уралом стану.

Как играющая рыбка,
Сердце встрепенется,
Озарит лицо улыбкой,

Тихо усмехнется
И, голубкою порхая,
Позабудет горе,
И тогда я оживаю
В поле на просторе.
И всхожу я на вершину,
Стану, озираясь,
Вспоминаю Украину,
Вспомнить не решаюсь.
Степь и тут и там, но эта
Изжелта-багрова,
Наша ж светится все лето
Синевой покрова,
И ее луга и нивы,
Древние курганы
Блещут вышивкой красивой,
Скатертью убранной.

А здесь пески да лебеда,
И хоть бы жалкий след преданья
В каком-нибудь глухом кургане!
Но нет, людей тут нет следа.
Веками пряталась пустыня
От взора нашего доныне.
Но вот открыт ее предел.
Мы строим крепости, форпосты,
А значит, будут и погосты, —
Восполним как-нибудь пробел...
О горе, горе, мой край пригожий!
Когда ж я вырвусь домой отсюда?
Ужели ты попустишь, боже,
Что здесь и погребен я буду?
И почернеют огни заката...
«Айда в казарму! Айда в темницу!»
Далеким окриком солдата

Простор окрестный огласится,
И вновь украдкою, усталый,
Бреду кустарником Урала.
Так воскресенье в этом крае,
Мой друг сердечный, я справляю.
А понедельник? Милый брат!
Настанет ночь в избе вонючей,
И мысли налетят, как тучи,
И сердце бедное лишат
Того, во что душою всею
Я верю и назвать не смею,
И в доме воцарится ад,
И остановится теченье
Часов, и, глядя в этот мрак,
Не раз я, милый друг, в мученье
Слезами омочу тюфяк.

И, перебрав всю жизнь доселе,
Я как бы спрашиваю тьму:
Кого любил я в самом деле?
Что сделал доброго кому?
Ужели никому на свете?
Да, никого я не любил,
Как будто дни и годы эти
Один я по лесу бродил.
Была когда-то воля, сила,
Но силу барщина сгубила,
А воля где-то напилась,
К царю Николе угодила...
И напиваться зареклась.
Не помогут сожаленья:
Жизни нет возврата.
Не бывает повторенья
Бывшего когда-то.

«Пошли рассвет!» — молю я бога,
Восхода солнца не дождусь.
Сверчок стихает понемногу.
Бьют зорю. Снова я молюсь,
Чтоб вечер наступил скорее,
Затем что скоро дуралея
С утра на крепостной редут
Опять на муштру поведут,
Чтоб бросил вольные рацеи,
Чтоб знал, что дурней всюду бьют.

С годами молодость уходит,
Надежда снова за свое:
Меня в неволе за нос водит.
Я искушения ее
Боюсь, как прелести бесовской.
А вдруг и правда наяву
До лучших дней я доживу?
Опять напьюсь воды днепровской,
Опять войду в твой тихий дом,
С тобой наговорюсь вдвоем...
Но, испугавшися, что сглажу,
Боюсь об этом думать даже.
Суждено ли нам свиданье,
Иль с небес, не ране,
И тебя и Украину
Взором я окину?
Грудь такой тоскою стянет,
Что и слез не станет!
И когда б не ты да синий
Днепр крутоберёгий,
О скорейшей бы кончине
Попросил я бога.

Ты да родины левады —
Только и преграды.

1847
Орская крепость
1858
Москва

* * *

А ну-ка, вновь стихи писать!
(Тишком, конечно.) Ну-ка снова,
Покуда пряжа на основе,
Старинку божью лицевать.
А сиречь... Как бы вам сказать,
Чтоб не солгать... А ну-ка, снова
Людей и долю проклинать!
Людей — чтобы нас узнали
Да нас уважали;
Долю — чтоб она не спала
Да нас охраняла.
А то глянь, что натворила:
На распутье кинув,
Прочь ушла — и горя мало,
А он, сиротина,
Молодой да седоусый,
Все еще мальчонка!
Он побрел себе тихонько
Чужою сторонкой
За Урал. И очутился

В пустыне, в неволе...
Как тебя не проклинать мне,
Лукавая доля?
Проклинать тебя не стану,
А буду скрываться
За валами да тихонько
Песней утешаться,
Тосковать и дожидаться,
Как гостя, в неволю
Из-за Днепра широкого
Тебя, моя доля!

[*Орская крепость, 1848*]

* * *

Как за подушным, правый боже,
Ко мне на дальней стороне
Пришли тоска и осень. Что же
Придумать, что же сделать мне,
Что мне затеять? По Аралу
Уж я брожу, тайком пишу
И, стихотворствуя, грешу,
И все, что некогда бывало,
Припоминаю вновь, сначала,
Записываю вновь подряд,
Гоню тоску, чтоб, как солдат,
Не лезла в душу... Стражник лютый,
Не отстает ни на минуту.

[*Кос-Арал, 1848*]

ПРОРОК

Как будто праведных детей,
Господь, любя своих людей,
Послал на землю им пророка —
Свою любовь благовещать!
Святую правду возвещать!
И, как Днепра поток широкий,
Слова его лились, текли,
И в сердце падали глубоко,
И души хладные зажгли
Огнем незримым. Полюбили
Пророка люди и ходили
За ним, и слезы их лились,
Но люди злобны и лукавы!
Они святую божью славу
Растлили... и чужим богам
Воздали жертву! Осквернились!
И мужа свята... Горе вам!
На стогнах ка́мнями побили.
И праведно господь великий,
Как на зверей свирепых, диких,
Оковы повелел ковать,
И тюрьмы темные копать,
И — род лукавый и жестокий! —
Взамен смиренного пророка...
Он повелел царя вам дать!

[Кос-Арал, 1848]
[Петербург] 1859 года, декабря 18

* * *

И вырос я в краю чужом,
И, на чужбине доживаю,
И в одиночестве своем
Я не могу назвать, не знаю
На свете лучшего, чем Днепр
И чем родная Украина...
Но хорошо лишь, где нас нет, —
Я вижу. В тяжкую годину
Недавно как-то довелось
Заехать мне на Украину,
В то благодатное село,
Где мать качала, пеленала
Меня, младенца, и в ночи
На свечку богу добывала,
Поклоны тяжко кладучи,
Перед иконою молила,
Чтоб доля добрая любила
Ее ребенка... Счастье, мама,
Что ты так рано спать легла,
А то бы бога прокляла
За мой удел.

Ах, как же страшно
Все в благодатном том селе.
Земли чернее, по земле
Блуждают люди; оголились
Сады зеленые; в пыли
Погнили хаты, покосились;
Пруды травою заросли.
Село как будто погорело,
Как будто люди одурели, —
Без слов на барщину идут
И за собой детей ведут!
. . . . . .

И я заплакал, и назад
Поехал снова на чужбину.

И не одно лишь то село, —
Везде на славной Украине
Крутое панство запрягло
Людей в ярмо... И гибнут, гибнут
В неволе рыцарей сыны!
А прогоревшие паны
Ростовщикам — друзьям хорошим —
Несут последние штаны...

. . . . . .

И очень тяжко, страх как тяжко
В пустыне этой пропадать!
Еще трудней на Украине
Все видеть, плакать и молчать!
Пока не видишь, как ужасно
То зло, все кажется прекрасно
На Украине с давних пор,
И старый Днепр меж тихих гор,
Как будто в молоке младенец,
Красуется, любуется
На всю Украину.
А над ним в садах зеленых
Широкие села,
А в веселых этих селах
Жизнь людей веселых.
Так оно бы, может, сталось,
Если б не осталось
Панского следа в Украйне!

. . . . . .

[Кос-Арал, 1848]

* * *

Не для людей и не для славы
Свои стихи, что так кудрявы,
Я сочиняю, — для себя
Пишу их, братия моя!

Я пишу стихи в неволе,
Тоску забывая;
Будто с дальней Украины
Слова прилетают
И ложатся на бумагу,
Плачут и смеются,
Будто дети, и разгоят
Забытую душу,
Несчастную. Хорошо мне,
Хорошо мне с ними,
Как отцу в богатой хате
С детками своими.
И доволен я и весел,
Бога умоляю,
Не забыл бы моих деток
В чужедальном крае.
Пускай домой слетаются
Легонькие дети
И расскажут, как им тяжко
Было жить на свете.
И в семье веселой тихо
Детей приласкают,
И старою головою
Отец покачает,
Мать промолвит: «Лучше б детям
Не родиться было».
А девушка подумает:
«Я их полюбила».

[*Кос-Арал, 1848*]
[*Петербург (?), 1858*]

* * *

И богата я,
И красива я,
Нет лишь друга дорогого, —
Знать, несчастна я,
Тяжко мне на свете жить
И никого не любить,
Аксамитные жупаны
Одинокой носить!
Вот слюбилась бы я,
Обвенчалась бы я
С чернобровым сиротою —
Да неволя моя!
Мать, отец все не спят,
Все на страже стоят
И одну гулять на воле
Не пускают в сад!
А как пустят, так с ним,
С нелюбимым, седым,
С ненавистным богатеем,
С моим ворогом злым!

[Кос-Арал, 1848]

* * *

То пасхальное воскресенье
Помнят люди и поныне:
До рассвета в достославном

Городе Чигрине
В медный колокол звонили,
Из пушки стреляли
И почтенных запорожцев
На совет скликали.
С хоругвями, с крестами
И с пречестными образами
Народ с попами
На го́ру из церквей спешит,
Словно божья пчела гудит.
Архимандрит святую
Обитель покидает,
Он в золоте сияет,
Акафист читает,
Народ благословляет.
Спокойно и тихо
В рассветную пору
На крутую гору
Сходилися полковники,
И войско, как море,
Шло рядами, с бунчуками,
С Луга выступало,
И труба пророкотала,
И недвижно войско стало.
Замолкли и пушки,
И звон отдаленный —
Бьет казачество смиренно
Земные поклоны.
Молебствие архимандрит
Перед войском правит,
Святого бога просит, славит,
Чтобы ниспослал им указанье
И облегчил бы им избранье.
И гетмана единогласно
Избрали утром рано-рано:

Преславного Лободу Ивана,
Рыцаря седого,
Брата войскового.
И трубы затрубили,
И церкви зазвонили,
Пушка загремела;
Знаменами, бунчуками
Гетмана укрыли.
Гетман слезы проливает
И руки к небу воздымает.
Славный гетман отвечает,
Поклонившись трижды,
Точно звон могучий
Над кручей:
«Спасибо вам, спасибо, родные,
Запорожцы удалые,
За славу, честь и уваженье,
Что сегодня оказали, —
Только лучше б вы избрали
Не меня, уже седого, —
Вы избрали б молодого
Запорожца записного,
Преславного, удалого
Павла Кравченко-Наливайко.
Я стар человек, не могу сражаться,
Будет со мною он совещаться,
По-сыновьи научаться,
Как за ляха взяться.
Тревожно, братья, стало ныне
На нашей славной Украине.
Нет, не мне воевать с ляхом,
Быть вам головою,
Не под силу мне, седому,
Сладить с булавою, —
Пускай правит Наливайко

К нашей доброй славе,
Чтоб от страха лях проклятый
Задрожал в Варшаве».
Как шмель, казачество гудит,
Все церкви зазвонили,
И пушка вновь гремит.
Знаменами укрыли
Преславного запорожца
Павла Кравченко-Наливайко.

[*Кос-Арал, 1848*]

* * *

В огороде, возле брода,
Барвинок не всходит.
Почему дивчина к броду
По воду не ходит?
В огороде, возле тына,
Сохнет на жердине
Хмель зеленый; не выходит
Из дому дивчина.
В огороде, возле брода,
Наклонилась ива, —
Стало грустно чернобровой,
Стало сиротливо.
Плачет, плачет да рыдает,
Словно рыбка бьется...
А над нею, молодою,
Негодник смеется.

[*Кос-Арал, 1848*]

* * *

«Не хочу я обручаться,
Не хочу жениться,
Не хочу я, не желаю
С детворой возиться.
Не хочу я, мать родная,
С пахотою знаться,
В своем бархатном жупане
В поле красоваться!
А пойду я обвенчаюсь
С моим верным другом,
С славным батьком запорожским
Да с Великим Лугом.
На Хортице, в отчем доме,
Буду жить я паном —
Щеголять своим жупаном,
Напиваться пьяным».
Пошел казак неразумный
Славы добиваться.
Довелось его родимой
Сиротой остаться.
«Ой! — вздыхала в воскресенье
Мать его седая. —
Нету моего Ивана,
И где он — не знаю».
И не три-четыре года
Прошло, миновало:
Воротился запорожец
Больной и усталый,
Оборванный, в заплатах весь,
Выплаканы очи...
Вот тебе и Запорожье,
Вот тебе дом отчий!
Не с кем грусть ему развеять,

Горем поделиться.
Надо было б казаченьку
Смолоду жениться!
Прошли года веселые,
Горе подступило...
Кто же нынче обогреет
Сердце, что остыло?
Кто же мне растопит печку
На пустом ночлеге?
Даже некому водицы
Поднести калеке.

[*Кос-Арал, 1848*]

* * *

В неволе я один скучаю,
Мне не с кем душу отвести.
Ищу и сам того не знаю,
Где собеседника найти.
Ищу я бога, а встречаю
Такое... господи, прости...
Вот что со мной свершили годы
Да горе, да и то еще,
Что пасмурно, не горячо
Мое святое лето было,
Что жизнь моя прошла уныло
И нечего мне вспоминать.
А душу надо развлекать,
Ведь ей так хочется, так просит
Привета... Не слетает с губ.
И словно в поле снег заносит
Еще не охладевший труп.

[*Кос-Арал, 1848*]

* * *

И в самых радостных краях
Не знаю ничего красивей,
Достойней матери счастливой
С ребенком малым на руках.
Бывает иногда: смотрю я,
Любуюсь ею, и печаль
Охватит сердце вдруг; и жаль
Ее мне станет, и, тоскуя,
Пред нею голову склоню я,
Как перед образом святым
Марии — матери прекрасной,
Что в мир наш бога принесла...

Теперь ей все легко, все любо.
Она в ночи не спит, встает,
Свое богатство стережет,
И только ночь пойдет на убыль,
Она опять над ним, и губы
Любовно шепчут: «Вот он, вот...
Мой сын!» И за него с тревогой
Молитву посылает богу,
На улицу выходит с ним —
По улице идет царицей,
Перед людьми добром своим,
Сокровищем своим гордится:
Мол, краше всех и лучше — мой!
И, если кто на сына глянул, —
Нет больше радости! Домой
Приносит своего Ивана
И думает, что все село
Ее лишь сыном любовалось,
Что вместе с ними все ушло

И ничего там не осталось.
Счастливая!..
Года проходят,
И дети взрослые уходят,
Кто в ту, кто в эту сторону:
На заработки, на войну.
И ты осталась сиротою,
И дома никого с тобою
Уж больше не осталось. Плеч
Укутать нечем. Стынет печь,
Нетопленная по неделям,
И встать не можешь ты с постели
Но все — и думы, и мечты
И все твои молитвы
О них, о деточках.

А ты,
Другая мать, глухою дорогой
Бредешь, боясь глаза поднять,
Великомученица-мать;
Несешь дитя, от всех скрывая.
Ведь пташка малая любая
И та увидит и поймет:
«Вон девушка свой грех несет».

Бесталанная! А где же
Красота былая,
Та, которой любовались,
Девушку встречая?
Все взяло дитя родное, —
Тяжкий стыд да горе.
Бесприютная, идешь ты
Из села в позоре.
Сторонятся все при встрече,
Как от прокаженной.

А сынок — такой он малый,
Такой несмышленый.
И когда еще он скажет,
Когда пролепечет
Слово *мама*. Великое
Слово человечье!
Подрастет, ему расскажешь,
Как была дивчиной,
Как тебя барчук лукавый
Обманул и кинул.
Ненадолго легче станет —
Срок не за горами:
В люди сын уйдет мальчишкой
Бродить со слепцами,
А тебя оставит нищей,
Чтоб собак дразнила,
Да еще и обругает,
Зачем породила
Да зачем в трудах и в поте
Растила, любила.
И любить, бедняга, будешь
До самой кончины.
А свою кончину встретишь
Где-нибудь под тыном.

[*Кос-Арал, 1849*]
[*Петербург (?), 1858*]

Готово! Парус распустили;
Баркас с байдарой заскользили
Меж камышами в Сырдарью.
Плывут по голубой дороге.
Прощай же, Кос-Арал убогий!
Два года злую грусть мою
Ты все же развлекал умело.
Спасибо! Сам себя хвали,
Что люди и тебя нашли
И знали, что с тобою сделать.
Прощай, мой друг! Твоей земли
Не славлю я, не проклинаю.
Быть может, вновь тоску узнаю,
Изведанную в этом крае,
Но от него уже вдали.

[*Кос-Арал, 1849*]

* * *

Мне кажется, — но сам не знаю, —
Впрямь человек не умирает.
А под личиною иной
Он, обернувшийся свиньей,
Весь погрязает в мерзкой луже,
Как раньше погрязал в грехах.
И правда, так! Кому он нужен,

Удел бездомных и бедняг!
Они самим забыты богом!
Как помогу, коль не помог он?
А богачи? Ужель в хлевах
Откармливают их на сало?
Наверно, так! Добра немало
Они на землю принесли:
Здесь слезы реками текли,
А кровь — морями. Люди знают,
Кому утробу набивают.
Скажи — в погоне ли за славой
Им нужен был поток кровавый?
Не для себя ли? Нет, для нас!
И мир для нас они громили,
Пока их в хлев не засадили.
Когда б не так, их свинопас
По-прежнему бы пас, проклятых!
Где ж ваша слава? На словах!
Где ваше золото, палаты
Да власть великая? В гробах —
В гробах, поваленных руками
Таких же палачей, как вы...
Вы жили лютыми зверьми,
А стали свиньями!..
Где ж ты,
Пророк, что сделался святым.
Великомученик? Ты с нами,
Ты, присносущий, всюду с нами
Витаешь ангелом святым.
Ты с нами говоришь, не споря,
Тихонько-тихо... про любовь,
Про бесталанную, про горе
Или про бога и про море,
Про даром пролитую кровь
На плахах злыми палачами.

Заплачешь горько перед нами —
И мы заплачем... Ведь жива
Душа поэта — и, святая,
Она горит в его речах,
И мы, читая, оживаем
И слышим бога в небесах.

Тебе спасибо, друг мой бедный,
За то, что лепту разделил
Единую свою... Пред небом
Ты много, много заслужил.
Ты переслал ко мне в неволю
Поэта нашего... на волю
Ты будто двери отворил!
Спасибо, друг! Я почитаю
Немного... Сердцем оживу...
Опять надежду окрыляя,
Тихонько-тихо напевая,
Я бога богом назову.

[*Оренбург, 1850*]

* * *

Когда б вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога зря не восхваляли,
К слезам бездушно жестоки.
За что, не знаю, называют

Там в роще хату тихим раем:
Я в хате мучился и рос,
И горечь самых первых слез
Я там изведал. И не знаю,
Такое есть у бога зло,
Чтоб в эту хату не пришло?
А хату раем называют!

Нет, хату я не называю
В [illegible] роще милым раем, —
Там, над прудом, в конце села.
В [illegible] моя мне жизнь дала
И [illegible], напевала —
[illegible] переливала
В дитя родное... В том краю
Я вырос в хате, и в раю —
Я [illegible]. Там гнет, забота,
Неволя, тяжкая работа
И помолиться не дают.
Там ласковую мать мою
Работа с горькою нуждою
Свели в могилу молодою.
Там, как стряслась у нас беда,
Наплакавшийся с нами вволю
Отец не вынес горькой доли,
В неволе умер. И тогда
Мы, как мышата, кто куда
Поразбежались. И при школе
Таскал я воду, братья там
Мои на барщину ходили,
Пока в солдаты не забрили.
А сестры! Сестры! Горе нам,
Мои голубки молодые!
Не тяжко ль вам на свет глядеть?
Росли в батрачках, всем чужие,

В батрачках сгорбитесь, седые,
В батрачках вам и умереть!

Доныне вспоминаю с дрожью
Ту хату на краю села!
Такие мы творим дела
В своем раю, великий боже,
На праведной земле твоей, —
Мы ад устроили на ней,
А молим о небесном рае.
Мы с братьями живем в ладу:
На них мы пашем в том аду,
Их по́том землю поливаем.
А может быть, и то... не знаю,
Но, кажется, и сам еси...
(Ведь без твоей, господней, воли
Не знали б райской мы неволи!)
Ты, может, сам на небеси
Смеешься, господи, над нами
Да совещаешься с панами,
Как править миром? Ведь взгляни:
Вон роща, а в ее тени,
Как холст разостланный, сверкает
В зеленой чаще светлый пруд.
И вербы зеленеют тут,
Тихохонько в пруду купают,
Склоняясь, ветви... Правда, рай?
А расспроси-ка и узнай
Всю истину об этом рае!
Там, верно, радость и хвала
За дивные твои дела
Тебе единому, всевышний!
Как бы не так!.. Хвалы не слышно,
Лишь кровь, да слезы, да хула —
Здесь только это мог узнать я...

Святого нет, хула всему...
Мне кажется, уже проклятья
Шлют люди богу самому!

[*Оренбург, 1850*]

ЮРОДИВЫЙ

Во дни фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Да унтер пьяный Долгорукий
Украйной правили. Добра
Они изрядно натворили, —
Немало в рекруты забрили
Людей сатрапы-унтера.
Особенно капрал Гаврилыч
Вдвоем с ефрейтором своим,
Отменно шустрым и лихим,
Так весь народ замуштровали,
Что сам фельдфебель любовались
Муштровкою и всем другим
И «благосклонны пребывали
Всегда к ефрейторам своим».
А мы смотрели и молчали,
Да молча мы скребли чубы, —
Немые, подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
Капрала пьяного! Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,

Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать
И за свободу! Распинать,
А не любить учились брата!
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты? Когда
И мы дождемся Вашингтона
И правды нового закона?
Дождемся, верю! Будем ждать!
Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян
Гаврилыч гнул во время о́но;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших милых киевлянок
Отдал своим профосам пьяным
В батрачки тот сатрап-капрал, —
Вам горя мало! А меж вами
Нашелся все же некий малый,
Такой чудак-оригинал,
Что в церкви... в морду дал капралу,
И зажило — как не бывало,
Как на собаке.

Так-то так!
Нашелся все ж один казак
Из многотысячного люда,
Что всю империю смутил,
Сатрапу в морду закатил.
А вы, юродствуя, покуда
Был не совсем здоров капрал,
Юродивым тут нарекли вы
Святого рыцаря. А бывый
Фельдфебель ваш Сарданапал
Послал на каторгу святого,
А для побитого, седого
Сатрапа «вечно» пребывал

И другого
Не вышло ничего. И драму
По закоулкам темным самым
На свалку вынесли. А я...
О ясная звезда моя!
Меня из пут освобождая,
Ведешь на свалку к Николаю,
Над этой ямой выгребной
Огонь ты разливаешь свой
Животворящий. В смрадном хламе
Передо мной встают столпами
Его безбожные дела...
Безбожный царь, источник зла,
Гонитель правды, кат жестокий,
Что натворил ты на земле!
А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел твой взор высокий,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
И вешали?! А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло?! Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!
Ты спишь в киоте, а цари...
Да чур проклятым тем неронам!
Пусть тешатся кандальным звоном, —
Я думой полечу в Сибирь,
Я за Байкалом гляну в горы,
В пещеры темные и норы
Без дна, глубокие, и вас,
Поборников священной воли,
Из тьмы, из смрада и неволи
Царям и людям напоказ

Вперед вас выведу, суровых,
Рядами длинными, в оковах...

[*Нижний Новгород, 1857*]

ДОЛЯ

Ты не лукавила со мною,
Ты другом стала и сестрою
Мне, бедному. Меня взяла
Ты за ребяческую руку,
И к пьяному дьячку свела,
И отдала ему в науку
«Учись! Когда-нибудь, малый,
И выйдем в люди», — ты сказала.
Я и послушался, глядишь
И выучился. Ты ж солгала.
Да что! Куда уж в люди нам!
Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли, и ни зерна
У нас неправды за собою.
Пойдем же, долюшка моя!
О друг мой бедный, нелукавый!
Пойдем же дальше, дальше слава,
А слава — заповедь моя.

[*Нижний Новгород*
1858, 9 февраля]

МУЗА

А ты, пречистая, святая,
Подруга Феба молодая!
Меня ты на руки взяла

И в даль степную унесла,
И на кургане среди поля,
Как волю, чистое раздолье
Седым туманом повила,
И пеленала, и ласкала,
И чары деяла... И я...
Мой друг, волшебница моя!
Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.
В степи, безлюдной и немой,
В далекой неволе
Ты сияла, красовалась,
Как цветок средь поля!
Из казармы душной, грязной
Чистою, святою
Пташечкою вылетела
И вдруг надо мною
Полетела и запела...
Золотые крылья
Животворною водою
Душу окропили.
И я живу, и надо мною
Своею божьей красотою
Сияешь ты, звезда моя,
Моя наставница святая!
Моя ты доля молодая!
Не оставляй меня. В ночи,
И днем, и в утреннем тумане
Ты надо мной витай, учи,
Учи нелживыми устами
Вещать лишь правду в наши дни,
Молитвой сердце облегчая.
Когда ж умру, моя святая,
Моя родная! — схорони
Сама ты горемыку-сына

И хоть слезу, мой друг единый,
Из глаз бессмертных урони.

[Нижний Новгород
9 февраля 1858]

СЛАВА

А ты, чумазая торговка,
Пьяная шинкарка!
Почему меня лучами
Не целуешь жарко?
С вором, может быть, в Версале
Ты на новоселье?
Иль с другими путаешься
С тоски да с похмелья?
Ты подсядь ко мне поближе:
С горя ли, от злости
Выкинем с тобой такое —
Удивятся гости.
Мы обнимемся, сойдемся,
Будем жить не споря,
Потому что, дорогая,
Тот же до сих пор я,
За тобой плетусь, как прежде,
Хоть слыхал немало,
Как ты с пьяными царями
По шинкам гуляла,
А всех дольше с Николаем,
В Крыму в злые ночи.
Но об этом я не плачу
И тужу не очень.
Дай тобой налюбоваться,
Дай на грудь склониться,

Под крылом твоим хочу я
В тишине забыться.

1858 [9 февраля]
Нижний Новгород

СОН

Она на барском поле жала
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.
В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала
И незаметно впала в сон.
И снится ей житьем довольный
Ее Иван. Пригож, богат,
На вольной, кажется, женат
И потому, что сам уж вольный.
Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут.
И тихо улыбнулась жница.
Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра.

1858. С.-Петербург

* * *

Я, чтоб не сглазить, не хвораю,
Но за собою замечаю —
Неладно с сердцем у меня.

Как бы голодное дитя,
Чего-то ждет оно, рыдает,
Не спит. Быть может, ожидает
Дурного? Доброго не жди —
Напрасно воли поджидаем:
Придавленная Николаем,
Заснула. Чтобы разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром закалить обух
Да наточить топор острее
И вот тогда уже будить.
А то, пожалуй, так случится —
До Страшного суда заспится!
Паны помогут крепко спать:
Всё будут храмы воздвигать
И своего царя хмельного
Да византийство прославлять,
И не дождемся мы другого.

[*Петербург*] *1858, 22 ноября*

ПОДРАЖАНИЕ 11 ПСАЛМУ

Мой боже милый, как их мало,
Святых людей, на свете стало!
Друг другу тайно цепь куют
В потемках сердца, а словами,
Медоточивыми устами
Целуются и часа ждут,
Не скоро ль брата под холстиной
От них на кладбище свезут?..
А ты, о господи единый,
Скуешь лукавые уста
И тот язык велеречивый,

Сказавший: «Мы не суета!»
И возвеличим мы на диво
И разум наш, и наш язык...
И где же тот, кто нам укажет
Не думать так, не говорить?
«Воскресну! — вам он грозно скажет. —
Воскресну ныне ради них,
Людей закованных моих,
Убогих лиц... Возвеличу
Рабов и малых и немых!
Я стражем верным возле них
Поставлю слово. И поникнут,
Как бурей смятая трава,
И мысли ваши, и слова».
Как серебро, что гнуто, бито
И семикратно перелито
Огнем в горниле, — словеса
Твои, о господи, такие.
Раскинь же их, слова святые,
По всей земле! И в чудеса
Твои уверуют на свете
Твои страдающие дети.
[Петербург] 1859, 15 февраля

СЕСТРЕ

Я проходил по нищим селам,
Днепровским селам невеселым,
И думал: где приют найду,

Где скроюсь я, за что страдаю?
И мне приснился сон: в саду
Одна, цветами обвитая,
Как будто девушка, стоит
На горке невысокой хата,
И Днепр наш, водами богатый,
Родной, сияет и горит!
И вижу я — в саду тенистом
Одна под вишнею ветвистой
Моя родимая сестра.
Многострадальная, святая,
В прохладе рая почивает,
Из-за широкого Днепра
Меня, бедняга, поджидает,
И чудится ей: челн мелькает,
Над волнами взлетает челн
И вновь скрывается меж волн...
«Мое ты счастье! Брат!» Но боле
Не длится этот сон, и ты...
На барщине, а я в неволе!..
Вот так с младенчества идти
Пришлось нам по колючим нивам!
Молись, сестра! Коль будем живы,
Бог нам поможет их пройти.

20 июля [1859], Черкассы

ПОДРАЖАНИЕ ИЕЗЕКИИЛЮ

Глава 19

Восплачь, пророче, сыне божий,
И о князьях, и о вельможах,
И о царях земных! И рцы:
Зачем та сука, ваша матерь,

Со львами снюхалась когда-то?
А вы, щенята, родились?
И множился ваш род проклятый?
А вы, зубастые щенята,
В львов превратились. Вы людей.
Незлобных, праведных детей,
Все время жрете!.. Жадный коршун
Вот так клюет и рвет цыплят,
Как вы людей... А что же люди?..
Хоть видят люди, да молчат.
Ну и щенок тот, дикий, лютый!
И вот его подстерегли
И, заковавши крепко в путы,
В Египет люди отвели
На каторгу. А сука снова
Спустила на людей другого
Лихого сына своего.
Земное это божество
И города и села жрало...
Земля тряслась и трепетала,
Едва заслышав злобный рев...
И этот не избег оков, —
Он схвачен был, тот пес на троне,
В тюрьму посажен в Вавилоне
Глубокую, чтоб бедный люд
Не слышал яростного рыка
Самодержавного владыки,
Царя жестокого...
Пройдут,
Уж понемногу отступают,
Дни беззакония и зла.
Но правды этой львы не знают,
Растут себе, как бы лоза
В лесу дремучем, уповают
На омертвевший корень свой.

Уже червивый, и гнилой,
И худосочный. Ветер с поля
Дохнет, сметет, очистит путь,
И ваше злое своеволье
Купаться будет и тонуть
В своей крови. И плач великий,
Совсем не схожий с львиным рыком,
Услышат люди. Этот плач,
Никчемный, долгий и поганый,
Народной притчей скоро станет
Самодержавный этот плач!

[*Петербург*]
Декабря 6 [*1859*]

ОСИИ

Глава 14

ПОДРАЖАНИЕ

Погибнешь, сгинешь, Украина!
И след твой выжжется дотла.
А некогда, гордясь, цвела
Ты в роскоши. О Украина,
Мой край любимый, неповинный!
За что господь тебя карал,
Карает тяжко? За Богдана,
Да за безумного Петра,
Да за господ, панов поганых,
Убить тебя давно пора,
И это будет справедливо!
Ведь долго долготерпеливый
Взирал безмолвно на твою,
Греховную твою утробу

И рек во гневе: «Истреблю
Твою красу! Сама ко гробу
Спешишь ты своему! Во злобе
Сыны твои тебя убьют,
Оперясь, а во зле зачаты,
Во чреве сгинут, пропадут,
Как в яйцах дохлые цыплята.
И плачем материнским слезным
Наполню грады и поля,
Да зрит растленная земля
Меня всевидящим и грозным!
Воскресни, мать! В светлицу-хату
Вернись скорей и опочий.
Устала ты, неся расплату
За сыновей, — так отдохни
И чадам, отдохнув, скажи,
Пророчь лукавым о возмездье,
Что, злые, пропадут они,
Что их измена, и бесчестье,
И криводушие — огнем,
Кровавым пламенным мечом
Отмечены на душах тайно,
Что кара кличет неустанно,
Что не спасет их добрый царь,
Их кроткий пьяный государь
Не даст наесться им, напиться,
Не даст коня вам, чтобы скрыться,
Чтоб ускакать; не ускакать,
Не скрыться вам! Ведь вас повсюду
Отыщет правда-месть, а люди
Подстерегут, чтобы поймать, —
Поймают и судить не будут:
Скован, в оковах, не на суд —
На поруганье поведут
И на кресте потом, без ката

И без царя вас, бесноватых,
Распнут, на части разорвут
И кровью вашею, собаки,
Собак напоят!..
И скажи,

Такое слово им скажи,
Без притчи, так скажи: «Вы сами
Своими грязными руками
Кумир создали, говоря,
Что царь — ваш бог, надежда ваша,
Что ждете всем убогим нашим
Вы утешенья от царя».
Не так! Скажи им: «Лгут все боги,
Все идолы в чужих чертогах!»
Скажи, что правда оживет
И вновь сердца людей зажжет,
Но не растленным ветхим словом,
А словом вдохновенным, новым,
Как громом, грянет и спасет
Весь обокраденный народ
От ласки царской...»

[*Петербург*]
25 декабря 1859

МОЛИТВА

Царям; всесветным шинкарям,
Дукаты, талеры, рубли
И путы лютые пошли!

Рабочим головам, рукам..
Средь обокраденной земли
Свою ты силу ниспошли.

Мне ж, сыну горестной земли,
Подай любовь, сердечный рай
И больше благ мне не давай!

24 мая 1860,
СПб.

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

В Путивле-граде утром рано
Поет и плачет Ярославна,
Поет кукушкою, скорбя,
И скорбью мучает себя.
Молвит: «Полечу зегзицею,
Сизой чайкою-вдовицею
Я вдоль по Дону полечу,
Рукав бобровый омочу
В Каяле. И на теле белом,
На теле княжьем омертвелом
Я кровь сухую оботру,
Глубокие омою раны...»

И стонет-плачет Ярославна
В Путивле рано на валу:
«Ты ветер, ветер мой, ветрило!
Ты, господин мой легкокрылый!
Зачем крылом могучим ты
На войско наше с высоты,
На войско князя неустанно
Бросаешь злые стрелы хана?
Не мало ль неба, и земли,
И моря синего? На море

Качай насады-корабли.
А ты прелютый... Горе! Горе!
Мое веселье ты украл,
В степи ковыльной разбросал».

Тоскует, стонет, плачет рано
В Путивле-граде Ярославна
И молвит: «Сильный и седой,
Широкий Днепр! Своей волной
Пробил еси крутые скалы,
Катясь по землям половецким,
Носил еси на байдаках
На половцев, на Кобяка —
Носил дружину Святославлю!
О мой Славутич достославный!
Мое ты ладо принеси,
Чтоб я постель ему постлала
И в море слез не посылала,—
Слезами моря не долить».

И плачет-плачет Ярославна
В Путивле, на воротах града...
Святое солнышко взошло.
И молвит: «Солнце пресвятое
На землю радость принесло
Земле и людям. Надо мною
Одной досель не рассвело.
Ты, господин мой, сжег долины,
Спалил еси траву степей,
Спалил и князя и дружину,
Теперь вдову его убей!
Ты, солнце! Не свети, не грей, —
Мой князь погиб... я тоже сгину!»

4 июня [1860],
СПб.

Л.

Поставлю хату — не палаты,
Зеленый садик посажу;
И посижу и похожу
В моем владенье небогатом.
А в тишине, наедине
С самим собой, так сладко спится;
Во сне приснятся дети мне
И мать веселая приснится,
Давно забытый молодой
Приснится ясный сон... И ты!..
Нет, спать мне вовсе не годится,
Ведь ты приснишься мне. В земной
Мой рай войдешь ты незаметно
И натворишь беды. Заветный
Сожжешь ты рай спокойный мой.

[*Петербург*]
27 сентября [*1860*]

* * *

Нет, бога я не упрекаю,
Я никого не порицаю,
Сам обмануть себя спешу,
Вдобавок с песнею. Пашу
Надел убогий, сею слово
Да урожая жду святого.
Вдруг соберу. Вот так спешу
Я обмануть себя! Но знаю,
Других в обман я не ввергаю.

Земля моя, распашися
Ты в степи просторной!
Ты прими в себя, родная,
Ясной воли зерна!
Распашися, развернися,
Расстелися полем!
Ты засейся добрым житом,
Ты полейся долей!
На все стороны раздайся,
Нива-десятина!
Ты засейся не словами,
А разумом, нива!
Выйдут люди. Время жатвы
Настанет счастливой.
Расстелись же, развернись же,
Убогая нива!!!

А может, странным добрым словом
Себя обманываю снова?
Обманываю! Дело в том:
Уж лучше лгать себе, я знаю,
Чем правду разделять с врагом,
Напрасно бога упрекая!

[Петербург]
5 октября [1860]

* * *

Хотя лежачего не бьют,
Лежать, однако, не дают
Негодному... Тебя ж, о сука!
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут!
Не проклянут, а только плюнут

На тех раскормленных щенят,
Что ты щенила. Мука! Мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Когда ты сгинешь? Или псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят, изведут?
Не изведут! А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

[Петербург]
20 октября [1860]

* * *

Сраженья были, распри — все бывало.
Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Ногаи,
Видали мы добра немало.
Минуло все, да не пропало, —
Остались червяки: грызут,
Сверлят и точат сердце дуба,
А от него спокойно, любо
Побеги юные растут
И вырастут; и без секиры
Все загудит и заревет,
Казак безверхий упадет,
Раздавит трон, порвет порфиру,
Низложит вашего кумира,
Людские червяки! Родня,
Друзья отечества чужого,
Не станет идола святого,
И вас не станет. И одна
Крапива, ничего другого
На вашей не взойдет могиле.
Над грудой груда встанет гнили,

Но и навоз зловонный тот,
Развеян ветром, пропадет.
И, не богаты, не убоги,
Молитвой мы прославим бога.

[Петербург]
26 ноября [1860]

Н. Т.

Великомученица-дева!
Твой нрав, кума, достоин гнева!
В раю веселом ты росла
И пышным цветом расцвела,
Но рая светлого не знала,
А потому, что не желала
Взглянуть на ясный божий день,
На дивный свет животворящий!
Слепой была еси, незрящей,
Ленивой сердцем: ночь и день
Ты все спала. А жизнь земная
Кругом тебя росла, цвела
И, нашу радость прославляя,
Хвалу создателю несла;
А ты, кума, всю жизнь дремала,
Себя ты чванно соблюдала,
И поджидала жениха,
И целомудрие хранила,
И страх боялася греха.

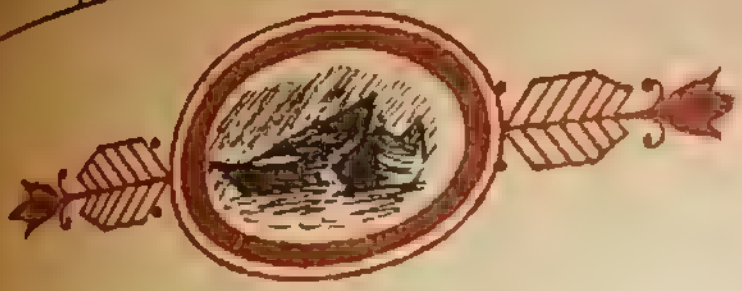
Прелюбодейного. А сила
Сатурнова идет, идет
И грех тот праведный плетет,
В седые косы заплетая,
А ты живешь себе, зевая,
Усердно молишься и спишь
И матерь божию гневишь
Своим смирением лукавым.
Кума, проснись скорей, не жди!
На мир прекрасный погляди,
Плюнь на свою девичью славу
И всей душою, не лукаво,
Хоть раз, бедняга, соблуди!

[*Петербург*]
2 декабря [1860]

* * *

И встретились, и обвенчались,
Помолодели, расцвели.
Зеленый садик развели
Вкруг хаты. И не горевали,
И дети малые играли,
Росли себе да подрастали...
Солдаты дочерей украли,
А сыновей в солдаты взяли,
А мы как будто разошлись,
Как будто даже не встречались.

[*Петербург*]
5 декабря [*1860*]



* * *

Что ж, не пора ли понемногу
С тобою, спутницей убогой,
Нам вирши слабые бросать
И помаленьку собирать
Телеги в дальнюю дорогу?
На тот свет, к пресвятому богу
Пойдем, бедняга, отдыхать.
Устали мы, поистрепались,
А все ж и разуму набрались.
Довольно с нас — пойдем-ка спать,
В последней хате отдыхать...
Такой еще мы не видали!..
Ой, не надо, друг, не надо,
Рано нам прощаться;
Нам еще ходить бы рядом,
Свету удивляться.
Посмотри же, моя доля,
Он такой широкий,
Он широкий и веселый,
Ясный и глубокий.
Что ж, звезда моя, побродим,
Поднимемся в горы.
Будут звезды — твои сестры —
Светить в эту пору,
Бесконечные, по небу
Поплывут, мерцая...
Подождем, сестра родная,

Подруга святая!
И правдивыми устами
Помолимся богу.
И пойдем себе тихонько
В дальнюю дорогу.
Над бездонной мутной Летой
Мы пойдем с тобою,
И меня благословишь ты
Славою святою

14 февраля

Покамест то да се, с поклоном
С тобою запросто пойдем
Мы к Эскулапу на прием:
А вдруг обманет он Харона
И Парку?.. Мы тогда с тобой,
Пока мудрил бы дед седой,
Творили б, лежа, эпопею,
Высоко над землею рея,
Да все б гекзаметры плели
И на чердак стихи снесли,
Чтоб мыши их на завтрак съели.
Мы прозу бы по нотам пели,
Не как-нибудь. Товарищ мой,
Мой спутник верный и святой!
Пока огонь не гаснет, тлеет,
Пойдем к Харону веселее.
Через волны мутной Леты
Сыщем переправу,
Переплывем, перепесем
И святую славу —
Неизменно молодую...
Впрочем, друг мой милый!
Обойдемся и без славы.

Если ж хватит силы,
То над самым Флегетоном,
Над Стиксом, речкою в раю,
Как над Днепром своим широким,
Я вспомню родину свою, —
Поставлю хату там и садом
Ее веселым окружу.
Ты вечером придешь, и рядом
Тебя, как кралю, посажу.
Мы Днепр, Украину помянем
И хаты белые в садах,
Курганы старые в степях,
И песню весело затянем...

15 февраля [*Петербург*] *1861*

ПРИМЕЧАНИЯ

Порченая (Стр. 3). — Баллада — наиболее раннее из дошедших до нас произведений Т. Шевченко. В «Автобиографии» поэт указал, что, еще будучи крепостным, начал он делать этюды в стихотворном искусстве; из многочисленных попыток он впоследствии напечатал только одну балладу «Причинна» («Порченая»). *Не китайкой ему очи...* По обычаю, казаков при погребении накрывали красной шелковой материей — китайкой.

Вечной памяти Котляревского (Стр. 12). — Стихотворение является откликом на смерть Ивана Петровича Котляревского (1769—1838) — поэта, драматурга, одного из зачинателей новой украинской литературы.

Катерина (Стр. 16). — Поэма создана вскоре после освобождения Шевченко из крепостной неволи. На допросе в III Отделении он заявил: «Первое мое стихотворение под названием «Катерина» посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузиазм в малороссиянах, и я стал продолжать писать стихи, не оставляя живописи». Это посвящение вызвано участием поэта В. А. Жуковского (1783—1852) и художника К. П. Брюллова (1799—1852) в выкупе Шевченко у помещика (22 апреля 1838 года). *Москали* — солдаты, военные; в данном случае — офицеры. *Чумаки* — украинские крестьяне, возившие зерно на продажу в Одессу или Гданьск и привозившие с Черного моря (Перекопа) соль и рыбу. *Пугача в лесу*

жном//Громко распевают. — Имеется в виду народная песня «Ой сів пугач на могилі». *Пугач* — сыч. *Бровары* — город, расположенный недалеко от Киева, на противоположном берегу Днепра, через который проходила дорога на Москву. *А тем временем Иуса//Кобзарь напевает.* — Речь идет об одной из кобзарьских «псалмы» (песен).

Тарасова ночь (Стр. 38). — В основе поэмы лежит подлинное историческое событие: разгром восставшими казаками во главе с Тарасом Федоро́вичем (Тарасом Трясилом, как называют его источники, которыми пользовался Шевченко) 25 мая 1630 года под Переяславом польско-шляхетского войска коронного гетмана С. Конецпольского. Это событие получило в народе название «Тарасова ночь». *Униаты* — приверженцы унии (объединения православной и католической церквей), провозглашенной в 1596 году Брестским церковным собором, усилившей национальные и религиозные притеснения украинского и белорусского населения Речи Посполитой и вызвавшей решительный протест народных масс. *Поднимался Наливайко...* — Северин Наливайко (?—1597) — руководитель антифеодального крестьянско-казацкого восстания на Украине и Белоруссии в 1594—1596 годах; был выдан верхушкой казацкой старшины польско-шляхетскому войску и после жестоких пыток казнен в Варшаве. *Поднялся казак Павлюга...*— Павлюга (или Павлюк) — П. М. Бут (?—1638) — один из вождей крестьянско-казацкого противошляхетского восстания 1637 года, после поражения которого казнен в Варшаве.

«Думы мои, думы мои...» (Стр. 43). — Стихотворение написано в конце 1839 — начале 1840 года и является поэтическим вступлением к первому сборнику произведений Шевченко — «Кобзарю» (18 марта 1840), все прижизненные издания которого (1840, 1844, 1860) открывались этим стихотворением.

Гамалия (Стр. 47). — Поэма написана осенью 1842 года во время путешествия Шевченко в Ревель (ныне — Таллин). Она воспроизводит исторически верную картину морского похода запорожцев на Стамбул, близкую тем, о которых упоминают казацкие летописи, народные предания, думы и исторические песни.

Герой поэмы — не историческое лицо, а собирательный образ предводителя казацкого войска. *Луг Великий* — низменность на берегу Днепра; владение Запорожской Сечи. *...чтоб Монах...* — Имеется в виду гетман П. Конашевич-Сагайдачный (? – 1622), осуществивший ряд успешных морских походов на татарские и турецкие города-крепости. Он не был монахом, как утверждали народные предания. *...предместье Стамбула.*

«Чигрине, Чигрине...» (Стр. 52). — Стихотворение навеяно впечатлениями от поездки на Украину (май 1843 — февраль 1844). В 164[illegible] Чигирин был резиденцией гетмана Богдана Хмельницкого (1657), а на протяжении нескольких последующих [illegible] резиденцией его преемников. Во время [illegible]стания — Колиивщины (1768) [illegible] одним из [illegible] движения. Эти обстоятельства дали [illegible] с Чигирином героические страницы истории [illegible].

Сон («У всякого [illegible]» (Стр. 57). — Написанная сразу же после [illegible] Петербург из поездки на Украину, поэма яв[illegible] самых значительных произведений Шевченко. [illegible] гросатирические портреты царя и царицы [illegible] внимание III Отделения и стали едва ли не главным основанием для ссылки Шевченко в Отдельный Оренбургский корпус рядовым с запрещением писать и рисовать, исходящим лично от Николая I. *Крепость с колокольней...* – Петропавловская крепость и Петропавловский собор в Петербурге. *Всадник ... в свитке и не в свитке, //Без седла, как влитый...* — Памятник Петру I на Сенатской площади в Петербурге, поставленный Екатериной II, с надписью, упоминаемой в поэме, на русском и латинском языках: *«Первому — вторая». Этот – первый, расписал он//Нашу Украину.* — После измены гетмана И. Мазепы (1644—1709) Петр I стал особенно щедро раздавать своим приближенным украинские земли. По требованию царя казаки были направлены на строительство Петербурга, где многие из них, не выдержав тяжелых условий, погибли. *А вторая доконала //Вдову-сиротину.* — Екатерина II закрепостила крестьянство на

Украине (3 мая 1783 года), «одним росчерком пера... превратила в крепостных четыре или пять миллионов сравнительно свободных крестьян во вновь приобретенных западных и южных областях» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 692). В 1775 году императрица ликвидировала Запорожскую Сечь. *Полки выступали //С заступами на линию...* — т. е. на работы по укреплению южной границы русского государства — «линии». *Наказным послали//Гетманом меня в столицу...* — Повествование здесь ведется от лица черниговского полковника Павла Полуботка, назначенного в 1722 году наказным (временным) гетманом. Выражая интересы старшинской верхушки, он настойчиво добивался у Петра I расширения гетманских прав и был заточен в Петропавловскую крепость, где и умер (1724 г.). После смерти Полуботка о нем сложили легенду как о замученном борце за народные права. На эту легенду и намекает Шевченко.

Гоголю («За думою дума летит, вылетает...») (Стр. 72).— Н. В. Гоголь (1809—1852), к которому обращено стихотворение, был одним из любимейших писателей Шевченко. В письме к В. Н. Репниной от 7 марта 1850 года поэт писал: «Перед Гоголем должно благоговеть как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям!.. Самый мудрый философ и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним как перед человеколюбцем! Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем».

Еретик (Стр. 73).— Поэма посвящена Павлу Иосифу Шафарику (1795—1861), чешскому и словацкому филологу и историку, видному деятелю национального возрождения. *Сосчитал ты до едина//Сосчитал лишь трупы...* — В книге «Славянские древности» Шафарик привел различные сведения о славянских народах, в том числе и о тех, которые прекратили свое существование в результате германской экспансии. В 1837—1838 годах эта книга была издана в Москве в переводе О. М. Бодянского (1808—1877). *...Констанцский — //Муж великий, правый!* — Имеется в виду Ян Гус (1371—1415), призванный в 1411 году в г. Констанцу на церковный собор для оправдания от обвинений в ереси, но не отрек-

шийся от проповедуемых им взглядов. 6 июля 1415 года он был сожжен. Его казнь вызвала всеобщее возмущение в Чехии, приведшее к возникновению гуситских войн — вооруженной борьбы крестьян и городской бедноты против католической церкви, феодальной эксплуатации, немецкого засилья на чешских землях. *Вифлиемская каплица* — небольшая церковь в Праге, в которой проповедовал Гус. *Зашептались антипапы...* — В XIV—XV вв. на папском престоле порой оказывалось несколько пап — ставленников разных церковных и светских кругов и группировок, враждовавших между собой. Все они, кроме лишь одного из них, был признан незаконным, другие же объявлены антипапами. *Уж гогочут гуси...* — т. е. поднимаются сторонники Гуса, народные массы на борьбу с императором и церковью. *Фараоны.* *И кесаря, и Вячеслава...* — Имеется в виду немецкий [illegible] Сигизмунд (1368—1437) и его брат чешский король [illegible] (ум. в 1419). Te Deum — начальные слова католического [illegible] «Тебя, господи (хвалим). *Старый Жижка из Табора* — Ян Жижка (1360—1424) — чешский национальный герой, один из главных деятелей гуситского движения.

Сленой (Стр. 55). — В поэме отразилось стремление Шевченко осмыслить исторические судьбы запорожского казачества и народных масс во второй половине XVIII века. Эпизоды из жизни казацкой семьи даны на фоне реальных событий — разорения Запорожской Сечи (1775 г.), закрепощения украинского крестьянства (1773 г.), раздаривания Екатериной II украинских земель, угодничества перед царицей последнего гетмана К. Разумовского (1728—1803) и казацкой верхушки. Картина отъезда героя поэмы на Сечь создана под впечатлением повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». *...иным, чем в Братстве.* — Имеется в виду школа, основанная в 1615 году Киевским братством — национально-религиозной общественной организацией, созданной на средства казачества, городских ремесленников. Братства существовали в ряде городов Украины, Белоруссии, части Литвы и вели борьбу против национального угнетения и насильственного окатоличивания русских, украинцев и белоруссов. На протяжении XVII—XVIII веков шко-

ва Киевского братства и Киевская академия были основными рассадниками грамотности и просвещения на Украине. *Чтоб за Тендер прогуляться...* — Тендер — некогда остров на Черном море, ныне коса к югу от Днепровско-Бугского лимана. *Чайки, челны...*— Чайки — большие боевые челны запорожских казаков. *Новой Сечью стали.* — После разрушения Запорожской Сечи часть запорожцев основала в турецких владениях в Добрудже Задунайскую Сечь (1775—1828). В 1828 году казаки во главе с кошевым атаманом О. Гладким (1789—1866) возвратились в Россию. *Как царица по Киеву // С Нечосом гуляла...* - Царица — Екатерина II, останавливавшаяся в Киеве во время своего путешествия в Крым в 1787 году. Нечос — Г. А. Потемкин (1739—1791); это прозвище он получил у запорожцев потому, что носил парик. *Теперь будто Головатый...*— войсковой писарь А. Головатый (1744—1797). Спустя десять лет после уничтожения Екатериной II Запорожской Сечи он добился образования Черноморского казачьего войска (1788 г.), а затем и передислокации его на Кубань (1792 г.).

Кавказ (Стр. 124).— Поэма посвящена другу Шевченко Якову Петровичу де Бальмену (1813—1845), служившему на Кавказе и в 1845 году погибшему в бою. *...царь свиней когда-то пас,// С женой приятеля спознался...*— Имеется в виду библейская история «святого» царя Давида, пославшего на верную смерть своего военачальника Урию, чтобы завладеть его красавицей женой Вирсавией.

И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим... (Стр. 130).— Послание, датированное в автографе 14 декабря 1845 года, направлено против определенных групп и течений в среде современной поэту дворянской интеллигенции: с одной стороны — потомков казацких старшин, идеализировавших прошлое, с другой — либеральной интеллигенции новой формации, увлекавшейся идеями то славянофильства, то национального нигилизма и космополитизма. Все они, по мнению поэта, находятся в полном разрыве с «меньшим братом» — народом, хотя и пытаются выступать от его имени. Главная проблема послания — отношение дворянской интеллигенции к народу, что в эпоху Шев-

ченко было неразрывно связано с задачами борьбы против социального и национального угнетения. *Изучаете Коллара...// И Шафарика, и Ганку.*— Ян Коллар (1793—1852) — чешский поэт и филолог; Вацлав Ганка (1791—1861) — чешский и словацкий поэт, филолог, историк — видные деятели национально-освободительного движения, выражавшего идеи дружбы и культурно-политического сближения славянских народов. *Те Коклесы, Бруты...*— Имеются в виду Публий Гораций Коклес, легендарный римский герой, который, по преданию, один оборонял мост через Тибр от нападения этрусков; и республиканец Марк Юний Брут (82—45 до н. э.), убивший римского диктатора Гая Юлия Цезаря (102 или 100—44 до н. э.), несмотря на некогда дружеские отношения с ним.

Завещание («Как умру, похороните...») (Стр. 138). — В автографе это стихотворение не имеет заглавия. В первом посмертном издании «Кобзаря» (СПб., 1867) оно получило заглавие «Заповіт» («Завещание»), ставшее традиционным.

В каземате (Стр. 155). — Цикл стихотворений написан в каземате (внутренней тюрьме) III Отделения во время следствия над членами Кирилло-Мефодиевского общества — антимонархической и антикрепостнической политической организации, раскрытой в марте 1847 года в Киеве. Стихотворение «Припомним, братия моя...», открывающее цикл, написано в ссылке. *А его забудьте, други...* — Имеется в виду А. М. Петров (1827—1883), студент Киевского университета, выдавший Кирилло-Мефодиевское общество. *И. Костомарову.* — Николай Иванович Костомаров (1817—1885), украинский и русский буржуазно-либеральный историк и писатель, один из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, идеолог его правого крыла.

«Думы мои, думы мои, самые родные...» (Стр. 167). — *С киргизами убогими.*— Имеются в виду казахи. В те времена киргизами называли все племена, кочевавшие в Закаспийских степях.

Сон («Горы мои высокие...») (Стр. 169).— *И гетманщина вся кругом.* — Гетманщиной назывались в XVII—XVIII вв. укра-

инские земли на левом берегу Днепра, входившие в состав Российского государства.

Чернец (Стр. 175). — В поэме воспет Семен Палий (настоящая фамилия Гурко; 1640-е гг.— 1710) — белоцерковский полковник, один из руководителей освободительного движения на Правобережной Украине против гнета польско-шляхетских захватчиков в конце XVII — начале XVIII столетия. В основу произведения легли народные предания о Палие, отождествлявшие его с престарелым запорожцем, уходящим в монастырь «спасаться». Исторический Палий не был монахом, а лишь похоронен в Межигорском монастыре близ Киева.

А. О. Козачковскому (Стр. 179).— Андрей Осипович Козачковский (1812—1889) - переяславский врач, близкий приятель Шевченко. *Переяшу Сковороду.*— Имеются в виду песни («псальмы») известного украинского поэта и философа Г. С. Сковороды (1722—1794). *А то и «Трех царей с дарами»* — народная колядка, рассказывавшая о поклонении волхвов младенцу Иисусу. *К царю Николе угодила...*— намек на арест поэта и его ссылку по приговору Николая I.

«Готово! Парус распустили...» (Стр. 199).— Стихотворение связано с завершением в сентябре 1849 года последнего плавания по Аральскому морю ученой экспедиции, возглавляемой А. И. Бутаковым (1816—1869), в составе которой находился Шевченко.

Юродивый (Стр. 204). — Незаконченное произведение, по-видимому, вступление к поэме, о замысле которой Шевченко сделал запись в дневнике 19 июля 1857 года: «В ожидании утра я... построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина... И назвал ее «Сатрап и Дервиш». При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски». 18 декабря 1857 года, по дороге из ссылки, Шевченко записал: «Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и Дервиша»... Мне хочется написать «Сатрапа» в форме эпопеи. Эта форма для меня совершенно новая. Не знаю,

как я с нею слажу?» Сохранившийся незаконченный отрывок написан, по-видимому, вскоре после этой записи: в конце декабря 1857 года. *Во дни фельдфебеля-царя...*— т. е. во время царствования Николая I, который далее именуется также — *«Бывый фельдфебель ваш, Сарданапал». Капрал Гаврилович Безрукий...*— киевский, подольский и волынский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков (1792—1870), потерявший руку во время Бородинского сражения. *...унтер пьяный Долгорукий...*— черниговский, полтавский и харьковский генерал-губернатор Н. А. Долгоруков (1792—1847). *...с ефрейтором своим...*— т. е. с правителем канцелярии генерал-губернатора Н. А. Никаревым, принимавшим участие в следствии по делу Кирилло-Мефодиевского общества и названным в дневнике Шевченко «[illegible] взяточником и ренегатом».

Доля. Муза. Слава (Стр. 207—209).— Эти стихотворения, составляющие [illegible] цикл-триптих, по собственному выражению поэта, [illegible]» «в трех лицах» (письмо к С. Т. Аксакову от [illegible] 1858 г.). *...С вором, может быть, в Версале...*— Имеется в виду Наполеон III Бонапарт (1808—1873), ликвидировавший республиканский строй во Франции и объявивший себя императором. *...с Николаем, //В Крыму...*— Намек на военные неудачи царских войск под Севастополем в Крымскую войну 1853 - 1856 гг.

Сестре (Стр. 212). Стихотворение обращено к сестре поэта Ирине (Ярине) Григорьевне Бойко (1816—1865). Написано под впечатлением встречи с ней после многолетней разлуки — летом 1859 года, во время кратковременной поездки Шевченко из Петербурга на Украину.

Подражание Иезекиилю. Глава 19 (Стр. 213).— *Иезекииль* — библейский пророк; приписываемые ему пророчества составили одну из книг Библии.

Осии. Глава 14. Подражание (Стр. 215).— *Осия* — библейский пророк, которому приписывается одна из книг Библии.

Плач Ярославны (Стр. 218).— Один из двух фрагментов шевченковского перевода из «Слова о полку Игореве».

Второй — «С рассвета до вечера», перевод отрывка, известного под названием «Битва на Каяле». О намерении перевести «Слово» «на наш прекрасный украинский язык» Шевченко писал своим друзьям еще весной 1854 года, однако приступить к осуществлению замысла смог только в июне — сентябре 1860 года.

Л. («Поставлю хату — не палаты...») (Стр. 220). — Стихотворение вызвано разрывом Шевченко со своей невестой — Гликерией (Лукерой) Полусмаковой; ее имя обозначено в заглавии буквой «Л».

«Хотя лежачего не бьют...» (Стр. 221).— Стихотворение написано в связи с известием о смерти императрицы Александры Федоровны, жены Николая I, сатирический портрет которой дан в поэме «Сон».

«Сраженья были, распри — все бывало...» (Стр. 222). — *Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Ногаи...*— Имеются в виду старинные роды украинских старшин-помещиков. Очевидно, поэт подразумевает А. Г. Киселя (1580—1653) — браславского воеводу, магната, предавшего украинский народ в его борьбе против польско-шляхетского господства на Украине и перешедшего на службу к польскому королю.

Н. Т. («Великомученица-дева!..») (Стр. 223).— Стихотворение обращено к Н. В. Тарновской, сестре помещика и буржуазного общественного деятеля В. В. Тарновского. В 1845 году, во время пребывания Шевченко в имении Тарновских, поэт и Н. В. Тарновская «покумились» — крестили ребенка у дьяка. Знакомство возобновилось после возвращения Шевченко из ссылки.

«Что ж, не пора ли понемногу...» (Стр. 225).— Последнее стихотворение Т. Шевченко, написанное им за десять дней до смерти.

В. Бородин

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Порченая. *Перевод М. Исаковского* 3
Думка («Тяжко, тяжко жить на свете...»). *Перевод А. Твардовского* 10
Думка («На что черные мне брови...»). *Перевод В. Звягинцевой* 11
Вечной памяти Котляревского. *Перевод А. Тарковского* . . . 12
Катерина. *Перевод М. Исаковского* 16
Тарасова ночь. *Перевод Б. Турганова* 38
«Думы мои, думы мои...» *Перевод А. Суркова* 43
Гамалия. *Перевод Н. Асеева* 47
«Чигрине, Чигрине...» *Перевод Я. Длугача* 52
Девичьи ночи. *Перевод Н. Ушакова* 55
Сон («У всякого своя доля...»). *Перевод В. Державина* . . . 57
Гоголю («За думою дума летит, вылетает...»). *Перевод М. Исаковского* 72
Еретик. *Перевод П. Карабана* 73
Слепой. *Перевод Н. Асеева* 85
Наймичка. *Перевод Т. Волгиной* 107
Кавказ. *Перевод П. Антокольского* 124
И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание. *Перевод В. Державина* 130
Завещание («Как умру, похороните...»). *Перевод А. Твардовского* 138
Ведьма. *Перевод П. Антокольского* 139
В каземате
«Припомним, братия моя...» *Перевод А. Чачикова* . . . 155
I. «Ой, одна я, одна...» *Перевод А. Колтоновского* . . . 156
II. «За оврагом овраг...» *Перевод Е. Благининой* 156
III. «Мне, право, все равно, я буду...» *Перевод В. Звягинцевой* 157
IV. «Мать не бросай!.. — тебе сказали...» *Перевод Р. Минкус* 158

V. «Зачем ты ходишь на могилу...» *Перевод М. Комиссаровой* 159
VI. «Ой, как вместе три широких...» *Перевод М. Исаковского* 161
VII. Н. Костомарову («Играя, солнышко скрывалось...»). *Перевод В. Звягинцевой* 162
VIII. «Вишневый садик возле хаты...» *Перевод Н. Ушакова* 163
IX. «Рано встали, выступали...» *Перевод Н. Ушакова* . . 164
X. «В неволе тяжко — хоть и воли...» *Перевод Л. Вышеславского* 165
XI. Косарь. *Перевод Г. Владимирского* 165
XII. «Сойдемся ли мы с вами снова?..» *Перевод Н. Панова* 166
«Думы мои, думы мои, самые родные!..» *Перевод А.Суркова* 167
N. N. («Тогда мне лет тринадцать было...»). *Перевод А. Твардовского* 168
Сон («Горы мои высокие!..»). *Перевод А. Суркова* 169
Чернец. *Перевод Н. Асеева* 175
«Сам удивляюсь. Кто ответит...» *Перевод Н. Ушакова* . . . 178
А. О. Козачковскому («В дни детства памятные, в школе...»). *Перевод Б. Пастернака* 179
«А ну-ка, вновь стихи писать!..» *Перевод Н. Брауна* 184
«Как за подушным, правый боже...» *Перевод Н. Ушакова* . . 185
Пророк. *Перевод Н. Брауна* 186
«И вырос я в краю чужом...» *Перевод М. Комиссаровой* . . . 187
«Не для людей и не для славы...» *Перевод Н. Ушакова* . . 189
«И богата я...» *Перевод А. Прокофьева* 190
«То пасхальное воскресенье...» *Перевод А. Тарковского* . . . 190
«В огороде, возле брода...» *Перевод А. Суркова* 193
«Не хочу я обручаться...» *Перевод И. Сельвинского* . . . 194
«В неволе я один скучаю...» *Перевод Л. Озерова* 195
«И в самых радостных краях...» *Перевод А. Твардовского* . . 196
«Готово! Парус распустили...» *Перевод Н. Ушакова* 199
«Мне кажется, — но сам не знаю...» *Перевод Е. Долматовского* 199
«Когда б вы знали, барчуки...» *Перевод Ал. Дейча* 201
Юродивый. *Перевод А. Суркова* 204
Доля. *Перевод М. Комиссаровой* 207
Муза. *Перевод М. Рыльского* 207
Слава. *Перевод М. Голодного* 209
Сон («Она на барском поле жала...»). *Перевод А. Плещеева* . . 210
«Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» *Перевод Н. Ушакова* . . . 210

Подражание 11 псалму. *Перевод М. Голодного* 211
Сестре. *Перевод В. Саянова* 212
Подражание Иезекиилю (глава 19). *Перевод А. Безыменского* 213
Осии (Глава 14). Подражание. *Перевод М. Зенкевича* . . 215
Молитва. *Перевод П. Карабана* 217
Плач Ярославны. *Перевод А. Тарковского* 218
Л. («Поставлю хату — не палаты...»). *Перевод В. Звягинцевой* 220
«Нет, бога я не упрекаю...» *Перевод Л. Озерова* 220
«Хотя лежачего не бьют...» *Перевод А. Суркова* 221
«Сраженья были, распри — все бывало...» *Перевод Л. Вышеславского* 222
Н. Т. («Великомученица-дева!..»). *Перевод А. Безыменского* . 223
«И встретились, и обвенчались...» *Перевод В. Инбер* . . . 224
«Что ж, не пора ли понемногу...» *Перевод К. Симонова* . . . 225
Примечания *В. Бородина* 228

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННИКИ

Поэтическая библиотека

ТАРАС ГРИГОРЬЕВИЧ ШЕВЧЕНКО

Кобзарь

Редактор *Ю. Розенблюм*

Художественный редактор *В. Серебряков*

Технические редакторы *В. Кулагина и Е. Полонская*

Корректоры *С. Свиридов, Г. Верхогляд*

ИБ № 3631

Сдано в набор 26.05.83. Подписано в печать 04.01.84. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетн. № 2. Гарнитура «Тип. таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,72. Усл. кр.-отт. 19,76. Уч.-изд. л. 11,2. Изд. № 1-1417. Тираж 500 000 экз. Заказ 2361. Цена 95 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Поэтическая библиотека